

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

**№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.**

Учредитель и издатель:

Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный
научно-правовой
журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- DIGITALIZATION OF LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Леонькин И.В. * Сущность и понятие миграционного процесса 12
- Айдогдыев М. Х. * Правовая основа инициатив Туркменистана по развитию международной транспортной системы 18
- Чесановская О.Я. * Цифровая трансформация регуляторной деятельности Банка России: публично-правовые вызовы 25

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Элеманова Р.Т. * Роль электронных образовательных ресурсов в преподавании истории Кыргызстана в условиях цифровой трансформации образования 31
- Кумецкая А.С. * Правовые основания ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным по законодательству РФ и КНР 37

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Минаева А. И., Короткова С. О., Мамыкина Е.Н. * Legal design: теоретические основания, принципы и практические инструменты 44

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Мастрюков А.С. * Преемственность правовых традиций в контексте дискуссии о Норманской теории 51
- Швецова П.А. * Зарубежные модели прокурорского контроля за досудебным производством: сравнительно-правовой анализ 56

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Каюмов Д.Д. * Предпринимательская деятельность в условиях финансового мониторинга: правовые ограничения, риски и механизмы защиты 60

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

- Хайманова А.О. * Право застройки в судебной практике 65
- Лиджиев Т.Б. * Цифровая трансформация правосудия как конституционно-правовая проблема 72
- Чернявская С.К. * Пересмотр заочных приговоров в апелляционном и кассационном порядке: единоличное рассмотрение и гарантии права на защиту 76
- Топала Е.О. * Анализ процедур привлечения судей к административной ответственности 86
- Зиганнурова Э.Р. * Значение судебной практики по делам приказного производства 91

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Журавлёва В.Г. * Завещательное наследование в России: правовые основы 97
- Капитонова Э.В. * Три новых вида судебной экспертизы в системе противодействия коррупции: алгоритмическая, психолого-лингвистическая и финансово-трассировочная экспертизы 103
- Быковский Т.Н. * Социально-демографический портрет лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота оружия (на материалах судебной статистики) 112

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Шепелев И.В. * К вопросу о конструкции составов преступлений по моменту окончания: не-

законная добыча рыбы или других водных животных (ст.281 УК Республики Беларусь) и незаконная охота (ст. 282 УК Республики Беларусь)	119
Мамкина М.Ю., Гайнуллина С.А. * Особенности уголовного судопроизводства по делам о коррупционных преступлениях	126
Ставрополова Е.А., Мельников В.Ю. * Проблемы разграничения мошенничества (ст. 159 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) при совершении преступлений с использованием сети «Интернет»	135
Лиджиев Т.Б. * Уголовно-правовые аспекты противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ	140

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Сангулия А.Д. * Право абхазского народа на самоопределение и восстановление суверенной государственности Абхазии (1992–1993 гг.): историко-правовой аспект	144
Загайнов А.К., Марков Р.С. * Правовая модернизация российской монархии в реформаторском проекте С.Е. Десницкого	154

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Leonkin I.V. * Essence and concept of the migration process	12
Aidogdyev M.Kh. * Legal basis of Turkmenistan's initiatives on the development of the international transport system	18
Chesanovskaya O.Ya. * Digital transformation of the bank of russia`s regulatory function: public-law challenges	25

HUMAN RIGHTS

Elemanova R.T. * The role of electronic educational resources in the teaching of Kyrgyzstan's history in the context of the digital transformation of education	31
Kumetskaya A.S. * Legal grounds for limitation of legal capacity and recognition of a citizen as legally incompetent according to the legislation of the Russian Federation and China	37

CIVIL LAW THEORY

Minaeva A.I., Korotkova S.O., Mamykina E.N. * Legal design: theoretical foundations, principles, and practical tools	44
--	----

MANAGEMENT THEORY

Mastryukov A.S. * Continuity of legal traditions in the context of the discussion on Norman theory	51
Shvetsova P.A. * Foreign Models of Prosecutorial Control over Pre-Trial Proceedings: A Comparative Legal Analysis	56

CIVIL AND BUSINESS LAW

Kayumov D.D. * Entrepreneurial activity under financial monitoring: legal restrictions, risks and protection mechanisms	60
---	----

JUSTICE AND COURT PRACTICE

Khaimanova A.O. * Development rights in judicial practice	65
Lidzhiev T.B. * Digital transformation of justice as a constitutional and legal problem	72
Chernyavskaya S.K. * Review of sentences in absentia in appeal and cassation proceedings: single-judge consideration and guarantees of the right to defence	76
Topala E.O. * Analysis of procedures for bringing judges to administrative responsibility	86
Zigannurova E.R. * The importance of judicial practice in cases of summary proceedings	91

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Zhuravleva V.G. * Testamentary inheritance in Russia: legal framework	97
Kapitonova E.V. * Three new types of forensic expertise in the anti-corruption system: algorithmic, psycholinguistic and financial tracing expertise	103
Bykovsky T.N. * Socio-demographic portrait of a person committing crimes in the sphere of illegal arms trafficking (based on forensic statistics)	112

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Shepelev I.V. * On the question of the construction of crimes at the moment of completion: illegal harvesting of fish or other aquatic animals (article 281 of the Criminal Code of the republic of Belarus) and illegal hunting (art. 282 of the Criminal Code of the republic of Belarus)	119
---	-----

Mamkina M.Yu., Gainullina S.A. * Features of criminal proceedings in cases of corruption crimes	126
Stavropolova E.A., Melnikov V.Yu. * Problems of distinguishing fraud (art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal access to computer information (art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation) in committing crimes using the Internet	135
Lidzhiev T.B. * Criminal law aspects of countering crimes committed using ICT	140

LEGAL ARCHIVE

Sanguliya A.D. * The right of the Abkhazian people to self-determination and the restoration of the sovereign statehood of Abkhazia (1992-1993): historical-the legal aspect	144
Zagainov A.K., Markov R.S. * Legal modernization of the Russian monarchy in the reformist project of Semyon Desnitsky	154

ЛЕОНЬКИН Иван Владимирович,
слушатель 3 курса факультета заочного обучения,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: spb_vanek@bk.ru

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматривается сущность и понятие миграционного процесса. Анализируются различные подходы к определению миграции, выделяются её ключевые характеристики и факторы, влияющие на перемещение населения. Особое внимание уделяется многогранности миграционных процессов, их влиянию на социально-экономическое и демографическое развитие территорий, как принимающих, так и отдающих. Представлена авторская трактовка сущности миграционного процесса как сложного, многоуровневого явления, включающего в себя совокупность взаимосвязанных экономических, социальных, политических и культурных факторов и оказывающего значительное воздействие на структуру и динамику населения.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, население, социально-экономическое развитие, миграционная политика.

LEONKIN Ivan Vladimirovich,
3rd-year student, Faculty of Distance Learning,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia

ESSENCE AND CONCEPT OF THE MIGRATION PROCESS

Annotation. The article examines the essence and concept of the migration process. It analyzes various approaches to defining migration, highlights its key characteristics, and identifies the factors that influence population movement. Special attention is given to the multifaceted nature of migration processes and their impact on the socio-economic and demographic development of both receiving and sending territories. The article presents the author's interpretation of the migration process as a complex, multi-level phenomenon that encompasses a multitude of interconnected economic, social, political, and cultural factors and has a significant impact on the structure and dynamics of the population.

Key words: migration, migration process, population, socioeconomic development, migration policy.

Развитие миграционных процессов обусловлено политическими и социально-экономическими изменениями во многих странах мира. «Миграция - это сложное политико-правовое явление, охватывающее все мировое сообщество. Миграция является естественным процессом для любого государства, в том числе и для Российской

Федерации» [1]. Миграционные потоки составляют как эмигранты, которые выезжают на постоянное место жительства, так и временные трудовые мигранты, ученые, специалисты, беженцы, студенты, а также лица, находящиеся в поисках убежища, нелегальные иммигранты, внутриперемещенные лица, путешественники и другие лица.

В целом термин «миграция» означает передвижение людей, то есть их географическое перераспределение - временное или постоянное. Постоянное движение людей и их перемещение на большие расстояния сложилось исторически. Такие перемещения были обусловлены самыми разнообразными причинами: захватническими войнами, поисками безопасного жилища, рабством, поисками работы, политического убежища и т.д. Образованный от латинского *migration* термин «миграция» в изначальном своем значении связан с английским глаголом «странствовать» или «путешествовать пешком».

Считается, что люди оккупировали все континенты, кроме Антарктиды, в течение примерно 50 000 лет. По мере того, как вид распространялся вдаль от тропических паразитов и болезней африканского происхождения, уровень смертности снижался, а популяция увеличивалась. Это увеличение происходило микроскопически малыми темпами по меркам последних нескольких столетий, но в течение тысяч лет оно привело к большому абсолютному росту до общего числа, которое больше не могло поддерживаться поиском новых охотничьих угодий. Последовал переход от миграционной охоты и собирательства к миграционному подсечно-огневому земледелию. Следствием этого стало быстрое географическое распространение сельскохозяйственных культур, когда пшеница и ячмень двигались на восток и запад от Ближнего Востока по всей Евразии всего за 5000 лет. Около 10 000 лет назад стал преобладающим новый и более продуктивный образ жизни, включающий оседлое земледелие. Это позволило увеличить инвестиции рабочей силы и технологий в растениеводство, что привело к более существенному и безопасному источнику продовольствия, но спорадические миграции продолжались.

Следующий импульс миграции, начавшийся примерно с 4000 до 3000 г. до н.э., был стимулирован развитием морских парусных судов и скотоводческого кочевничества. Средиземноморский бассейн был центром морской культуры, которая включала заселение прибрежных островов и привела к развитию глубоководного рыболовства и торговли на большие расстояния. Другими

предпочтительными регионами были Регионы Индийского океана и Южно-Китайского моря. Между тем, скотоводческое кочевничество включало биологические адаптации как у людей (позволяя им переваривать молоко), так и у видов птиц и млекопитающих, которые были одомашнены. Как моряки, так и скотоводы по своей сути были мигрирующими. Первые смогли колонизировать ранее необитаемые земли или навязать свою власть силой менее мобильному населению. Скотоводы смогли заселить обширные луга евразийской степи и африканских и ближневосточных саванн, а их превосходное питание и мобильность давали им явные военные преимущества перед оседлыми земледельцами, с которыми они вступали в контакт. Несмотря на то, что сельское хозяйство продолжало улучшаться благодаря таким инновациям, как плуг, эти мобильные элементы сохранялись и обеспечивали важные сети, с помощью которых технологические инновации могли широко и быстро распространяться. Этот комплекс человеческой организации и поведения, обычно называемый западной цивилизацией, возник в результате таких событий. Около 4000 г. до н.э. Морские мигранты с юга захлестнули местных жителей поймы Тигра-Евфрата и начали развивать социальную организацию, основанную на разделении труда на высококвалифицированные профессии, такие технологии, как ирригация, бронзовая металлургия и колесные транспортные средства, а также рост городов с населением 20 000–50 000 человек. Политическая дифференциация на правящие классы и управляемые массы обеспечила основу для введения налогов и ренты, которые финансировали развитие профессиональных солдат и ремесленников, чьи специализированные навыки намного превосходили навыки скотоводов и земледельцев. Военное и экономическое превосходство, сопровождавшее такие навыки, позволяло передовым общинам расширяться как путем прямого завоевания, так и путем принятия этой социальной формы соседними народами. Таким образом, миграционные модели сыграли важную роль в создании ранних империй и культур древнего мира.

Массовая миграция на большие расстояния была одним из новых явлений, вызван-

ных увеличением населения и улучшением транспорта, которые сопровождали промышленную революцию. Крупнейшим из них была так называемая Великая атлантическая миграция из Европы в Северную Америку, первая крупная волна которой началась в конце 1840-х годов с массовых перемещений из Ирландии и Германии. Это было вызвано неурожаем картофеля в Ирландии и в нижней Рейнской области, где миллионы людей стали зависимыми от этого единственного источника питания. Эти потоки в конечном итоге утихли, но в 1880-х годах вторая и еще большая волна массовой миграции развилась из Восточной и Южной Европы, снова стимулируемая отчасти сельскохозяйственными кризисами и облегчаемая улучшением транспорта и связи. Между 1880 и 1910 годами около 17 000 000 европейцев въехали в Соединенные Штаты, в целом в период с 1820 по 1980 год их общее число составило 37 000 000 человек.

Миграция рабов и массовые изгнания были частью человеческой истории на протяжении тысячелетий. Крупнейшими рабскими миграциями, вероятно, были те, которые были вызваны европейскими работорговцами, действовавшими в Африке с XVI по XIX век. После Второй мировой войны 9 000 – 10 000 – 10 000 000 этнических немцев были более или менее насильственно вывезены в Германию, и, возможно, 1 000 000 членов групп меньшинств, признанных советским правительством политически ненадежными, были насильственно сосланы в Центральную Азию.

Самые крупные человеческие миграции сегодня происходят внутри национальных государств, они могут быть значительными в быстро растущем населении с большими миграционными потоками из сельских районов в города. Ранние перемещения людей в городские районы были разрушительными с точки зрения смертности. Города были очагами интенсивной инфекции. Действительно, многие вирусные заболевания человека не распространяются, если плотность населения не намного больше, чем при оседлом земледелии или скотоводческом кочевничестве. Более того, города должны были импортировать продовольствие и сырье из внутренних

районов, но транспорт и политические сбои привели к неустойчивым моделям дефицита, голода и эпидемий. В результате города до недавнего времени (середина XIX века) были демографическими провалами, неспособными поддерживать собственное население. Рост городов со времен Второй мировой войны был очень быстрым в большей части мира. В развивающихся странах с высокими общими темпами прироста населения население некоторых городов удваивается каждые 10 лет или менее.

Становление и развитие отечественной системы права в сфере миграции в России прошло через несколько ключевых этапов, начиная с древних времен и до современности. Эта система права включает в себя законодательные, правоприменительные и контрольные механизмы, направленные на регуляцию миграционных процессов, защиту прав мигрантов и обеспечение безопасности страны.

Первые упоминания о миграции можно найти еще в древнерусских летописях, где представлена практика переселения народов, а также принятие различных социально-экономических норм, регулирующих перемещение людей по территории. Однако, в современном смысле система миграционного права начала формироваться только с начала XX века, когда изменения в политическом и социальном строе страны потребовали более четкой регламентации вопросов, связанных с миграцией.

С 1917 года, после Октябрьской революции, бурно изменяющиеся условия в стране привели к необходимости разработки новых норм, регулирующих миграционные процессы. В 1920-е годы были приняты ряд законов, касающихся как внутренней миграции, так и эмиграции, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии законодательства в этой сфере.

В советский период, начиная с 1930-х годов, система миграционного права значительно упростилась, что было связано с централизованной плановой экономикой и контролем за перемещением людей. Миграция была в значительной степени регламентирована, а права мигрантов подчинялись интересам государств. Кодекс законов о труде 1971 года и

другие нормативные акты прописывали права трудящихся, включая мигрантов, однако не всегда успешно их защищали.

Постсоветский период, начиная с 1991 года, стал временем кардинальных изменений в миграционном законодательстве. В 1993 году был принят Закон РФ «О гражданстве Российской Федерации», который стал основой для регулирования вопросов, связанных с получением гражданства и правами мигрантов. В этот период активно развивалась система правовых норм, охватывающих как международную миграцию, так и внутренние перемещения населения внутри России.

К началу 2000-х годов миграционное законодательство России претерпело ряд значительных изменений. В 2002 году был принят Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который определял права и обязанности иностранных граждан, а также прописывал механизмы их легализации на территории страны. Этот закон стал основой для формирования современного подхода к миграции и интеграции мигрантов в российское общество.

Начиная с 2010-х годов, правовые меры стали еще более жесткими, что было связано с необходимостью решения вопросов, связанных с безопасностью и борьбой с нелегальной миграцией. В 2015 году был принят новый Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», который уточнил требования к регистрации мигрантов и их учету.

В последние годы в России также наблюдается тенденция к интеграции международных стандартов в национальное законодательство по миграции. Участие России в международных конвенциях (таких как Конвенция о правовом статусе мигрантов) и соглашениях способствует улучшению правового положения мигрантов и укреплению правовых основ для миграционной политики.

Таким образом, система права в сфере миграции в России, как результат многолетнего развития, представляет собой сложный и многоуровневый механизм, который эволюционирует в зависимости от внутренних и внешних факторов. Важно отметить, что

данная система продолжает развиваться, учитывая современные вызовы, такие как глобализация, изменения климатических условий и миграционные кризисы, требуя постоянного совершенствования и адаптации законодательства к новым реалиям.

На современное состояние любой страны оказывают влияние происходящие во всем мире процессы интернационализации производства, сопровождающиеся интернационализацией рабочей силы. Миграция рабочей силы стала частью международных экономических отношений. Миграционные потоки устремляются из одних регионов и стран в другие.

Для последнего десятилетия характерен рост процессов миграции, как в количественных показателях, так и в качественных: изменяются формы и направления передвижения трудовых потоков. Международные мигранты вносят все больший вклад в экономическое развитие стран, в которые они переехали, а также стран, из которых они уехали, пересылая значительные денежные переводы оставшимся на родине родственникам.

Этапы развития миграционных процессов:

1. Первая стадия. В доиндустриальном обществе миграция ограничена. Имеют место лишь незначительные перемещения людей по близлежащей территории при незначительном естественном приросте, высокой рождаемости и высокой смертности населения. Эту стадию все страны мира к настоящему времени завершили.

2. Вторая стадия. Совпадает с началом демографического взрыва. Характеризуется миграцией из села в город, ростом передвижений на более дальние расстояния, общим возрастанием масштабов международного миграционного движения.

3. Третья стадия. Сохраняется движение из села в город при быстром усилении миграции между городами. Масштабы миграции, в том числе международной, возрастают. Присутствуют все сочетания миграции городского и сельского населения. Эта стадия представлена в большинстве развивающихся стран Латинской Америки, Азии, ряде стран Африки (например, ЮАР, Египет, Нигерия), некоторых странах с переходной экономикой

(например, Польша, Венгрия, Россия, Украина).

4. Четвёртая стадия. Началась после Второй мировой войны и продолжается поныне. Этот этап обусловлен научно-техническим развитием, монополизацией международных рынков труда и капитала, процессами интернационализации и интеграции. Его характерные черты: рост внутриконтинентальной миграции, в частности, в Европе и Африке, рост спроса со стороны современного производства на высококвалифицированные кадры, возникновение нового вида трудовой миграции, который получил название «утечка умов».

Вопрос управления миграционными процессами и минимизации связанных с ними рисков особенно актуален для России, являющейся крупным центром миграции. Миграция оказывает значительное влияние на социум, политику, экономику и этнокультурную структуру российского общества. В последнее время наблюдается усиление миграционных потоков, в основном из стран СНГ, что приводит к изменениям в этнокультурном облике России и требует разработки новых подходов к регулированию миграции. Наиболее значимую долю во всех миграционных процессах занимает трудовая миграция страны, которая оказывает существенное воздействие на экономическое развитие. Поток трудовой иммиграции (преимущественно квалифицированный) привносит новые технологии и умения, а также дополнительный объем рабочей силы, обеспечивая рост производительности труда и, следовательно, развитие экономики страны в целом. В то же время, может наблюдаться эмиграция, негативным образом влияющая на отечественный рынок труда, характеризующаяся оттоком трудовых ресурсов из страны, в т.ч. квалифицированных кадров («утечка мозгов»), вызывающая дисбаланс на рынке труда [2].

При изучении способов управления и снижения миграционных рисков необходимо четко определить, что именно подразумевается под этим понятием. Обычно под миграционными рисками понимают степень неопределенности или опасности для социальной сферы принимающей страны, требующую прогнозирования и смягчения возможных не-

гативных последствий.

Миграционные риски угрожают стабильности и процветанию принимающих государств. Поэтому каждое современное государство должно иметь стратегию управления этими рисками, направленную на решение задач как внутригосударственного, так и глобального масштаба. «Новые реалии, в свою очередь, требуют реформирования регулирования трансграничных миграций и управления рисками миграций, которые неизбежно возникают в ходе трансформации мирового порядка» [3]. Управление миграционными рисками на государственном уровне в России и других странах мира.

Р. В. Нигматуллин, А. Н. Бисярина указывают, что пандемия и меры, принятые для ее сдерживания, привели к снижению темпов экономического роста и увеличению безработицы во всем мире. В результате потери рабочих мест и доходов множество семей оказалось в трудном материальном положении. Сложившаяся ситуация приведет не только к росту неравенства и бедности, но и к потокам трудовых мигрантов [4]. В России внутренняя миграция более распространена, чем внешняя: россияне чаще меняют место жительства внутри страны, чем переезжают за границу. Во внешней миграции в Россию преобладает въезд над выездом.

На миграционные процессы значительное влияние оказывают экономические, культурные и социальные факторы. Государствам необходимо контролировать миграцию, чтобы предотвратить конфликты, перенаселение и опустошение регионов. Россия уделяет серьезное внимание регулированию миграции как внутри страны, так и за ее пределами, стремясь адаптировать меры к современным потребностям.

Миграция бывает легальной и нелегальной, и последняя представляет собой серьезную международную проблему, требующую совместных усилий государств для предотвращения. Нелегальная миграция — это незаконное пересечение границ, сложный процесс, часто обусловленный тяжелой ситуацией в родной стране мигранта: нестабильной экономикой, политической обстановкой, низким уровнем жизни, безработицей или войной.

Миграционные процессы являются неизбежным политическим явлением, но проблема регулирования миграционных процессов

достигает пика, и миграционные кризисы дают понять, что данное явление стало настоящим вызовом современности.

Список литературы:

[1] Хазиева Р. Р. Миграционные процессы в современном мире // Общество, право, государство: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4 (12). С. 27-30.

[2] Тужба Э.Н. Западный опыт миграционной политики в российских реалиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2021. № 7. С. 41.

[3] Черевичко Т. В. Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126-130.

[4] Нигматуллин Р. В., Бисярина А. Н. Миграционная безопасность в контексте противодействия торговле несовершеннолетними в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (64). С. 205-216.

References:

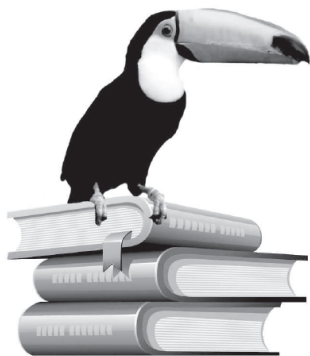
[1] Khazieva R. R. Migration processes in the modern world // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2022. No. 4 (12). Pp. 27-30.

[2] Tuzhba E. N. Western experience of migration policy in Russian realities // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2021. No. 7. Pp. 41.

[3] Cherevichko T. V. Migration risk management in the context of the transformation of global migration processes // Bulletin of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2021. Vol. 21, issue. 2. Pp. 126-130.

[4] Nigmatullin R. V., Bisyarina A. N. Migration security in the context of combating trafficking in minors in the Russian Federation // Legal state: theory and practice. 2022. No. 2 (64). P. 205-216.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АЙДОГДЫЕВ Мурат Худайназарович,
независимый исследователь (специальность «Юриспруденция»),
Ашхабад, Туркменистан,
e-mail: hhudaynazarov@icloud.com

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИНИЦИАТИВ ТУРКМЕНИСТАНА ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Цель (Object): установить и систематизировать международно-правовые и национально-правовые основания, на которых базируются инициативы Туркменистана в сфере развития международной транспортной системы, а также определить их место в системе современного международного транспортного права.*

Методы (Methods): в работе использованы общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридические методы – формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, позволившие исследовать нормативные и политико-правовые акты различного уровня – от резолюций Генеральной Ассамблеи ООН до национального законодательства Туркменистана.

Результаты (Findings): установлено, что правовую базу транспортных инициатив Туркменистана образует многоуровневая система источников: статус постоянного нейтралитета, признанный резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 1995 и 2015 годов; шесть профильных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам транспорта, инициированных Туркменистаном в 2014–2023 годах; политико-правовые декларации (Ашхабадская декларация 2014 года); многосторонние международные договоры о создании транспортных коридоров (Соглашение о Лазуритовом коридоре 2017 года); а также национальное законодательство, прежде всего Закон Туркменистана «Об основах транспортной политики Туркменистана» 2018 года.

Выводы (Conclusions): международно-правовые инициативы Туркменистана представляют собой последовательно выстроенную систему норм «мягкого» и «твёрдого» права, взаимно дополняющих друг друга и создающих правовую основу для реализации транзитного потенциала страны. Дальнейшее развитие этой системы требует кодификации накопленного массива двусторонних и многосторонних договорённостей и их гармонизации с национальным законодательством.

Ключевые слова: международное транспортное право, постоянный нейтралитет, транспортные коридоры, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Лазуритовый коридор, транспортная дипломатия, Ашхабадская декларация, транзитная политика.

AYDOGDYYEV Myrat Hudaynazarovich,
Independent Researcher (Legal Studies),
Ashgabat, Turkmenistan

LEGAL BASIS OF TURKMENISTAN'S INITIATIVES ON THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL TRANSPORT SYSTEM

Annotation. *Object: to identify and systematize the international-legal and domestic-legal grounds underlying Turkmenistan's initiatives in developing the international transport system, and to determine their place within contemporary international transport law.*

Methods: the study employs general scientific methods (analysis, synthesis, systemic approach) together with special legal methods — formal-legal, historical-legal and comparative-legal —

applied to instruments ranging from United Nations General Assembly resolutions to Turkmenistan's domestic legislation.

Findings: the legal foundation of Turkmenistan's transport initiatives is shown to consist of a multi-level system of sources: the status of permanent neutrality recognized by UN General Assembly resolutions of 1995 and 2015; six transport-related UN General Assembly resolutions initiated by Turkmenistan between 2014 and 2023; political-legal declarations (the 2014 Ashgabat Declaration); multilateral international treaties establishing transport corridors (the 2017 Lapis Lazuli Corridor Agreement); and domestic legislation, primarily the 2018 Law of Turkmenistan "On the Fundamentals of the Transport Policy of Turkmenistan."

Conclusions: Turkmenistan's international-legal initiatives form a consistently built system of "soft" and "hard" law norms that complement one another and provide a legal basis for realizing the country's transit potential. Further development of this system requires codifying the accumulated body of bilateral and multilateral arrangements and harmonizing them with domestic legislation.

Key words: *international transport law, permanent neutrality, transport corridors, UN General Assembly resolutions, Lapis Lazuli corridor, transport diplomacy, Ashgabat Declaration, transit policy.*

Введение

Географическое положение Туркменистана в центре Евразии, на пересечении широтных и меридиональных транспортных направлений, объективно предопределяет особую роль страны в формировании новой архитектуры международных транспортных связей между Европой и Азией. Однако одного лишь географического фактора недостаточно для превращения транзитного потенциала в реально действующий транспортный коридор: необходима устойчивая правовая база, закрепляющая права и обязанности государств-участников, порядок финансирования инфраструктуры, таможенные и визовые процедуры, а также механизмы разрешения споров. Именно поэтому анализ правовых оснований, на которых Туркменистан выстраивает свои международные транспортные инициативы, представляет самостоятельный научный интерес для науки международного права и, в частности, для формирующейся отрасли международного транспортного права.

Актуальность темы обусловлена также тем, что за последние десять лет Туркменистан стал одним из наиболее активных инициаторов транспортной повестки в рамках Организации Объединённых Наций: по инициативе туркменской стороны Генеральная Ассамблея ООН приняла уже шесть резолюций, посвящённых устойчивому транспорту и мультимодальным транзитным коридорам, а сама страна выступила соучредителем ряда многосторонних договоров о создании кон-

кретных транспортных маршрутов. Вместе с тем в отечественной и зарубежной юридической литературе комплексный анализ правовой природы данных актов – от политически обязывающих деклараций до международных договоров и национального законодательства – проведён недостаточно полно, что и определяет цель настоящего исследования.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили: резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам транспорта (A/RES/69/213, A/RES/70/197, A/RES/72/212, A/RES/75/313, A/RES/78/148 и резолюция об учреждении Всемирного дня устойчивого транспорта), Ашхабадская декларация 2014 года, Соглашение о транзитном, торговом и транспортном сотрудничестве по маршруту «Лазуритового коридора» 2017 года, а также национальное законодательство Туркменистана, прежде всего Закон Туркменистана «Об основах транспортной политики Туркменистана» от 9 июня 2018 года. Методологическую основу работы составили общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, а также специально-юридические методы – формально-юридический (для установления юридической природы и юридической силы исследуемых актов), историко-правовой (для прослеживания эволюции инициатив с 2011 по 2026 год) и сравнительно-правовой (для сопоставления международных обязательств Туркменистана с положениями его внутреннего законодательства).

1. Постоянный нейтралитет Туркменистана как исходная международно-правовая основа транспортных инициатив

Отправной точкой международно-правового статуса Туркменистана в транспортной сфере выступает институт постоянного нейтралитета. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 года был признан постоянный нейтралитет Туркменистана, а резолюцией от 3 июня 2015 года данный статус был подтверждён повторно в связи с двадцатилетием его провозглашения. Постоянный нейтралитет, будучи институтом международного публичного права, налагает на государство обязательства невступления в военные союзы и неучастия в вооружённых конфликтах, но одновременно открывает широкие возможности для позиционирования страны в качестве надёжной транзитной территории, не вовлечённой в региональные политические противоречия.

Именно статус нейтралитета создаёт международно-правовую предпосылку для того, чтобы Туркменистан выступал инициатором универсальных, а не блоковых транспортных проектов: все шесть резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по транспортной тематике были приняты консенсусом или при поддержке подавляющего большинства государств-членов, что было бы затруднительно для страны, связанной военно-политическими союзами. Таким образом, нейтралитет выполняет функцию своеобразного «конституционного» основания внешнеполитической, в том числе транспортной, доктрины государства, на которое в дальнейшем нанизываются более конкретные международно-правовые и договорные инструменты.

2. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН как инструмент «мягкого права» в транспортной политике Туркменистана

Второй уровень правовой архитектуры образуют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, инициированные Туркменистаном. Отправной является резолюция от 19 декабря 2014 года «Роль транспортно-транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества в интересах устойчивого развития» (A/RES/69/213), принятая по итогам

Международной конференции по роли транспортных и транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества, стабильности и устойчивого развития, состоявшейся в Ашхабаде 3 сентября 2014 года. За ней последовали резолюция от 22 декабря 2015 года «Всеобъемлющее сотрудничество между всеми видами транспорта в целях содействия развитию устойчивых мультимодальных транзитных коридоров» (A/RES/70/197), соавторами которой выступили 84 государства, резолюция от 20 декабря 2017 года «Укрепление связей между всеми видами транспорта в интересах достижения целей устойчивого развития» (A/RES/72/212), резолюция от 29 июля 2021 года о поддержании устойчивого и надёжного международного транспортного сообщения в условиях пандемии COVID-19 (A/RES/75/313), резолюция об учреждении Всемирного дня устойчивого транспорта (26 ноября), принятая на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи в мае 2023 года, и резолюция от 21 декабря 2023 года (A/RES/78/148), подтвердившая прежние подходы применительно к цифровизации транспортных документов. Последней по времени инициативой стала резолюция о провозглашении Десятилетия устойчивого транспорта ООН на 2026–2035 годы.

С точки зрения теории источников международного права резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по общему правилу носят рекомендательный характер и не создают юридически обязательных норм для государств-членов. Тем не менее подобные резолюции, принимаемые консенсусом при широком круге соавторов, выполняют важную нормообразующую функцию: они фиксируют *opinio communis* международного сообщества относительно необходимости развития устойчивых транспортных коридоров, задают понятийный аппарат (мультимодальность, устойчивый транспорт, транзитные коридоры) и создают политико-правовую основу для последующей разработки юридически обязывающих документов – двусторонних и многосторонних соглашений. В этом смысле резолюции ООН, инициированные Туркменистаном, следует квалифицировать как классический пример «мягкого права» (*soft law*), которое, не порождая прямых обязательств,

тем не менее оказывает существенное влияние на последующее договорное и национальное нормотворчество.

3. Ашхабадская декларация 2014 года: политико-правовое значение

Промежуточное звено между резолюциями ООН и юридически обязательными договорами образуют декларации, принимаемые по итогам международных конференций. Ашхабадская декларация, одобренная участниками Международной конференции по роли транзитных и транспортных коридоров в обеспечении международного сотрудничества, стабильности и устойчивого развития (3 сентября 2014 года), послужила непосредственной основой для резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/213. Декларация закрепила ряд принципиальных положений: необходимость обеспечения свободного транзита и доступа к морю для государств, не имеющих выхода к морю, важность гармонизации технических и таможенных норм различных видов транспорта, а также приоритет экологической устойчивости при развитии транспортной инфраструктуры.

По своей юридической природе декларации подобного рода не относятся ни к международным договорам в смысле Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, ни к односторонним юридическим актам государств, однако обладают признанным политико-правовым авторитетом и нередко становятся источником толкования последующих международных документов. Для Туркменистана Ашхабадская декларация выполнила функцию программного документа, определившего содержание всех последующих резолюций ООН и договорных инициатив в транспортной сфере на протяжении более чем десятилетия.

4. Многосторонние международные договоры о транспортных коридорах: Соглашение о Лазуритовом коридоре

Третий, юридически обязывающий уровень правовой архитектуры образуют многосторонние международные договоры, направленные на создание конкретных транспортных маршрутов. Наиболее показательным примером служит Соглашение о транзитном, торговом и транспортном сотрудничестве по марш-

путу «Лазуритового коридора» (Lapis Lazuli Transit, Trade and Transport Route Agreement), подписанное 15 ноября 2017 года в Ашхабаде в рамках седьмой Региональной конференции по экономическому сотрудничеству по Афганистану (RECCA VII) пятью государствами – Исламской Республикой Афганистан, Азербайджанской Республикой, Грузией, Туркменистаном и Турецкой Республикой. Коридор связывает афганские города Акина и Торгунди с туркменским морским портом Туркменбаши, через Каспийское море – с Баку, далее с грузинскими портами Поти и Батуми и турецкими Карс и Стамбул, обеспечивая не имеющему выхода к морю Афганистану кратчайший маршрут к черноморским и средиземноморским рынкам.

В отличие от резолюций ООН и деклараций, данное Соглашение является классическим международным договором, порождающим права и обязанности для государств-участников: оно определяет перечень пограничных пунктов пропуска, предусматривает упрощение таможенных и визовых процедур для перевозчиков, а также закрепляет обязательства сторон по унификации транспортной документации. Пилотные перевозки, осуществлённые в 2018 году сначала автомобильным, а затем железнодорожным транспортом через территорию Туркменистана, подтвердили практическую реализуемость договорных обязательств. Одновременно с Лазуритовым коридором Туркменистан продолжает участвовать в правовом режиме программы TRACECA («Европа – Кавказ – Азия»), что свидетельствует о выборе туркменской стороной стратегии множественного, не эксклюзивного правового обеспечения транзитных маршрутов.

Существенным элементом договорной практики выступает также присоединение Туркменистана к профильным конвенциям в области международных дорожных перевозок, в том числе к Дополнительному протоколу к Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ), касающемуся электронной накладной. Подобные шаги демонстрируют последовательную интеграцию национальной правовой системы в универсальные конвенционные режимы, регулирующие международные грузоперевозки.

5. Национальное законодательство как механизм имплементации международных инициатив

Международно-правовые обязательства и политические инициативы Туркменистана нашли системное закрепление во внутреннем законодательстве. Ключевым актом в этой сфере выступает Закон Туркменистана «Об основах транспортной политики Туркменистана» от 9 июня 2018 года, который прямо называет реализацию международных правовых документов, принятых в области транспорта, в числе основных задач государственной транспортной политики (статья 2), а международное сотрудничество – в числе основных принципов транспортной политики (статья 3). Отдельная статья 8 указанного Закона посвящена международному сотрудничеству Туркменистана в области транспорта и предусматривает создание необходимых условий для стабильной реализации транзитно-транспортных возможностей страны, а статья 15 закрепляет, что международное сотрудничество направлено на создание многовекторных мультимодальных транспортных переходов посредством укрепления роли транспортной дипломатии.

Таким образом, национальное законодательство выполняет функцию имплементационного звена, переводящего политические обязательства, взятые Туркменистаном на международной арене, в конкретные полномочия и обязанности органов государственного управления – Кабинета Министров, отраслевых министерств и ведомств. Соответствие транспортной деятельности «общепризнанным нормам международного права» прямо закреплено статьёй 14 Закона в качестве одного из принципов государственного управления транспортной деятельностью, что подтверждает системную связь между международным и внутригосударственным уровнями правового регулирования.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет выявить как сильные стороны, так и определённые пробелы в правовом обеспечении транспортных инициатив Туркменистана. К сильным сторонам следует отнести последовательность и системность внешнеполитических усилий: каждая новая резолюция ООН опи-

рается на предыдущую, а договорные инициативы (Лазуритовый коридор) развивают положения деклараций и резолюций применительно к конкретным маршрутам. Вместе с тем сохраняется определённый разрыв между рекомендательным характером резолюций ООН и юридически обязывающими, но пока немногочисленными договорами о конкретных коридорах: большая часть транспортных инициатив Туркменистана остаётся на уровне политико-правовых деклараций, что создаёт риски неисполнения договорённостей при изменении политической конъюнктуры в странах-партнёрах.

Кроме того, действующие многосторонние соглашения о коридорах (Лазуритовый коридор, TRACECA) не содержат унифицированного механизма разрешения споров между участниками, что в перспективе может осложнить практическую реализацию проектов при возникновении разногласий по тарифам, пропускной способности или распределению грузопотоков. С учётом изложенного представляется целесообразным: во-первых, инициировать разработку рамочной многосторонней конвенции о статусе международных транзитных коридоров с участием государств Центральной Азии, Южного Кавказа и государств Персидского залива; во-вторых, предусмотреть в такой конвенции институциональный механизм разрешения споров (постоянно действующий арбитраж или согласительную комиссию); в-третьих, продолжить гармонизацию национального законодательства Туркменистана с международными техническими и таможенными стандартами в рамках реализации статьи 8 Закона «Об основах транспортной политики Туркменистана».

Заключение

Правовую основу инициатив Туркменистана по развитию международной транспортной системы образует многоуровневая и внутренне согласованная система источников: статус постоянного нейтралитета как исходная международно-правовая предпосылка; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН как инструмент «мягкого права», формирующий международный консенсус; политико-правовые декларации, конкретизирующие содержание резолюций; юридически обязывающие

многосторонние договоры о создании конкретных транспортных коридоров; и национальное законодательство, обеспечивающее имплементацию международных обязательств во внутригосударственную правовую систему. Дальнейшее совершенствование данной си-

стемы связано с переходом от преимущественно рекомендательных и декларативных форм к более широкому кругу юридически обязывающих многосторонних договоров, снабжённых эффективными институциональными механизмами исполнения и разрешения споров.

Список литературы:

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/213 от 19 декабря 2014 г. «Роль транспортно-транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества в интересах устойчивого развития» [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/213> (дата обращения: 09.07.2026).

[2] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/197 от 22 декабря 2015 г. «Всеобъемлющее сотрудничество между всеми видами транспорта в целях содействия развитию устойчивых мультимодальных транзитных коридоров» [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/197> (дата обращения: 09.07.2026).

[3] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/72/212 от 20 декабря 2017 г. «Укрепление связей между всеми видами транспорта в интересах достижения целей устойчивого развития» [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/212> (дата обращения: 09.07.2026).

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/78/148 от 21 декабря 2023 г. «Укрепление связей между всеми видами транспорта в интересах достижения целей устойчивого развития» [Электронный ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/78/148> (дата обращения: 09.07.2026).

[5] Соглашение о транзитном, торговом и транспортном сотрудничестве по маршруту «Лазуритового коридора» (Lapis Lazuli Transit, Trade and Transport Route Agreement) между Исламской Республикой Афганистан, Азербайджанской Республикой, Грузией, Туркменистаном и Турецкой Республикой от 15 ноября 2017 г. [Электронный ресурс] // АЗЕРТАДЖ. – URL: https://azertag.az/ru/xeber/Lapis_Lazuli_pryamoi_torgovyi_put_iz_Azii_v_Evropu-1228228 (дата обращения: 09.07.2026).

[6] Закон Туркменистана «Об основах транспортной политики Туркменистана» от 9 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // FAOLEX (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН). – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/tuk184580.pdf> (дата обращения: 09.07.2026).

[7] Ашхабадская декларация Международной конференции по роли транзитных и транспортных коридоров в обеспечении международного сотрудничества, стабильности и устойчивого развития. Ашхабад, 3 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // Посольство Туркменистана в Лондоне. – URL: <https://uk.tmembassy.gov.tm/en/sustainable-transport/sustainable-transport> (дата обращения: 09.07.2026).

[8] Лазуритовый коридор – путь из Афганистана в Европу [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/54332/lazuritovyy-koridor-put-iz-afganistana-v-evropu> (дата обращения: 09.07.2026).

[9] Туркменистан представил инициативы в области устойчивого транспорта в ООН [Электронный ресурс] // Turkmenportal. – URL: <https://turkmenportal.com/en/news/102956-turkmenistan-presented-sustainable-transport-initiatives-to-the-un> (дата обращения: 09.07.2026).

References:

[1] UN General Assembly Resolution A/RES/69/213 of 19 December 2014 "The Role of Transport and Transit Corridors in Ensuring International Cooperation for Sustainable Development"

[Electronic resource]. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/213> (date of access: 09.07.2026).

[2] UN General Assembly Resolution A/RES/70/197 of 22 December 2015 "Comprehensive cooperation between all modes of transport to promote the development of sustainable multimodal transit corridors" [Electronic resource]. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/197> (date of access: 09.07.2026). [3] UN General Assembly Resolution A/RES/72/212 of 20 December 2017 "Strengthening the links between all modes of transport to achieve the Sustainable Development Goals" [Electronic resource]. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/212> (date of access: 09.07.2026).

[4] UN General Assembly Resolution A/RES/78/148 of 21 December 2023 "Strengthening the links between all modes of transport to achieve the Sustainable Development Goals" [Electronic resource]. - URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/78/148> (date of access: 09.07.2026). [5] Agreement on transit, trade and transport cooperation along the Lapis Lazuli Corridor (Lapis Lazuli Transit, Trade and Transport Route Agreement) between the Islamic Republic of Afghanistan, the Republic of Azerbaijan, Georgia, Turkmenistan and the Republic of Turkey dated November 15, 2017 [Electronic resource] // AZERTAC. - URL: https://azertag.az/ru/xeber/Lapis_Lazuli_pryamoi_torgovyi_put_iz_Azii_v_Evropu-1228228 (date of access: 09.07.2026).

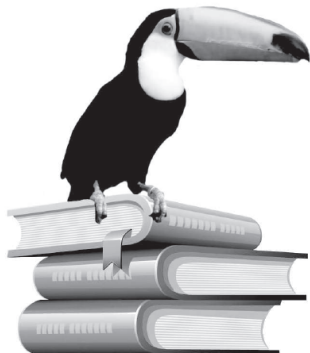
[6] Law of Turkmenistan "On the Fundamentals of Transport Policy of Turkmenistan" dated June 9, 2018 [Electronic resource] // FAOLEX (Food and Agriculture Organization of the United Nations). - URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/tuk184580.pdf> (date accessed: 09.07.2026).

[7] Ashgabat Declaration of the International Conference on the Role of Transit and Transport Corridors in Ensuring International Cooperation, Stability and Sustainable Development. Ashgabat, September 3, 2014 [Electronic resource] // Embassy of Turkmenistan in London. - URL: <https://uk.tmembassy.gov.tm/en/sustainable-transport/sustainable-transport> (date accessed: 09.07.2026).

[8] Lazurite Corridor – the route from Afghanistan to Europe [Electronic resource] // Official Internet Portal of Turkmenistan. - Access mode: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/54332/lazuritovyj-koridor-put-iz-afganistana-v-evropu> (date of access: 07/09/2026).

[9] Turkmenistan presented sustainable transport initiatives to the UN [Electronic resource] // Turkmenportal. - URL: <https://turkmenportal.com/en/news/102956-turkmenistan-presented-sustainable-transport-initiatives-to-the-un> (date of access: 07/09/2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЧЕСАНОВСКАЯ Ольга Ярославовна,
магистрант, Высшая школа государственного аудита,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail ch.olga.ya@mail.ru

Научный руководитель:
КРОХИНА Юлия Александровна,
профессор, доктор юридических наук,
заведующая кафедрой правовых дисциплин,
Высшая школа государственного аудита,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГУЛЯТОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА РОССИИ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию публично-правовых вызовов, возникающих в процессе цифровой трансформации регуляторной деятельности Банка России, выступающего ключевым драйвером цифровизации финансового рынка. На основе анализа документов стратегического планирования Банка России, федеральных законов, в том числе регулирующих правовой статус цифрового рубля, Единой биометрической системы и экспериментальные правовые режимы, а также доктринальных подходов отечественных исследователей были рассмотрены правовые коллизии, порождаемые внедрением цифровых инноваций. Особое внимание уделяется проблемам терминологической неопределенности цифрового рубля, совмещению Банком России функций оператора и регулятора платформы, рискам формализованного применения технологий, а также проблемам применения смарт-контрактов. В статье обосновывается необходимость комплексного совершенствования правового регулирования для устранения пробелов и коллизий, а также адаптации традиционных правовых институтов к новым цифровым реалиям.

Ключевые слова: цифровая трансформация, Банк России, цифровой рубль, Единая биометрическая система, смарт-контракты, SupTech, RegTech, цифровая публичная инфраструктура, финансовый рынок, цифровые инновации.

CHESANOVSKAYA Olga Yaroslavovna,
Master's student at the Higher School of Public Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Academic Supervisor:
KROKHINA Yulia Aleksandrovna,
Professor, Doctor of Law,
Head of the Department of Legal Disciplines,
Higher School of Public Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE BANK OF RUSSIA'S REGULATORY FUNCTION: PUBLIC-LAW CHALLENGES

Annotation. *The article examines the public-law challenges arising in the course of the digital transformation of the regulatory activities of the Bank of Russia, which acts as a key driver of the financial market digitalization. Based on the analysis of the Bank of Russia's strategic planning documents, federal laws, including those governing the legal status of the digital ruble, the Unified Biometric System, and experimental legal regimes, as well as doctrinal approaches of Russian scholars, the paper considers legal collisions generated by the introduction of digital innovations. Particular attention is paid to the terminological uncertainty surrounding the digital ruble, the combination by the Bank of Russia of the functions of platform operator and regulator, the risks of formalized law enforcement arising from the use of technologies, and the legal challenges of applying smart contracts. The article substantiates the need for comprehensive improvement of legal regulation in order to eliminate gaps and collisions, as well as to adapt traditional legal institutions to new digital realities.*

Key words: *digital transformation, Bank of Russia, digital ruble, Unified Biometric System, smart contracts, RegTech, SupTech, digital public infrastructure, financial market, digital innovations.*

Процесс цифровизации государственного управления в России затрагивает все органы публичной власти и отражается во всех сферах жизни общества. В финансовой сфере одним из главных драйверов цифровизации государственного управления является Банк России.

Банк России обладает особым публично-правовым статусом. Его образование и основная цель деятельности обозначены в ст. 75 Конституции РФ. Однако, Федеральный закон № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" [1] наделяет рассматриваемый орган большим количеством иных функций. В 2013 г. к особому статусу Банка России был добавлен еще один уникальный статус «мегарегулятора» в отношении финансовых рынков. На него был возложен ряд задач по обеспечению стабильности, а также регулированию организаций финансового сектора: банковских, страховых организаций, рынка ценных бумаг и др. В целях реализации такого широкого круга полномочий, который традиционно распределяется между несколькими органами власти, Банк России наделен правом издавать нормативные акты в рамках своей компетенции, а также определять направления развития финансового рынка в России, осуществлять контрольно-надзорную деятельность, применять меры принуждения.

На сегодняшний день Банк России переходит в цифровую плоскость деятельности, он формирует цифровую среду взаимодействия

для участников финансового рынка, а также создает собственные цифровые платформы и решения, которые способствуют повышению эффективности деятельности, а также расширяют горизонты возможностей.

В сентябре 2025 г. Банк России представил для публичного обсуждения доклад «Национальная цифровая инфраструктура финансового рынка». Предложенная модель национальной цифровой инфраструктуры (далее – НЦИ) включает три ключевые сферы цифрового преобразования: удостоверение личности, осуществление расчетов и информационный обмен. В докладе отражены ключевые вопросы, касающиеся цифровизации финансового сектора: как распределяются функции между государством и частными участниками рынка при создании компонентов НЦИ, по каким критериям принимается решение о том, кто вправе разработать тот или иной компонент, возможна ли передача разработанной государством инфраструктуры в частное управление и т.д. Стратегический курс на цифровизацию был закреплён Банком России в документе стратегического планирования «Основные направления развития финансовых технологий на период 2025-2027 годов» [2], в котором регулятор обозначил основной фокус на развитии цифровой инфраструктуры, обеспечении технологического суверенитета и информационной безопасности, а также совершенствовании нормативно-правовой базы для регулирования новых отношений. Председатель Банка

России Э.С. Набиуллина отмечала, что цифровизация финансовой сферы является приоритетом, так как это благо как для экономики, так и для людей.

Цифровизация имеет большое количество положительных аспектов, однако передовые решения и технологии имеют также и отрицательные стороны. Возникает проблема столкновения технологических новелл и права, что влечет за собой коллизии в области традиционных правовых институтов. Также глобально стоят вопросы кибербезопасности и защиты данных, в том числе и персональных, при использовании цифровых сервисов.

Понятийный аппарат цифровой трансформации государственного управления в финансовой сфере находится на этапе активного формирования. Термин «цифровые технологии» не имеет легально закрепленной дефиниции, это связано с критериями дискретной системы, которая основывается на методах кодировки и передачи информации, которая дает возможность совершать множество разноплановых операций за небольшой промежуток времени. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ [3] дает легальное определение смежному понятию «цифровые инновации», под которыми понимаются новые или существенно улучшенные продукт или процесс, новый метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые с применением технологий, перечень которых по направлению, предусмотренному пунктом 4 части 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, Банком России. Принципиальной особенностью данного определения является закрытый перечень технологий, что с одной стороны снижает юридические и репутационные риски для участников финансового рынка, но с другой стороны ограничивает доступ к «правовой песочнице» для наиболее передовых цифровых технологий, которые еще не существовали на момент составления перечня [4].

Далее предлагается рассмотреть несколько примеров внедрения цифровых технологий Банком России, а также проблем и вызовов, которые могут возникнуть в процессе их ис-

пользования.

Самым очевидным и масштабным примером может служить внедрение Банком России цифрового рубля, правовой статус которого определен Федеральным законом № 340-ФЗ [5]. Согласно данному закону, цифровой рубль признается третьей формой национальной валюты, а Банк России является оператором платформы цифрового рубля, т.е. обеспечивает её функционирование. С точки зрения перспектив цифровизации данный инструмент является достаточно перспективным: бюджетные средства в форме цифрового рубля приобретают «окраску», благодаря чему могут быть израсходованы только на соответствующие цели, нецелевое расходование сразу будет подсвечиваться в системе, также цифровой рубль позволит повысить скорость и снизить издержки расчетов. Однако, новая форма национальной валюты вступает в конфликт с уже существующим правовым регулированием: в то время как Банк России определяет его как третью форму национальной валюты, все остальное законодательство, включая Гражданский Кодекс РФ [6], относит его к безналичным денежным средствам, вследствие чего возникает терминологическая неопределенность. Также можно говорить о совмещении статусов Банка России: с одной стороны он выступает как регулятор и устанавливает правила для участников рынка, с другой – теперь является оператором платформы цифрового рубля, т.е. совмещает в одном лице функции субъекта и объекта контроля.

Банк России рассматривает возможность создания в инфраструктуре цифрового рубля отдельного компонента – платформы коммерческих смарт-контрактов (далее – ПКСК) [7]. В документах регулятора смарт-контракт определяется как программный алгоритм, обеспечивающий автоматическое исполнение договорных обязательств при наступлении заранее определенных условий. Согласно концепции [8], Банк России будет являться оператором ПКСК на начальном этапе её функционирования. В рамках данной платформы участники финансового рынка смогут размещать сценарии самоисполняемых сделок на открытой витрине, а пользователи – подключаться к ним при проведении операций с использованием цифрового рубля. Банк России относит вне-

дрение смарт-контрактов к числу приоритетных задач, которые упростят идентификацию клиентов и повысят скорость проведения платежей. ПКСК станет ещё одним инструментом автоматизации на финансовом рынке, а также в перспективе дополнит систему оперативного контроля за целевым расходованием средств, в том числе бюджетных, т.к. платёж привязан к определенным условиям, при неисполнении или отклонении от которых транзакция автоматически блокируется. Автоматизация позволит исключить посредников, что положительно скажется на скорости расчетов. Однако, внедрение смарт-контрактов сопряжено с правовыми неопределенностями. Аналогично цифровому рублю, смарт-контракты крайне фрагментарно урегулированы гражданским законодательством указанием на их характеристики, но без введения легального определения, а по своей сущности вступают в противоречие с уже существующими нормами: принцип неизменности программного кода (иммутабельность) ограничивает классические правовые средства защиты – признание сделки недействительной, реституцию, а также возможность изменить контракт по воле сторон после его заключения. Существует ставшая обычной для применения цифровых технологий проблема ответственности за технические ошибки систем – ни на законодательном уровне, ни на уровне судебной практики пока не сложилось единого понимания того, кто, в каких случаях и в каком объеме несет ответственность за ошибки и сбои информационных систем.

Другим примером является внедрение и развитие Единой биометрической системы (далее – ЕБС), общие положения о её функционировании регулируются Федеральным законом № 572-ФЗ [9], Банк России поощряет совершенствование биометрической идентификации и осуществляет регулирование ЕБС в рамках своей компетенции – применительно к финансовым организациям. Перспективы внедрения ЕБС в секторе финансовых услуг очевидны: появляется возможность получать услуги онлайн без физического присутствия, что ускоряет и упрощает процедуру их предоставления, а также повышает уровень надежности идентификации в сравнении с традиционными методами. Однако есть ряд вызовов в связи

с применением ЕБС. В соответствии с Федеральным законом № 572-ФЗ предоставление биометрии является добровольным, но реализация права гражданина не предоставлять такие данные может ограничивать его доступ к финансовым услугам, например к получению микрозаймов через онлайн платформы. Также в связи с развитием искусственного интеллекта повышается риск мошеннических действий с использованием сгенерированных изображений – «дипфейков»; сама система ЕБС также может давать сбои. Таким образом, традиционная правовая конструкция, когда юридически значимые действия совершаются лицом лично, размывается. При ошибках системы у лица возникает необходимость доказать, что действие было совершено третьим лицом. На сегодняшний день финансовый рынок пока не готов к полномасштабному внедрению ЕБС, что подтверждает аргументы о её недоработанности. По инициативе Банка России санкции временно не будут применяться к микрофинансовым организациям, которые не успели в установленный срок – до 1 марта 2026 г., в полном объеме наладить работу данной системы [10]. Это связано как технической сложностью работы самой системы, так и с проблемами в области её правоприменения.

Цифровизация осуществляется и в области контроля – Банком России внедряются технологии SupTech и RegTec, которые предполагают автоматизацию управления угрозами и рисками, выявление подозрительных действий и операций системой на основе анализа большого массива данных. Как отмечает Ю.А. Крохина, критерием разграничения SupTech и RegTec является субъектный состав, применяющий данные цифровые технологии в своей деятельности: участники платежного рынка и регулятор [11]. Банк России не соединяет данные понятия в одно и рассматривает их как два равнозначных явления, что в свою очередь упрощает их понимание пользователями. Перспектива использования таких технологий, как и вышеперечисленных, заключается в ускорении и повышении эффективности контрольной деятельности, отсутствие влияние человеческого фактора на анализ данных. Правовая традиция, в свою очередь, предполагает, что анализ проводится в индивидуальном порядке, система оценивает данные формализовано

и не способна учитывать конкретные обстоятельства ситуации, что создает риски избыточно формализованного правоприменения. В будущем, в случае если подобные системы смогут формировать предписания, возникнет вопрос их обжалования, т.к. алгоритмы скрыты от субъекта, вследствие чего он не может оценить логику принятия решения и выстроить линию защиты.

Таким образом, Банк России играет ключевую роль в процессах цифровизации на финансовом рынке – он определяет стратегию, задает технологические тренды, осуществляет

нормативное регулирование. На сегодняшний день технологические инновации являются требованием времени, без них невозможно эффективно предоставлять финансовые услуги и реализовывать контроль в финансовой сфере. Однако, новые цифровые решения зачастую порождают риск, в том числе в области соотношения нового подхода с уже существующей правовой традицией. Правовые коллизии неизбежны, в таком случае важно изменять существующее правовое регулирование так, чтобы оно соответствовало фактически складывающимся правоотношениям.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

[2] Банк России. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов // [Электронный ресурс] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

[4] Крохина Ю.А. Проблемы правового регулирования цифровых технологий, применяемых Центральным банком РФ и финансовыми институтами // Мониторинг правоприменения, 2022. – № 4. – С. 34-35.

[5] Федеральный закон от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, 31.07.2023. № 31 (часть III) ст. 5766.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): принят Государственной думой 21 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 32. Ст. 3301.

[7] Платформа коммерческих смарт-контрактов в цифровых рублях: концепция Банка России // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=32630> (дата обращения 27.07.2026).

[8] Банк России. Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов, 2026 г. // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/193705/commercial_smart_contract_platform.pdf (дата обращения 27.07.2026).

[9] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ "Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, 02.01.2023. №1 (часть I). ст. 19.

[10] Ведомости: ЦБ предлагает не наказывать МФО за неподключение к единой биометрической системе // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2026/03/27/1186040-tsb-predlagaet-ne-nakazivat> (дата обращения 27.07.2026).

[11] Крохина Ю.А. Проблемы правового регулирования цифровых технологий, применяемых Центральным банком РФ и финансовыми институтами // Мониторинг правоприменения, 2022. – № 4. – С. 36.

References:

- [1] Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" // Collected Legislation of the Russian Federation, 15.07.2002, No. 28, Art. 2790.
- [2] Bank of Russia. Main Directions for the Development of Financial Technologies for the Period 2025–2027 // [Electronic resource] URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (date accessed: 20.04.2026).
- [3] Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 03.08.2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.
- [4] Krokhina Yu.A. Problems of Legal Regulation of Digital Technologies Used by the Central Bank of the Russian Federation and Financial Institutions // Monitoring of Law Enforcement, 2022. – No. 4. – Pp. 34-35.
- [5] Federal Law of July 24, 2023 No. 340-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, July 31, 2023. No. 31 (Part III), Art. 5766.
- [6] Civil Code of the Russian Federation (Part One): adopted by the State Duma on October 21, 1994 // Collected Legislation of the Russian Federation, 1994. No. 32. Art. 3301.
- [7] Commercial Smart Contracts Platform in Digital Rubles: Bank of Russia Concept // [Electronic resource]. – URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=32630> (accessed July 27, 2026).
- [8] Bank of Russia. Commercial Smart Contracts Platform Concept, 2026 // [Electronic resource]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/193705/commercial_smart_contract_platform.pdf (accessed July 27, 2026).
- [9] Federal Law of December 29, 2022 No. 572-FZ "On the Implementation of Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on the Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, January 2, 2023. No. 1 (Part I). Art. 19.
- [10] Vedomosti: The Central Bank proposes not to penalize MFIs for failure to connect to the unified biometric system // [Electronic resource] URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2026/03/27/1186040-tsb-predlagaet-ne-nakazivat> (date of access July 27, 2026).
- [11] Krokhina Yu.A. Problems of legal regulation of digital technologies used by the Central Bank of the Russian Federation and financial institutions // Monitoring of law enforcement, 2022. - No. 4. - P. 36.

ЭЛЕМАНОВА Римма Туратбековна,
*преподаватель Кыргызского государственного
университета имени И. Арабаева,
Бишкек, Кыргызстан,
тел.: +996 550 015 156,
e-mail: elemanovarimma@gmail.com*

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается значение электронных образовательных ресурсов и новых информационных технологий в развитии исторического образования Кыргызстана. Анализируются современное состояние информатизации гуманитарного образования, существующие проблемы внедрения цифровых технологий в образовательный процесс, а также перспективы их дальнейшего развития. Особое внимание уделяется необходимости формирования цифровой образовательной среды, подготовки специалистов в области исторической информатики и создания специализированных электронных ресурсов по истории Кыргызстана.

Ключевые слова: историческое образование, цифровизация, новые информационные технологии, электронные образовательные ресурсы, историческая информатика, Кыргызстан.

ELEMANOVA Rimma Turatbekovna,
*Lecturer at I. Arabyev Kyrgyz State University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

THE ROLE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES IN THE TEACHING OF KYRGYZSTAN'S HISTORY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Annotation. This article examines the significance of electronic educational resources and new information technologies in the development of historical education in Kyrgyzstan. It analyzes the current state of informatization in humanities education, the existing challenges of integrating digital technologies into the educational process, and the prospects for their further development. Particular attention is paid to the need for creating a digital educational environment, training specialists in the field of historical informatics, and developing specialized electronic resources on the history of Kyrgyzstan.

Key words: historical education, digitalization, new information technologies, electronic educational resources, historical informatics, Kyrgyzstan..

Развитие информационного общества оказывает существенное влияние на систему образования, определяя новые подходы к организации учебного процесса и формированию образовательной среды. Одним из важнейших направлений модернизации образования является широкое внедрение электронных образовательных ресурсов (ЭОР), которые

обеспечивают доступность информации, расширяют возможности самостоятельного обучения и способствуют повышению качества подготовки специалистов [1].

Для исторического образования использование цифровых технологий приобретает особую актуальность. История как гуманитарная дисциплина опирается на широкий спектр источников, архивных материалов, картографических данных, фотографий, аудио- и видеоматериалов, которые могут быть эффективно интегрированы в электронные образовательные ресурсы. Это позволяет значительно расширить возможности изучения исторических процессов, повысить уровень наглядности и обеспечить интерактивное взаимодействие обучающихся с историческими источниками [2].

Несмотря на активное развитие информационных технологий, процесс преподавания истории в Кыргызской Республике по-прежнему во многом основывается на традиционных методах обучения. Использование электронных образовательных ресурсов носит фрагментарный характер, а дидактический потенциал современных цифровых технологий реализуется недостаточно полно. Ограниченность интерактивных форм обучения снижает мотивацию студентов и затрудняет формирование исследовательских компетенций, необходимых современному специалисту [3, с. 127].

Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная интеграция информационных технологий в профессиональную деятельность историков. На протяжении длительного времени многие специалисты гуманитарного профиля проявляли определенный скептицизм в отношении применения цифровых технологий в исторических исследованиях и образовательной практике. Подобная позиция существенно замедлила процессы цифровой трансформации исторического образования [4, с. 69].

В современных условиях информатизации общества возникает необходимость переосмысления роли цифровых технологий в гуманитарных науках. Использование электронных образовательных ресурсов становится не дополнительным инструментом обучения, а важнейшим компонентом образовательной среды, обеспечивающим доступ к истори-

ческим источникам, архивным документам, мультимедийным материалам и современным научным исследованиям.

В последние годы в Кыргызстане наблюдаются положительные изменения в области цифровизации исторического образования. В ведущих университетах страны внедряются учебные дисциплины, направленные на формирование цифровых компетенций студентов-гуманитариев. Так, в Кыргызско-Российском Славянском университете реализуется курс «Новые информационные технологии в историческом образовании», а в Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына преподается дисциплина «Компьютерные технологии в гуманитарной отрасли» [5, с. 93].

Значительным этапом развития исторической информатики стало создание лаборатории исторической информатики при кафедре истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета. Деятельность лаборатории ориентирована на внедрение цифровых технологий в образовательный процесс, разработку электронных образовательных материалов и проведение научных исследований с использованием современных информационных методов.

Существенный вклад в развитие цифровых образовательных ресурсов внесла творческая группа Кыргызского национального университета, разработавшая электронный учебник по истории Кыргызстана на кыргызском языке. Данный проект стал одним из первых примеров комплексного применения цифровых образовательных технологий в преподавании отечественной истории [6, с. 207].

Дополнительное значение имеют специализированные интернет-ресурсы, посвященные истории Кыргызстана, а также создание мультимедийных презентаций и электронных учебно-методических материалов для сопровождения лекционных курсов. Однако существующие разработки пока не способны полностью удовлетворить потребности современной системы исторического образования и требуют дальнейшего совершенствования.

Несмотря на положительную динамику развития электронных образовательных ресурсов, процесс информатизации исторического образования сопровождается рядом объ-

ективных трудностей [7, с. 254].

Одной из наиболее существенных проблем остается недостаточное финансирование разработки цифровых образовательных продуктов. Создание качественных электронных учебников, виртуальных музеев, интерактивных карт, цифровых архивов и мультимедийных платформ требует значительных материальных ресурсов, современной технической инфраструктуры и специализированного программного обеспечения.

Не менее важной проблемой является дефицит квалифицированных кадров, обладающих компетенциями одновременно в области истории и информационных технологий. Эффективная разработка электронных образовательных ресурсов предполагает междисциплинарное взаимодействие историков, программистов, дизайнеров, специалистов по цифровым гуманитарным исследованиям и педагогов [8, с. 15].

Дополнительным фактором, ограничивающим развитие цифровой образовательной среды, остается недостаточная интеграция университетов, библиотек, архивов и научных организаций в единое информационное пространство. Отсутствие централизованных цифровых баз данных значительно усложняет доступ исследователей и студентов к достоверным историческим источникам.

Дальнейшее развитие исторического образования Кыргызстана невозможно без последовательной цифровой трансформации образовательного процесса. Приоритетными направлениями являются разработка национальных электронных образовательных платформ, создание цифровых архивов исторических документов, внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, использование геоинформационных систем, цифровых карт и мультимедийных исторических реконструкций.

Особое значение приобретает подготовка специалистов нового поколения, обладающих компетенциями в области цифровой гуманитаристики и исторической информатики. Для этого необходимо совершенствование образовательных программ высших учебных заведений, расширение практико-ориентированных дисциплин по применению информационных технологий в исторических исследованиях и

развитие международного сотрудничества.

Эффективным направлением также является создание специализированных интернет-порталов на базе университетов, библиотек и государственных архивов, объединяющих электронные учебники, базы исторических документов, цифровые коллекции, мультимедийные материалы и научные публикации. Подобные ресурсы позволят существенно повысить доступность исторического знания как для студентов и преподавателей, так и для широкого круга пользователей.

Особое место в культурном наследии кыргызского народа занимает эпос «Манас» – уникальный памятник устного народного творчества, отражающий историческую память, мировоззрение и духовные ценности кыргызов. На протяжении многих десятилетий изучением эпоса занимались отечественные и зарубежные ученые, внесшие значительный вклад в развитие манасоведения. В целях сохранения и популяризации результатов их научной деятельности Академией «Манас» был создан виртуальный музей исследователей эпоса «Манас», представляющий собой современный цифровой ресурс историко-культурного наследия.

Виртуальный музей исследователей эпоса «Манас» является инновационной платформой, предназначенной для хранения, систематизации и распространения информации о выдающихся ученых, посвятивших свои исследования изучению эпоса. В отличие от традиционных музейных экспозиций, виртуальный формат обеспечивает постоянный доступ к материалам независимо от географического местонахождения пользователей, что существенно расширяет возможности научной коммуникации и образовательной деятельности [9, с. 180].

Цифровая экспозиция музея включает биографические сведения об исследователях, научные публикации, архивные документы, фотографии, рукописи, аудиовизуальные материалы и другие источники, связанные с историей изучения эпоса. Такой подход позволяет представить развитие манасоведения как самостоятельного научного направления и проследить основные этапы его становления.

Особую ценность виртуальный музей представляет для сохранения научного насле-

дия выдающихся исследователей эпоса, среди которых важное место занимают труды кыргызских, российских, казахских и зарубежных ученых. Создание единой цифровой базы данных способствует сохранению уникальных материалов и предотвращает их утрату, обеспечивая долговременное хранение информации в электронном формате.

Виртуальный музей выполняет не только функцию сохранения историко-культурного наследия, но и является важным образовательным ресурсом. Использование цифровой платформы в учебном процессе позволяет студентам, магистрантам, аспирантам и исследователям получать доступ к достоверным научным материалам, изучать биографии ученых и знакомиться с результатами их исследований.

Интеграция виртуального музея в образовательную среду способствует развитию цифровых компетенций обучающихся и формированию навыков работы с электронными историческими источниками. Благодаря интерактивному формату представления информации пользователи получают возможность самостоятельно изучать материалы, анализировать документы и проводить научные исследования [10, с. 64].

Кроме того, виртуальный музей создает условия для международного научного сотрудничества. Размещение материалов в цифровой среде обеспечивает доступ к ним исследователям из разных стран, что способствует расширению научного диалога и популяризации кыргызского культурного наследия на международном уровне.

Создание виртуального музея исследователей эпоса «Манас» является важным этапом цифровизации гуманитарной науки в Кыргызстане. Вместе с тем дальнейшее развитие данного направления требует совершенствования информационной инфраструктуры, расширения цифровых коллекций и внедрения современных технологий визуализации исторических данных.

Перспективным направлением является создание интерактивных карт, электронных каталогов, мультимедийных архивов и цифровых библиотек, посвященных истории изучения эпоса. Важное значение имеет также разработка многоязычных версий цифровых ресурсов, что позволит сделать научные мате-

риалы доступными для более широкой международной аудитории [11, с. 350].

Использование технологий искусственного интеллекта, цифровой обработки текстов и анализа больших данных открывает новые возможности для исследования эпического наследия и формирования современных электронных ресурсов в области манасоведения. Виртуальный музей исследователей эпоса «Манас», созданный Академией «Манас», представляет собой значимый цифровой ресурс историко-культурного наследия Кыргызстана. Его деятельность способствует сохранению научного наследия исследователей эпоса, расширению доступа к историческим источникам и развитию образовательной и научной деятельности. В условиях цифровизации общества подобные проекты становятся важным инструментом сохранения национальной памяти и популяризации культурного наследия кыргызского народа как на национальном, так и на международном уровнях.

Таким образом, внедрение электронных образовательных ресурсов является одним из ключевых факторов модернизации исторического образования в Кыргызской Республике. Использование новых информационных технологий способствует повышению качества образовательного процесса, развитию исследовательских навыков студентов, расширению доступа к историческим источникам и популяризации исторического наследия страны. Несмотря на существующие организационные, кадровые и финансовые трудности, уже реализованные проекты свидетельствуют о постепенном формировании цифровой образовательной среды в области исторического образования. Дальнейшее развитие данного направления требует комплексной государственной поддержки, подготовки высококвалифицированных специалистов, расширения международного сотрудничества и создания современной цифровой инфраструктуры, способной обеспечить устойчивое развитие исторической науки и образования в условиях информационного общества.

В условиях цифровизации гуманитарного знания особое значение приобретает создание электронных ресурсов, направленных на сохранение, систематизацию и популяризацию историко-культурного наследия. Современ-

ные информационные технологии открывают новые возможности для изучения национальной истории, культуры и духовных ценностей, обеспечивая широкий доступ к научным материалам и историческим источникам. Одним из перспективных направлений цифровой

трансформации гуманитарной сферы является создание виртуальных музеев, которые позволяют интегрировать различные виды исторической информации в едином цифровом пространстве.

Список литературы:

- [1] Закон Кыргызской Республики «Об образовании» от 30 апреля 2003 г. № 92 (с изменениями и дополнениями).
- [2] Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023». – Бишкек: Правительство Кыргызской Республики, 2019.
- [3] Элеманова Р.Т. Геоинформационный анализ демографических процессов и занятости населения по данным переписи населения кыргызской республики 2009 года / Информационный бюллетень ассоциации история и компьютер. Москва 2022. С.127-130.
- [4] Элеманова Р.Т. Геоинформационные системы в исторических исследованиях (на примере истории населенных пунктов КР в советский период) / Информационный бюллетень ассоциации история и компьютер. Москва 2020. С. 69-71.
- [5] Элеманова Р.Т. Геоинформационные технологии в исследовании демографической ситуации в Кыргызской Республике (1989-2015 гг.) / Известия Алтайского государственного университета. Барнаул 2019. №2 (106). С. 92-95.
- [6] Элеманова Р.Т. Перспективы и проблемы исследования истории Великого шелкового пути на территории Кыргызстана с применением ГИС-технологий / Информационный бюллетень ассоциации история и компьютер. Барнаул 2015. С. 207-211.
- [7] Элеманова Р.Т. Актуальность изучения истории Великого шелкового пути на территории Кыргызстана с применением ГИС-Технологий / Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул 2014. №8; С. 254-258.
- [8] Зайнулин Р.Ш., Элеманова Р.Т. Проблемно-ориентированный подход в создании электронного атласа / Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек 2008, Т:8, №7. С. 15-18.
- [9] Шербакова С.А., Элеманова Р.Т. Применение компьютерных технологий в историческом исследовании – новая возможность изучения и представления исторической информатики. Отан тарыхы (Отечественная история). Алматы 2007. №4. С. 180-187.
- [10] UNESCO. ICT Competency Framework for Teachers. – Paris: UNESCO, 2018. – 64 p.
- [11] World Bank. World Development Report 2021: Data for Better Lives. – Washington, DC: World Bank, 2021. – 350 p.

References:

- [1] Law of the Kyrgyz Republic "On Education" of April 30, 2003, No. 92 (with amendments and additions).
- [2] Concept of digital transformation "Digital Kyrgyzstan 2019-2023". - Bishkek: Government of the Kyrgyz Republic, 2019.
- [3] Elemanova R.T. Geoinformation analysis of demographic processes and employment according to the 2009 population census of the Kyrgyz Republic / Newsletter of the History and Computer Association. Moscow 2022. pp. 127-130.
- [4] Elemanova R.T. Geoinformation systems in historical research (using the history of settlements in the Kyrgyz Republic in the Soviet period as an example) / Newsletter of the History and Computer Association. Moscow 2020. pp. 69-71.
- [5] Elemanova R.T. Geoinformation technologies in the study of the demographic situation in

the Kyrgyz Republic (1989-2015) / Bulletin of the Altai State University. Barnaul 2019. No. 2 (106). Pp. 92-95.

[6] Elemanova R.T. *Prospects and problems of studying the history of the Great Silk Road in Kyrgyzstan using GIS technologies / Newsletter of the History and Computer Association. Barnaul 2015. Pp. 207-211.*

[7] Elemanova R.T. *Relevance of studying the history of the Great Silk Road in Kyrgyzstan using GIS technologies / Oriental studies in Altai. Barnaul 2014. No. 8; Pp. 254-258.*

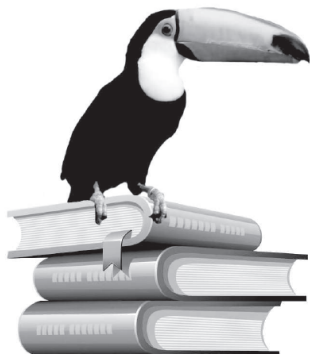
[8] Zainulin R.Sh., Elemanova R.T. *Problem-oriented approach to the creation of an electronic atlas / Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek 2008, Vol. 8, No. 7. Pp. 15-18.*

[9] Sherbakova S.A., Elemanova R.T. *The use of computer technologies in historical research – a new opportunity for studying and presenting historical informatics. Otan taryhy (Domestic history). Almaty 2007. No. 4. Pp. 180-187.*

[10] UNESCO. *ICT Competency Framework for Teachers. – Paris: UNESCO, 2018. – 64 p.*

[11] World Bank. *World Development Report 2021: Data for Better Lives. – Washington, DC: World Bank, 2021. – 350 p.*

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КУМЕЦКАЯ Анна Сергеевна,
студент, 2 курс,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации Генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: asaykum206@yandex.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
доцент кафедры административного права и процесса,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации Генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ И ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И КНР

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основания ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется критериям признания недееспособности, основаниям для ограничения дееспособности, процессуальным особенностям. Результаты исследования позволяют оценить эффективность существующих правовых механизмов.

Ключевые слова: дееспособность, ограничение дееспособности, признание гражданина недееспособным, психическое расстройство, опекун, попечитель.

KUMETSKAYA Anna Sergeevna,
2nd year student
Saint Petersburg University of the Ministry of
Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences Saint Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after
Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

LEGAL GROUNDS FOR LIMITATION OF LEGAL CAPACITY AND RECOGNITION OF A CITIZEN AS LEGALLY INCOMPETENT ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA

Annotation. *The article examines the specifics of the civil liability of minors for harm caused, analyzes the provisions of the current civil legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China. The article examines the dependence of measures of civil liability on the age category of minors, along with an assessment of the role of legal representatives (parents, guardians). The results of the study make it possible to assess the effectiveness of existing legal mechanisms and identify ways to improve them.*

Key words: *civil liability, subsidiary liability, legal representatives, minors, delictworthiness, legal capacity, compensation for harm.*

Дееспособность выступает ключевым элементом гражданско-правового статуса физического лица, определяющим его способность самостоятельно осуществлять права и обязанности. В ситуациях, когда эта способность ограничена, законодательство предусматривает специальные правовые механизмы – ограничение дееспособности или признание гражданина недееспособным. Сравнительное изучение таких механизмов в разных юрисдикциях позволяет выявить эффективные подходы к защите прав уязвимых категорий граждан и совершенствованию национального законодательства.

Правовые основания ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным в Российской Федерации и Китайской Народной Республике имеют как общие черты, так и различия. В российском праве основания и порядок ограничения дееспособности и признания недееспособным закреплены в Гражданском кодексе РФ (ст. 29, 30 ГК РФ) и Гражданском процессуальном кодексе РФ (гл. 31 ГПК РФ). В КНР аналогичные вопросы регулируются Гражданским кодексом КНР (ст. 21-24 ГК КНР) и Гражданским процессуальным кодексом КНР (гл. 15 ГПК КНР). Сопоставление этих норм даёт возможность оценить, как разные правовые системы решают вопросы обеспечения защиты лиц с ограниченной способностью к осознанному волеизъявлению, минимизации рисков злоупотреблений и сохранения баланса между интересами личности, семьи и общества.

Оценка значимости правовых механизмов ограничения дееспособности невозможна без чёткого определения самого понятия дееспособности как юридической категории. Оно закрепляет способность лица осознанно участвовать в гражданско-правовых отношениях, а его ограничение допускается лишь при наличии установленных законом оснований,

свидетельствующих о снижении фактической способности к волеизъявлению.

Дееспособность выступает ключевой категорией гражданского права, определяющей способность субъекта самостоятельно участвовать в гражданско-правовых отношениях. В соответствии с п. 1 ст. 21 ГК РФ, под дееспособностью понимается «способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность)». [1] Данное правовое понятие включает не только возможность совершения сделок и заключения договоров, но и способность нести гражданско-правовую ответственность за неисполнение обязательств.

Общий принцип недопустимости произвольного ограничения дееспособности закреплён в п. 1 ст. 22 ГК РФ: «Никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом». [1] Данная норма выступает ключевой гарантией защиты прав личности, подчёркивает исключительный характер случаев ограничения дееспособности, устанавливает необходимость строгого соблюдения установленной законом процедуры и исключает возможность внесудебного вмешательства в правосубъектность гражданина.

Законодатель устанавливает жёсткие правовые гарантии: ограничение дееспособности, признание гражданина недееспособным допускается исключительно в судебном порядке и только при наличии оснований, прямо предусмотренных законом (ст. 29, 30 ГК РФ). Такой подход обеспечивает защиту прав личности от произвольного вмешательства и поддерживает устойчивость гражданско-правовых отношений.

Нормативно-правовые основания ограничения дееспособности гражданина закрепле-

ны в ст. 30 ГК РФ. Законодатель предусматривает два правовых основания, при которых допустимо ограничение дееспособности с учётом обстоятельств различного характера, которые могут влиять на способность лица осознанно принимать решения и отвечать за свои действия.

Во-первых, ограничение дееспособности возможно в отношении гражданина, который «вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение». [1] А.В. Никифоров в Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации уточняет: «Злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами, дающим основание для ограничения дееспособности гражданина, является такое чрезмерное или систематическое их употребление, которое находится в противоречии с интересами его семьи и влечет за собой непосильные расходы денежных средств на их приобретение, чем вызывает материальные затруднения и ставит семью в тяжелое положение». [5, с. 363] Во-вторых, основанием для ограничения дееспособности служит психическое расстройство, из-за которого гражданин может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц (п. 2 ст. 30 ГК РФ).

Процедура ограничения дееспособности гражданина вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами инициируется посредством подачи заявления в суд. Согласно ст. 281 ГПК РФ, право на обращение в суд с соответствующим требованием предоставлено членам семьи гражданина, органу опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь. [2] Такой круг заявителей отражает баланс между защитой интересов семьи и необходимостью профессиональной оценки состояния лица. Участие медицинских организаций и органов опеки обеспечивает объективность рассмотрения дела, а привлечение членов семьи позволяет учесть фактические обстоятельства повседневной жизни гражданина.

Отсутствие в ГК РФ чёткого нормативного определения понятия «ограниченная де-

способность» нередко порождает разночтения при квалификации действий лиц, в отношении которых применены соответствующие ограничения. В этой связи особую ценность представляет толкование данного института, предложенное А. В. Никифоровым. В своём комментарии к ГПК РФ он формулирует понятие ограничения дееспособности: «лишение судом гражданина права производить без согласия попечителя следующие действия: а) продавать, дарить, завещать, обменивать, покупать имущество, а также совершать и другие сделки по распоряжению имуществом, за исключением мелких бытовых; б) непосредственно самому получать заработную плату, пенсию и другие виды доходов». [5, с. 363] Такое определение позволяет чётко разграничить объём правомочий ограниченно дееспособного лица и конкретизировать обязанности попечителя.

В отличие от полного признания недееспособности (ст. 29 ГК РФ), такой подход позволяет сохранить за лицом часть дееспособности и обеспечить ему необходимую поддержку через механизм попечительства. Это отвечает принципу сохранения правосубъектности гражданина при одновременном обеспечении защиты его интересов и интересов окружающих. Выстроенная система ограничений дееспособности сочетает защиту интересов семьи и общества с соблюдением прав самого гражданина.

Основания признания гражданина недееспособным закреплены в п. 1 ст. 29 ГК РФ: «Гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими». [1] Недееспособность может быть установлена исключительно в судебном порядке.

Круг субъектов, уполномоченных инициировать судебное разбирательство о признании гражданина недееспособным, строго регламентирован процессуальным законодательством. В соответствии с ч. 2 ст. 281 ГПК РФ заявление в суд вправе подать члены семьи, близкие родственники (родители, дети, братья, сёстры), орган опеки и попечительства, медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, стационарная организация социального обслуживания для лиц с психическими расстройствами.

Заявление о признании гражданина недееспособным должно содержать подробное описание фактических обстоятельств, объективно подтверждающих наличие у лица психического расстройства. Эти обстоятельства должны однозначно свидетельствовать о том, что гражданин вследствие указанного расстройства утратил способность осознавать фактический характер и правовые последствия своих действий (интеллектуальный критерий), самостоятельно принимать решения и целенаправленно реализовывать их (волевой критерий). А.В. Никифоров уточняет: «О недееспособности гражданина могут свидетельствовать медицинские данные о состоянии здоровья (справка о перенесенном заболевании, травме, врожденном психическом недостатке и т.п.)... изменения психики, вызванные тем или иным заболеванием либо травмой, должны носить стойкий характер. Само по себе наличие психического заболевания не влечет автоматического признания гражданина недееспособным». [5, с. 365] Содержание заявления обеспечивает надлежащую подготовку дела к судебному разбирательству и позволяет суду определить необходимость назначения судебно-психиатрической экспертизы в порядке ст. 283 ГПК РФ.

Назначение судебно-психиатрической экспертизы допустимо исключительно при наличии достаточных фактических данных, указывающих на возможное наличие у гражданина психического расстройства. Необходимо учитывать, что «эксперт только дает заключение о состоянии здоровья и не может решать вопрос о дееспособности гражданина, поскольку это является исключительной компетенцией суда». [5, с. 366]

Признание гражданина недееспособным вследствие психического расстройства влечёт за собой установление над ним опеки (ст. 32 ГК РФ). Опекун действует от имени и в интересах подопечного, совершая все юридически значимые действия, включая заключение сделок. Это позволяет компенсировать утраченную дееспособность гражданина и обеспечить реализацию его прав в гражданско-правовых отношениях. При этом опекун обязан действовать исключительно в интересах подопечного, соблюдая принцип приоритета его благополучия и защиты имущественных прав.

Российское законодательство формирует целостную и многоуровневую систему ограничения дееспособности и признания недееспособности. Она сочетает чёткую нормативную регламентацию, строгие процессуальные гарантии и дифференцированный подход к оценке состояния гражданина. Такой механизм позволяет, с одной стороны, своевременно реагировать на случаи снижения способности к осознанному поведению, а с другой, минимизировать риски необоснованного ограничения правосубъектности, обеспечивая защиту конституционных прав и свобод личности.

Вопросы ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным в Китайской Народной Республике (КНР) регулируются положениями Гражданского кодекса КНР (ГК КНР) и Гражданского процессуального кодекса КНР (ГПК КНР).

В соответствии с гражданским законодательством КНР недееспособным может быть признан «совершеннолетний гражданин, не способный понимать свои действия».[3] Ограниченно дееспособным в КНР, может быть признан «совершеннолетний гражданин, не способный полностью понимать свои действия».[3]

Статья 24 ГК КНР предусматривает возможность обращения в народный суд с заявлением о признании совершеннолетнего гражданина недееспособным либо ограниченно дееспособным. С заявлением в народный суд могут обратиться заинтересованные лицо или организация. Под «заинтересованной организацией» в ст. 24 ГК КНР понимаются «домовой или сельский комитет, образовательная организация, реализующая образовательную программу начального общего, основного общего, среднего общего образования, основную профессиональную образовательную программу, медицинская организация, женский союз, союз инвалидов, созданное в соответствии с законом общество граждан пожилого возраста и отдел гражданских дел местного народного правительства». [3] Такой подход отражает социальную направленность китайского гражданского права: защита прав лиц с нарушениями дееспособности возлагается не только на семью, но и на институты гражданского общества и органы местного самоуправления. Это обеспечивает многоуровневую

систему выявления проблемных ситуаций и своевременного реагирования на них.

Статья 170 ГПК КНР указывает, что заявление о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности может быть подано в народный суд его близкими родственниками либо иными заинтересованными лицами. При этом законодатель предъявляет обязательное требование к содержанию заявления: «должны быть изложены факты и основания для признания данного гражданина недееспособным или ограничения его дееспособности». [4]

После принятия заявления к производству народный суд, руководствуясь ст. 171 ГПК КНР, вправе назначить экспертизу, которая позволяет получить обоснованную оценку состояния гражданина, в отношении которого подано заявление о признании недееспособным или об ограничении дееспособности. Если заявитель уже представил заключение экспертизы, суд обязан провести его тщательную проверку, что исключает формальный подход к оценке доказательств и обеспечивает их достоверность.

Особую значимость имеет процессуальный статус лица, в отношении которого рассматривается дело. Согласно ст. 172 ГПК КНР, его интересы в суде представляют близкие родственники (за исключением заявителя). Такой подход отражает принцип семейной солидарности, предполагая, что родственники наилучшим образом способны учитывать интересы подопечного. В случае конфликта интересов между родственниками суд самостоятельно назначает представителя из их числа, предотвращая затягивание процесса и обеспечивая защиту прав гражданина. Более того, если состояние здоровья лица позволяет, суд обязан запросить его мнение, что подчёркивает уважение к личности и стремление учесть его позицию даже в условиях ограниченной дееспособности.

Итоговый результат рассмотрения дела зависит от оценки судом обоснованности заявления. При подтверждении заявленных требований суд выносит решение о признании гражданина недееспособным либо об ограничении его дееспособности, при отсутствии достаточных оснований суд отклоняет заявление.

В соответствии со ст. 23 ГК КНР, опекун

гражданина, признанного недееспособным либо ограничено дееспособным, приобретает статус его законного представителя. Это положение закрепляет особый правовой статус опекуна, наделяя его полномочиями действовать от имени подопечного в гражданско-правовых отношениях.

Институт опеки в КНР сочетает традиционные семейные ценности с современными механизмами государственного контроля. Очередность назначения опекуна (ст. 28 ГК КНР) отражает стремление законодателя сохранить заботу о недееспособных лицах в рамках семьи, но предусмотреть альтернативные варианты при отсутствии близких родственников.

Этапы назначения опекуна: супруг (первый кандидат на роль опекуна, чья близость к подопечному обеспечивает непрерывность ухода и поддержки); родители и дети (следующая ступень, подчёркивающая межпоколенческую ответственность в семье); иные близкие родственники (позволяют привлечь к опеке тех, кто имеет устойчивые эмоциональные и бытовые связи с подопечным – братьев, сестёр, дедушек, бабушек и т.д.); иные граждане или организации (крайний вариант, требующий обязательного одобрения со стороны домового/сельского комитета или отдела гражданских дел). Такое одобрение выступает гарантией того, что кандидат в опекуны не имеет корыстных мотивов, способен обеспечить надлежащий уход, готов действовать в интересах подопечного. Таким образом, система очередности назначения опекуна служит комплексной гарантией защиты прав лиц с ограниченной дееспособностью, сочетая семейные традиции и государственный надзор.

После установления недееспособности сделки от имени такого гражданина совершает его законный представитель (ст. 21 ГК КНР). Если гражданин признан ограничено дееспособным, сделки от его имени совершает законный представитель или такой гражданин совершает сделки с согласия законного представителя либо при наличии его последующего одобрения (ст. 22 ГК КНР). Это позволяет компенсировать утраченную дееспособность, обеспечивая реализацию правоспособности гражданина через действия уполномоченного лица, действующего в его интересах.

Таким образом, законодательство КНР соз-

дает механизм, сочетающий защиту интересов уязвимых категорий граждан с соблюдением принципов законности, объективности и справедливости.

Сравнительный анализ регулирования вопросов ограничения дееспособности и признания гражданина недееспособным в законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволяет сделать ряд выводов о различиях в подходах и нормативном содержании данных институтов.

В обоих государствах основополагающим принципом выступает судебный порядок установления статуса недееспособности или ограниченной дееспособности, а также обязательность медицинского подтверждения состояния гражданина. Это служит гарантией защиты прав лица и предотвращает произвольное ограничение его правосубъектности.

Российское законодательство более конкретизировано в части оснований для признания недееспособности, так как называет психическое расстройство ключевым медицинским

критерием, который должен сочетаться с юридической неспособностью понимать действия или руководить ими. В законодательстве КНР формулировка менее детализирована, что может затруднять правоприменение и защиту прав граждан.

В Российской Федерации спектр оснований для ограничения дееспособности шире, помимо психического расстройства, допускающего частичное понимание действий, предусмотрено ограничение дееспособности вследствие вредных привычек (азартные игры, злоупотребление алкоголем или наркотиками), если это ставит семью в тяжёлое материальное положение. В законодательстве КНР норм, учитывающих социально-бытовые факторы, не предусмотрено.

Российский подход носит более комплексный и дифференцированный характер, сочетая медицинские, юридические и социальные критерии. Китайский подход ориентирован преимущественно на медицинскую диагностику и установление статуса.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 04.05.2026).

[3] Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / ответственный редактор перевода профессор Ван Чжихуа; [перевод с китайского Ван Чжихуа и др.]. – Москва : Проспект, 2024. – 365 с.

[4] Гражданский процессуальный кодекс КНР // Законодательство Китая: [сайт]. - URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure/law_civil_procedure_p2_ch15 (дата обращения: 05.05.2026).

[5] Никифоров, А. В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Никифоров. – 4-е изд. – Москва : ИЦ РИОР: НИЦ Инфра-М, 2013. – 583 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026) (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025) // ConsultantPlus: [website]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: May 2, 2026).

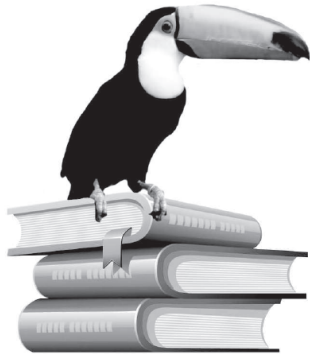
[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus: [website]. - URL: <https://www.consultant.ru/document/>

cons_doc_LAW_39570/ (date accessed: 04.05.2026).

[3] *Civil Code of the People's Republic of China / editor-in-chief of the translation Professor Wang Zhihua; [translated from Chinese by Wang Zhihua et al.]. - Moscow: Prospect, 2024. - 365 p.*

[4] *Civil Procedure Code of the PRC // Legislation of China: [website]. - URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure/law_civil_procedure_p2_ch15 (date accessed: 05.05.2026).*

[5] *Nikiforov, A. V. Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation (article by article) / A. V. Nikiforov. - 4th ed. - Moscow: IC RIOR: NIC Infra-M, 2013. - 583 p.*

An illustration of a toucan bird with a large, dark beak and white face, perched on a stack of three books. The books have spines with text, though it is not legible.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-44-50

МИНАЕВА Анастасия Игоревна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории государства и права,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
SPIN-код: 9152-4384, РИНЦ AuthorID: 1106011,
e-mail: mail@law-books.ru

КОРОТКОВА Софья Олеговна,
студентка 4 курса, Высшая школа права,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

МАМЫКИНА Елизавета Николаевна,
студентка 4 курса Высшая школа права,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

LEGAL DESIGN: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Аннотация. Анализ применения инструментов Legal Design является крайне актуальным в условиях развития современных цифровых технологий, поскольку наметилась тенденция формирования машиночитаемого права и алгоритмизации юридического языка. Целью статьи является определение сущности и содержания Legal Design, выделение некоторых как теоретических, так и прикладных особенностей использования отдельных его инструментов.

В статье авторы предпринимают попытку выявления проблем и преимуществ Legal Design, формулируют некоторые принципы применения Legal Design, приводят результаты сравнительного анализа конкретных инструментов Legal Design, а также определяют правила их использования на примере формирования визуального сопровождения к одному из действующих нормативных правовых актов.

Ключевые слова: Legal Design; инструменты Legal Design; юридический дизайн; правовая коммуникация; юридическая техника.

MINAEVA Anastasia Igorevna,
Candidate of Law,
Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

KOROTKOVA Sofia Olegovna,
Fourth-year student, Higher School of Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

LEGAL DESIGN: THEORETICAL FOUNDATIONS, PRINCIPLES, AND PRACTICAL TOOLS

Annotation. *The analysis of the application of Legal Design tools is extremely relevant in the context of the development of modern digital technologies, as there is a trend towards the formation of machine-readable law and the algorithmization of legal language. The purpose of this article is to define the essence and content of Legal Design, as well as to highlight some of the theoretical and practical aspects of using its individual tools. In this article, the authors attempt to identify the problems and advantages of Legal Design, formulate some principles for its application, provide a comparative analysis of specific Legal Design tools, and define the rules for their use by creating a visual accompaniment for one of the existing legal acts.*

Key words: *Legal Design; Legal Design tools; legal design; legal communication; legal technique.*

Специфической чертой юридической профессией традиционно является использование сложных юридических конструкций и специальной правовой терминологии. Юридическое сообщество вполне обыденно воспринимает обсуждение юридических фикций, преюдициальных фактов, концепции неосновательного обогащения и иных правовых институтов. Человек, не сведущий в юриспруденции, мало того, что не сможет поддержать диалог на заданную тематику, он, скорее всего, даже не поймет смысл указанных словосочетаний. Люди, далекие от сферы юриспруденции, не обязаны разбираться в правовом понятийном аппарате так же, как юристы не обязаны разбираться в квантовой инженерии или интегральных исчислениях.

Однако в повседневной жизни человеку, скорее всего, не понадобятся знания теории квантовых систем или основ математического анализа, а вот разобраться, например, с особенностями заключения сделок по поводу недвижимости или уплатой налогов и сборов – придется. Следовательно, необходимо будет обратиться к текущему законодательству, нормы которого регулируют ту или иную сферу общественных отношений.

При этом важно отметить, что происходит постоянное увеличение не только количества нормативных правовых актов (например, в конце 1991 г. – 207 содержательных законов, а в конце 2019 г. – уже 592 [1, с. 64]), но и, например, количество слов в них: так, в 1991 г. сред-

нее количество слов в законе – 4970, а в 2019 г. – уже 12450, то есть практически в 2,5 раза больше [1, с. 65]. Язык даже самых простых законов сложнее языка произведений художественной литературы, о чем свидетельствуют соответствующие научные исследования [1, с. 78]. Обратившись к нужной правовой норме, пользователь может прийти в недоумение, поскольку язык законов крайне сложен и формализован. Неподготовленный читатель не сможет системно проанализировать необходимую информацию ввиду недостатка специальных знаний. Именно здесь возникает потребность в Legal Design («юридическом дизайне»).

Для более глубокого понимания сущности Legal Design обратимся к генезису явления. Формирование Legal Design как самостоятельного направления традиционно отсчитывается специалистами от 2010-х годов, однако концептуальные корни явления уходят во времена появления концепции Plain Language («ясный язык»), которая зародилась в 1970-х годах в англосаксонской правовой традиции. Plain Language возник вполне естественно: как реакция на бюрократический и крайне формализованный язык государственных документов, договоров и судебных актов. Основной тезис концепции: «гражданин имеет право понимать текст, который устанавливает его права и обязанности». Так, в 1970–1980-е годы в США, Великобритании, Австралии и Канаде принимаются первые нормативные акты, требующие

использовать понятный язык в документах для потребителей (законы о защите прав потребителей, о кредитных договорах, о страховых полисах). Научное сообщество отмечает, что несмотря на длительность существования концепции Plain Language, системного научного подхода к данному явлению не сформировано [2]. Существует достаточное большое количество неразрешенных проблем в данной сфере, которые касаются как юридической стороны процесса (например, отсутствуют четкие критерии выделения документов, подлежащих адаптации), так и лингвистической стороны процесса (отсутствует механизм отбора тех языковых конструкций, понимание которых затруднительно для читателя).

Ввиду некоторой неясности концепции Plain Language можно заключить, что идея так и не решила проблему доступности права на системном уровне. Legal Design использует иной подход к решению насущной проблемы: вместо того, чтобы попросту заменять слова предлагается переводить правовую информацию в визуально-пространственное измерение, проектируя иную среду взаимодействия человека с правом.

В 2013 году произошло событие, которое позже назвали моментом рождения Legal Design как дисциплины. Стэнфордская школа права совместно с Институтом дизайна открыла Legal Design Lab – первую в мире лабораторию, где системно объединили юридическую экспертизу, дизайн-мышление и инженерные подходы к прототипированию.

Многие сводят понятие Legal Design лишь к эстетике, цвету, набору шрифта и слайдам PowerPoint, то есть внешнему виду. Безусловно, внешняя оболочка важна, однако суть дизайна отнюдь не в этом [3]. Фундаментальный принцип заключается в разработке такого решения, которое осознавалось бы на интуитивном уровне как ясное, выделялось бы своей привлекательностью и, что наиболее существенно, несло бы реальную пользу для пользователей. Итак, Legal Design – это специфический подход к созданию юридических «продуктов», при котором во главу угла ставится не юридическая точность текста, а понятность, удобство и ценность для пользователя.

Представляется необходимым выделить основные принципы применения Legal Design:

- человекоцентричность (приоритет интересов и потребностей человека – конечного пользователя);
- реальность использования (функционирование продукта без дополнительных конструкций и привлечения специалистов);
- визуальная ясность (лёгкость и быстрота поиска значимой информации);
- верифицируемость (обязательная проверка прототипов на реальных пользователях);
- междисциплинарность (разработка продукта с участием юристов, дизайнеров, IT-специалистов);
- необходимость при достижении эстетики права соблюдать баланс формы и содержания (при недопустимости преобладания формы) [4].

Для иллюстрации прикладного характера Legal Design рассмотрим некоторые его инструменты («Adobe Illustrator», «Sketch», «Figma», «Canva»).

«Adobe Illustrator» является профессиональным векторным графическим редактором, индустриальным стандартом для создания сложной инфографики, иконок, схем и визуальных элементов любой сложности. Он обеспечивает полный контроль над цветом, типографикой и слоями, поддерживает CMYK для печати.

«Sketch» – векторный редактор, долгое время бывший стандартом для UI/UX-дизайна на платформе macOS, ориентированный на проектирование интерфейсов и прототипов, обладающий развитой системой плагинов и компонентов.

«Figma» представляет собой облачный векторный редактор и инструмент для прототипирования с возможностью совместной работы в реальном времени. Он доступен в браузере и на всех платформах.

«Canva» – онлайн-платформа для графического дизайна, которая работает по принципу «перетаскивания» готовых шаблонов. Она позиционируется как инструмент для непрофессионалов.

Приведем сравнительную таблицу перечисленных инструментов.

Таблица 1.

Инструмент	Преимущества	Недостатки
Adobe Illustrator	1) максимальная точность векторной графики; 2) профессиональная работа с типографикой и цветом; 3) поддержка CMYK; 4) слои и трафареты для сложных многоуровневых визуализаций.	1) необходимость дизайн-образования для пользования; 2) отсутствует встроенная функция объединения с другими инструментами; 3) дорогая подписка; 4) избыточен для большинства простых задач Legal Design.
Sketch	1) мощная система компонентов (можно создать библиотеку юридических элементов – иконок, рамок, схем); 2) большое количество плагинов для автоматизации; 3) высокая точность векторного редактирования.	1) работает только на macOS; 2) отсутствует возможность одновременной работы нескольких пользователей в реальном времени; 3) слабая поддержка печатной продукции; 4) нуждается в освоении, но менее сложен, чем Illustrator.
Figma	1) функция совместной работы в реальном времени; 2) доступность в браузере с любого устройства (Windows, Mac, Linux); 3) компоненты и дизайн-системы (создание библиотек для массовых документов); 4) бесплатный тариф для небольших проектов.	1) слабая поддержка CMYK и печатной продукции; 2) низкое растровое качество при экспорте сложной векторной графики (иногда теряется точность); 3) нуждается в освоении, но менее сложен, чем Illustrator.
Canva	1) наличие готовых шаблонов (инфографика, памятки, простые договоры); 2) быстрота создания прототипов.	1) ограниченный контроль над векторной графикой (нельзя тонко настроить сложную юридическую схему); 2) невозможность создать сложные дизайн-системы для массовых документов; 3) коммерческое использование многих шаблонов требует платной подписки.

Проведённый сравнительный анализ позволяет заключить, что в сфере Legal Design выбор инструмента напрямую зависит от типа проекта. Adobe Illustrator остаётся безальтернативным решением для сложной печатной визуализации, требующей высокой точности и управления цветом (CMYK). Figma, благодаря возможностям групповой работы нескольких пользователей и доступности на любых плат-

формах, является оптимальным выбором для работы над цифровыми юридическими прототипами и интерактивными документами. Sketch занимает промежуточное положение, но существенно ограничен экосистемой macOS. Canva, несмотря на низкий порог входа, не может рассматриваться как профессиональный инструмент Legal Design из-за ограниченного контроля над графикой, типографикой и от-

сутствия поддержки сложных дизайн-систем. Таким образом, на сегодняшний день Figma – наиболее удобный инструмент для создания продуктов Legal Design в условиях работы над небольшим проектом.

Разберемся в правилах создания продукта Legal Design на конкретном примере. В качестве исходного материала, нуждающегося в графической визуализации, возьмем Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ (далее – ФЗ № 523). Для работы будем использовать редактор Figma.

По итогам создания продукта Legal Design представляется логичным изложить следующие правила работы:

- главный принцип: исходный текст не упрощается – он структурируется;
- необходимым этапом является анализ содержания норм закона с целью определения того, что действительно можно изобразить

графически (например, статьи 3, 4, 6, 22 ФЗ № 523);

- необходимо придумать общую концепцию визуализации, которая сделает структуру документа предсказуемой для пользователя (например, структура списка, лучевое сечение, линия временного диапазона);

- визуальный стиль продукта должен соответствовать содержанию документа (например, в цветовой психологии синий цвет устойчиво ассоциируется с технологиями, интеллектом, надёжностью и системностью);

- выделение смысловых акцентов цветом и оформлением (визуальное ранжирование информации, позволяющее увидеть главное за 10–15 секунд);

- информационная лаконичность (на одном листе размещается не более одной или двух смысловых единиц).

Приведем пример продукта Legal Design, который был создан на основе приведенных правил:

Рисунок 1. Графическая визуализация ст. 4 Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ.

Статья 22. Меры государственного стимулирования

ПРИНЦИП: поддержка зависит от **стадии** готовности (п.1) – по методикам Правительства РФ

Уровень готовности технологии

Рыночная готовность

Готовность производства

Коммерциализация ВТП

Меры государственного стимулирования (п. 2):

Рисунок 2. Графическая визуализация ст. 22 Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, проблема доступности права носит не технический, а системный характер. Сложность юридического языка и терминологии становится непреодолимым барьером для граждан, которые так или иначе вынуждены обращаться к законодательству. Концепция «Plain Language», несмотря на полувековую историю и государственную поддержку в ряде стран, не предложила системного решения, ограничившись лексико-синтаксическими заменами, юридическая эквивалентность которых остаётся недоказанной.

Во-вторых, концепция Legal Design предлагает иной вектор развития: не упрощать содержание, а проектировать навигацию; не заменять термины, а визуализировать структуру; не полагаться на экспертные оценки, а тести-

ровать решения на реальных пользователях.

В-третьих, выбор инструментов Legal Design не может быть универсальным и требует учета особенностей конкретного типа юридического документа и навыков лица, ответственного за изготовление такого документа.

Legal Design не является панацеей от всех проблем правовой коммуникации. Он не отменяет необходимости юридической грамотности и не заменяет профессиональной консультации. Однако он способен снизить когнитивный барьер, сделать право более прозрачным, а взаимодействие с ним — менее «травматичным» для неподготовленного пользователя. Юридический дизайн можно определить как «применение к юридическому документу (договору, судебному акту, нормативно-правовому акту) различных средств, направленных на упрощение формы и содер-

жания» [5]. Дальнейшее развитие Legal Design видится в интеграции методов юридического дизайна с технологиями искусственного интеллекта (автоматическая визуализация нормативных актов), а также в распространении

практик Legal Design на сферу публичного права и правосудия, где вопрос доступности юридической информации стоит наиболее остро.

Список литературы:

[1] Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С. М. Плаксин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 64.

[2] Осокина С.А., Афанасьева О.А. История разработки и степень сформированности концепции «простого языка» в англоязычной юрислингвистике // Юрислингвистика. 2023. № 29 (40). С. 79-80.

[3] Витюкова А.О. Лигал дизайн – решение проблем доступным образом // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 498.

[4] Шнигер Д.О. Правовая эстетика, или Право как искусство. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 113-120.

[5] Козлова М. Ю. Юридический дизайн как средство умного регулирования // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 19.

References:

[1] *The Complexity of Russian Laws. An Experimental Study of Syntactic Analysis* / A.V. Knutov, S. M. Plaksin, et al.; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. P. 64.

[2] Osokina S.A., Afanasyeva O.A. History of the Development and Degree of Formation of the Concept of “Plain Language” in English-Language Legal Linguistics // *Jurislinguistics*. 2023. No. 29 (40). P. 79-80.

[3] Vityukova A.O. Legal Design: Solving Problems in an Accessible Way // *Issues of Russian Justice*. 2020. No. 6. P. 498.

[4] Shniger D.O. Legal Esthetics, or Law as Art. *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020. No. 7. P. 113-120.

[5] Kozlova M. Yu. Legal design as a means of smart regulation // *Jurislinguistics*. - 2023. - 27. - P. 19.

МАСТРЮКОВ Александр Сергеевич,
Московский Государственный Юридический Университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОРМАНСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионный вопрос о происхождении российской государственности и ее государственно-публичных институтов через призму Норманской теории, сформулированную в первой половине века Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером. Автор анализирует ключевые тезисы норманнов и дает контраргументы, опираясь на исторические источники и исследования (включая работы Б.А. Рыбакова и В.Л. Янина), а также понимание природы публичной власти в Древней Руси. Особое внимание уделяется политико-правовому контексту Норманской теории: её использование в последующем для дискредитации славян. В статье подчеркивается необходимость критического подхода к историческим источникам и предостережение от идеологизации, мистификации научных концепций.

Ключевые слова: Норманская теория, Русская Правда, государственность, варяги, договоры Руси с Византией, норманизм.

MASTRYUKOV Alexander Sergeevich,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

CONTINUITY OF LEGAL TRADITIONS IN THE CONTEXT OF THE DISCUSSION ON NORMAN THEORY

Annotation. This article examines the controversial issue of the origins of Russian statehood and its state-public institutions through the prism of Norman theory, formulated in the first half of the century by G.Z. Bayer, G.F. Miller, and A.L. Schlözer. The author analyzes the key theses of the Normans and provides counterarguments, drawing on historical sources and research (including the works of B.A. Rybakov and V.L. Yanin), as well as an understanding of the nature of public authority in Ancient Rus'. Particular attention is given to the political and legal context of Norman theory: its subsequent use to discredit the Slavs. The article emphasizes the need for a critical approach to historical sources and cautions against the ideologization and mystification of scientific concepts.

Key words: Norman theory, Russian Truth, statehood, Varangians, treaties between Rus' and Byzantium, Normanism.

Вполне обоснованно можно ответить на вопрос, почему правители, знать и простой народ заинтересовались своим происхождением. Именно так лучше позволяет понять свою отечественную, национально-пра-

вовую историю. Это знание помогает понять, какие ценности, идеалы, мировоззрение присуще народу, и как именно формировалось право Древней Руси. Одним из ответов, как произошла русская государственность, стала

Норманская теория, разработанная в первой половине XVIII века Г.З. Байером, Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером. Целью нашей статьи является показать, как Норманская теория влияет на историко-правовое понимание становления правовых институтов Древней Руси

В период бироновщины стал популярен тезис о том, что не славяне создали государство, а им «помогли» другие народы. Данная теория получила название - Норманская. Основные тезисы теории содержатся в том, что не славяне создали государство, а им «помогли» варяги; главная, решающая, фундаментальная роль скандинавов в формировании русской государственности; династия Рюриковичей имеет скандинавское происхождение. Тезисы норманистов предполагают, что государственность и связанные с ней публично-правовые механизмы (сбор дани, суды, принуждение) были введены варягами. В юридическом смысле это означает интерпретацию власти как «дарованной» извне и, следовательно, исходящей от внешней власти. Можно рассмотреть некоторые тезисы норманистов.

Во-первых, если признать, что варяги были создателями государственности, то, как объяснить тот факт, что язык, на котором заключались договоры, например, между Русью и Византией были русский и греческий, но никак не шведский. Борис Александрович Рыбаков в своём труде [1] также отмечает тот факт, что «в шведских средневековых документах сбор дани обозначался заимствованным варягами из русского языка словом «полюдье» (poluta), что с несомненностью свидетельствует о первичности у славян такого раннего-государственного действия, как сбор полюдья». Помимо этого, этот факт также говорит о наличии у славян собственных публично-правовых практик до активного участия варягов. Однако анализ источников права опровергает тезис о «внедрении» правовой системы извне. Договоры Руси с Византией (911 г. н.э., 944 г. н.э.) заключались в том числе и на русском языке, без каких-либо признаков скандинавского правового влияния. Данные договоры [2] содержали нормы из Уголовного права (о самоуправстве, о наказании убийцы, о рецидиве, об экстрадиции), Гражданского права (о наследовании, о принятии владения, о беглых

холопах), Торгового права (правовое положение купцов, об отмене берегового права). К тому же содержались нормы международного (ограничение срока пребывания иностранцев в Константинополе) и государственного права.

Во-вторых, варяги рассматривались на Руси как военная сила, что отчётливо видно на таком примере в Повести временных лет: «Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них [3]». Их нанимали на убийства. Именно конфликт новгородцев с варягами стал причиной записи законов в письменном виде. В частности, можно встретить упоминание варяг и колбяги в статьях Русской Правды (Краткая редакция) в статьях 10,11 [4]. Причём само наличие правового регулирования их статуса свидетельствует об их подчинении местному праву, значит, если варяги имели особый статус, он был урегулирован «внутри-славянской» правовой системой, а не привнесён извне. С точки зрения теории государства и права, такой статус больше означает, что варяги не являлись носителями государственного суверенитета: они действовали в рамках существующей власти и подчинялись её юрисдикции соответственно. Следовательно, их участие не может рассматриваться как основание для признания внешнего происхождения русской государственности или отечественного права. Если внешние группы интегрируются в уже сложившуюся и существующую правовую систему, это говорит о самостоятельности и устойчивости местных публично-правовых институтов. Из этого можно сделать вывод, что, конечно, варяги были на территории Руси, они вполне знали о существовании государственности, однако, привлекались варяги как наёмная сила.

Здесь же важно выделить и сам правовой сборник «Русская Правда». Признание самостоятельного характера древнерусского права обосновывает преемственность между вышеуказанным документом и последующими этапами развития российского правопорядка (Например, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Судебник Ивана III). Это важно для обоснования непрерывности национальной правовой традиции, которая лежит в основе многих современных пра-

вовых конструкций. Причем сами правовые практики Древней Руси оказывали влияние на формирование правовых норм в землях, входивших в сферу политического и экономического влияния Киева и Древней Руси соответственно. Торговые и дипломатические контакты способствовали распространению схожих подходов к регулированию обязательств и ответственности (как например, с Византией через вышеупомянутые договоры Руси с Византией).

В-третьих, появление вещей скандинавского происхождения, захоронений, можно легко объяснить тем, что уже после образования Киевского государства для своих торговых экспедиций на Восток норманны использовали длинный обходной маршрут через реки, огибавшие земли Киевской Руси с северо-востока. Более того, в Угличе были найдены предметы с Востока – например, арабские дирхамы. Данный факт свидетельствует о торговых связях славян с другими народами. В.Л. Янин подчёркивает [5], что особенностью денежного обращения в Восточной Европе, в том числе и на территории древней Руси, в VIII - XII вв. являлось наличие в обороте иноземных монет, сначала восточного дирхема, потом западноевропейского денария. Такие торговые связи способствовали стимулированию развития институтов частного и публичного права: ответственность за ущерб, процедуры разрешения споров. Взаимоотношение русских денежно-весовых систем с иноземными монетами обычно рассматривалось путем исчисления среднего веса монет без учета того, что вес монет даже одного и того же типа резко колебался и что массовый материал представлял собою смесь разновесных монет. Это имеет значение для понимания истоков обязательственного права и норм о возмещении ущерба: торговые отношения требовали формализации правил расчётов и ответственности, что способствовало развитию норм, позднее закреплённых в Русской Правде. Сами экономические практики славян выступали самостоятельным источником правовых норм, позволяя складываться обычаям, не зависящих от внешнего влияния.

Борис Александрович Рыбаков пишет [6], что «...без какого бы то ни было критического рассмотрения извлекались отдельные фразы

создателями норманской теории, высокомерными немцами XVIII века, приехавшими в медвежью Россию приобщать её к европейской культуре. З. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер ухватили в летописном тексте фразы о "звериньском образе" жизни древних славян, произвольно отнесли их к современникам летописца (хотя на самом деле контрастное описание "мудрых и смысленных" полян и их лесных соседей должно быть отнесено к первым векам нашей эры) и были весьма обрадованы легендой о призвании варягов северными племенами, позволившей им утверждать, что государственность диким славянам принесли норманны-варяги».

Что думают о Норманской теории за пределами России? В Германии Бисмарк норманизм был единственным движением, признанным по-настоящему научным. К сожалению, бурная европейская история первой половины прошлого века способствовала влиянию политических обстоятельств на историю возникновения государственности у древних славян. На протяжении XX века норманизм все больше проявлял свою политическую сущность, получив новую силу как антирусское учение. В частности, Третий Рейх явно намеренно делал акцент на псевдонаучной теории и популяризовал её по всей Европе. Цель была очевидна: дискриминация славян и навязывание тезиса о том, что славяне - это второсортный народ, «унтерменши», который не смог построить своё государство. В работах шведских, финских и других западноевропейских историков присутствовало стремление показать роль Швеции в формировании древнерусской государственности. Советские и современные российские учёные, историографы разбивали этот миф, доказывая его несостоятельность. Даже сейчас некоторые западные страны, в частности их элита, всё также пытаются популяризовать норманскую теорию, делая её лишь единственной верной для изучения. Помимо вышеперечисленных противоречий можно привести в пример и цитату Фридриха Энгельса: государство никоим образом не представляет из себя силы, навязанной извне. Ведь государство – есть политическая организация общества, которой присущи такие признаки, как наличие территории, бюрократического аппарата, монопольного

права на издание законов, монопольное право на применение легальной силы, государственного принуждения, наличие армии, символов и так далее. С юридической точки зрения подобные интерпретации опасны тем, что подменяют историко-правовой анализ политическими оценками. Методологически важно различать: источники права (тексты договоров, нормы Русской Правды, обычаи), то, что действительно подлежит критическому анализу и интерпретации источников, которые могут быть идеологически окрашены и не подлежат качественному использованию для научных исследований.

Сама по себе дискуссия о роли варяг, роли Норманской теории важна как для предмета государство и право, так и для юридической науки в целом.

Таким образом, мы рассмотрели тезисы Норманской теории, а также взгляды на неё за территорией России. Норманская теория имеет не только историческое, но и юридиче-

ское значение, поскольку её тезисы затрагивают вопросы происхождения государственности, легитимности власти и источников права. История нашей государственности намного глубже, которая уходит в куда более ранний период. Дальнейшее изучение формирования российского права, древнерусского государства должно происходить с опорой на междисциплинарные методы (правовое моделирование, лингвистический, математический, догматический методы). Политическая инструментализация теории подчеркивает необходимость строгого методологического подхода в историко-правовых исследованиях: приоритет следует отдавать анализу правовых источников, а не идеологическим интерпретациям. На эти вызовы предстоит ответить в будущем с помощью новых технологий, которые позволят глубже заглянуть в историю отечественного права и нашей государственности.

Список литературы:

- [1] Б.А.Рыбаков. Рождение Руси. С. 2. // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/ribakov_boris/rogdenie_rusi.html#20480 (дата обращения: 31.07.2026).
- [2] М.В. Бибигов. Русь в Византийской дипломатии: Договоры Руси с Греками X в. С. 2. // Научный журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_19_1.pdf (дата обращения: 31.07.2026).
- [3] Повесть Временных лет. // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/4339/p.1/index.html> (дата обращения: 31.07.2026).
- [4] Русская Правда (Краткая редакция). // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13 (дата обращения: 31.07.2026).
- [5] В.Л. Янин. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. С. 21. // [Электронный ресурс]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/MBogp7-Ndrq671zY8A4Z8C8Tnu_JESzhEQAi4lmN7IJEVkJQH8ajBprY_iupLuQaWWvjLj_Ik-nOOabLHaswusMj9N4dfffDclIZHZXAgllc1MBPzubCw/Yanin_Denezhno-vesovye_sistemy_domongolskoy_Rusi.pdf (дата обращения: 31.07.2026).
- [6] Б.А.Рыбаков. Рождение Руси. С. 8. // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/ribakov_boris/rogdenie_rusi.html#20480 (дата обращения: 31.07.2026).

References:

- [1] The Complexity of Russian Laws. An Experimental Study of Syntactic Analysis / A. V. Knut [1] B. A. Rybakov. The Birth of Rus'. P. 2. // RoyalLib.com Electronic Library. URL: https://royallib.com/read/ribakov_boris/rogdenie_rusi.html#20480 (accessed on July 31, 2026).
- [2] M. V. Bibikov. Rus' in Byzantine Diplomacy: Rus' Treaties with the Greeks of the 10th Century. P. 2. // Scientific Journal "Ancient Rus'. Issues of Medieval Studies". URL: https://www.drevnyaya.ru/vyp/stat/s1_19_1.pdf (accessed on July 31, 2026).

[3] *The Tale of Bygone Years*. // Alexey Komarov Online Library. URL: <https://ilibrary.ru/text/4339/p.1/index.html> (accessed: 31.07.2026).

[4] *Russkaya Pravda (Short Edition)*. // Orthodox portal "Azbuka Vera". URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13 (accessed: 31.07.2026).

[5] V.L. Yanin. *Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Rus*. P. 21. // [Electronic resource]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/MBogp7-Ndrq67IzY8A4Z8C8Tnu_JESzhEQAi4lmN7lJEVkJQH8ajBprY_iupLuQaWWvjlkLj_Ik-nOOabLHaswusMj9N4dfjfDclIZHZXAgllc1MBPzubCw/Yanin_Denezhno-vesovye_sistemy_domongolskoy_Rusi.pdf (accessed: 31.07.2026).

[6] B.A. Rybakov. *The Birth of Rus*. P. 8. // RoyalLib.com Electronic Library. URL: https://royallib.com/read/ribakov_boris/rogdenie_rusi.html#20480 (accessed: 31.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШВЕЦОВА Полина Андреевна,
студентка, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: shvetsova_polina@bk.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ПРОКУРОРСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование организационно-правовых моделей прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в правовых системах зарубежных стран. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования механизмов обеспечения законности расследования уголовных дел, в особенности на стадии предварительного расследования. С помощью сравнительно-правового метода были выявлены различия в разных моделях прокурорского надзора: от строго контроля до процессуального руководства следствием. Также были рассмотрены различия роли прокурора и его контроля в различных государствах. Результаты исследования позволяют дать оценку возможности внедрения отдельных зарубежных норм в отечественную систему уголовного судопроизводства для улучшения качества расследования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, досудебное производство, уголовный процесс, сравнительное правоведение, полномочия прокурора, правовые системы, прокурорский контроль, предварительное расследование.

SHVETSOVA Polina Andreevna,
Student of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

FOREIGN MODELS OF PROSECUTORIAL CONTROL OVER PRE-TRIAL PROCEEDINGS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article provides a comprehensive study of the organizational and legal models of prosecutorial supervision in the pre-trial stages of criminal proceedings in the legal systems of foreign countries. The relevance of the topic is due to the need to improve the mechanisms for ensuring the legality of criminal investigations, especially at the preliminary investigation stage. Using the comparative legal method, the article identifies the differences in the various models of prosecutorial supervision, ranging from strict control to procedural guidance of the investigation. The article also examines the differences in the role of the prosecutor and their supervision in different countries. The results of the study provide an assessment of the possibility of introducing certain foreign norms into the domestic system of criminal proceedings to improve the quality of investigations.

Key words: prosecutorial supervision, pre-trial proceedings, criminal procedure, comparative law, prosecutor's powers, legal systems, prosecutorial control, preliminary investigation.

В структуре современного уголовного судопроизводства институт прокурорского надзора на досудебных стадиях выступает одним из центральных элементов деятельности прокуратуры в целом. Правильное и справедли-

вое рассмотрение дела напрямую зависит от того, насколько качественно было произведено расследование на досудебных стадиях, а здесь особое положение занимают следственные органы и органы прокуратуры.

Учитывая, что в последние десятилетия идет тенденция к глобальной интеграции правовые стандарты, становится актуальным и необходимым анализ международного опыта в сфере прокурорского контроля за досудебным производством. Подходы к наделению прокурора определенными полномочиями на досудебных стадиях зависят от правовой системы государства, что обусловлено исторической спецификой становления каждой национальной правовой системы.

Прежде чем рассмотреть различия функций прокурора в досудебном производстве, можно выделить сложившуюся классификацию прокуратуры в зависимости от способа её непосредственной организации:

1. Прокуратура является структурным подразделением министерства юстиции (Япония, США, Франция);

2. Прокуратура является самостоятельной системой государственных органов, выполняющая специфические (надзорные) функции (Китайская Народная Республика, Куба, Российская Федерация);

3. Прокуратура входит в состав судебной системы и выполняет вспомогательные функции для судебных органов власти (Испания, Латвия, Болгария) [1].

В Германской модели уголовного судопроизводства прокуратура занимает центральное положение в досудебной стадии производства, так как обладает достаточно широкими полномочиями по управлению расследованием. В отличие от нашей правовой системы, в Германии деятельность прокурора подкреплена принципом объективности, так как в немецкой правовой доктрине он закреплен как «нейтральный орган правосудия». Данное положение означает, что прокурор обязан исследовать все обстоятельства дела, как изобличающие, так и оправдывающие подозреваемого. Роль прокурора в предварительном расследовании также заключается в процессуальном руководстве, контроле хода расследования и принятию значимых решений.

Прокурор несет бремя доказывания, но при этом на него возлагается обязанность по определению оснований, указывающих на возможность освобождения лица от подозрения, а также позаботиться о сборе доказательств при наличии признаков преступного

деяния. В Германии не раз высказывалась позиция о том, что орган прокуратуры является самым объективным органом в мире [2].

Уголовное судопроизводство во Франции долгое время характеризовалось уникальным институтом следственного судьи, который обладал широкими полномочиями, однако в последние десятилетия произошли реформы, которые существенно усилили роль прокурора во Франции. Прокурор во Франции является лицом, которое руководит деятельностью полиции в ходе предварительного расследования, а также дает обязательные указания следователям. Ключевой особенностью института прокурорского надзора во Франции является то, что прокурор выполняет двойственные функции, так как с одной стороны он выполняет функцию стороны обвинения, а с другой осуществляет надзор за законностью действий полиции. Данные двойственные функции прокурора зачастую подвержены критике со стороны Европейского суда по правам человека.

В США прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства обладает рядом особенностей, которые обусловлены различиями между штатами, а также федеративным устройством. Федеральный прокурор и прокуроры штатов обладают широким рядом полномочий при принятии решений о возбуждении и начале уголовного преследования. Именно прокурор принимает заключительные решения о предъявлении обвинения или сделки о признании вины, в то время как полиция занимается первоначальным расследованием, преимущественно самостоятельно. Ключевой особенностью роли прокурора в США является то, что прокурор участвует в работе «Большого жюри», который принимает решение о наличии достаточных доказательств для передачи дела в суд.

Схожи полномочия у прокуратур РФ и США в выполнении функции государственного обвинителя, поскольку главная цель прокурора в осуществлении данной функции является не победа в деле, а в том, чтобы обеспечить законность, иначе говоря, обеспечить участникам процесса законную процедуру [3].

Что касается Китайской народной Республики, то там прокурорский надзор выступает основным органом, который сдерживает про-

извол других органов, которые обеспечивают общественную безопасность. В отличие от западных моделей, где данный контроль осуществляет суд, в Китае прокурор располагает полным контролем за деятельностью полиции.

Параллельно с функциями надзора, в законодательстве КНР закреплено, что прокурор обладает самостоятельным статусом субъекта расследования в отношении определенных категорий дел, а именно к таким делам относятся преступления, совершенные должностными лицами (коррупция, халатность, злоупотребление полномочиями). Это сделано именно для того, чтобы минимизировать влияние административных ресурсов на ход расследования.

Следовательно, можно сказать, и особенно это прослеживается на досудебной стадии уголовного процесса, что прокуроры КНР несколько уступают по степени влияния на процесс российским коллегам. Первостепенная роль в расследовании в Китае отведена следователям, а прокурор наделен лишь полномочиями предъявлять обвинение и передавать дела в суд, а также давать санкции на арест подозреваемого, которые при несогласии вполне могут быть отменены следователем (с санкции вышестоящего прокурора) [4].

В Англии до 1986 года отсутствовало четкое разграничение между следственными и обвинительными органами, в это время полиция обладала монополией на проведение расследования и самостоятельно осуществляла функцию поддержания обвинения в судах низшей инстанции. Из-за неэффективности данной модели, была проведена фундаментальная институциональная реформа, а именно создание Королевской прокурорской службы.

После проведения институциональной реформы, в законе были разделены функции следствия и обвинения, после чего в работе прокурора появился так называемый «двухступенчатый тест». Данное понятие включало в себя две составляющие. Первое – прокурор при рассмотрении какого-либо обвинения сначала давал оценку имеющимся доказа-

тельствам. В оценку входило исследование доказательств со стороны допустимости и достаточности доказательств. Второе – прокурор давал оценку целесообразности, то есть анализировал необходимость уголовного преследования с точки зрения общественного интереса и общественной безопасности.

Таким образом, можно сказать, что в различных правовых системах функции прокурора в досудебном производстве достаточно схожи несмотря на то, что в каждой стране по-своему обозначены и классифицированы его функции. Основное направления развития прокурорской деятельности непосредственно направлено на то, чтобы прокурор стал более активным участником уголовного судопроизводства, именно на стадии досудебного производства. Опережающая роль в этом принадлежит сейчас Англии и Франции, где прокурор осуществляет помимо своих основных полномочий, также постоянный контроль над следствием и именно ему принадлежит принятие основных решений на данном этапе производства.

Стоит также отметить опыт Германии, где прокурор является «нейтральным органом правосудия», что является также положительным опытом, так как такой подход является более сбалансированным, поскольку обязывает прокурора рассматривать как обвинительные, так и оправдательные обстоятельства.

Таким образом, можно сделать вывод, что нецелесообразно полностью перебирать опыт зарубежных моделей в отечественное законодательство, поскольку имеются сильные различия в самом уголовном судопроизводстве. Возможно лишь обратить внимание на некоторые нормы и принципы, например закрепить принцип объективности прокурора, согласно которому прокурор при осуществлении своей деятельности (надзорной, процессуальной, при рассмотрении обращений и т.д.) обязан принимать решения и делать выводы, основываясь исключительно на объективных фактах и совокупности имеющихся доказательств, а не на субъективных предпочтениях, предубеждениях или внешнем давлении.

Список литературы:

- [1] Умеренкова А.А. Опыт зарубежных стран в совершенствовании механизмов право-защитной деятельности органов прокуратуры // Молодой ученый. — 2026. — № 10 (613). — С. 325-327
- [2] Попов М.А. Сравнительно-правовой анализ статуса прокуратуры в России и в ФРГ // Наука через призму времени. — 2022. — №7 (64).
- [3] Крючков Г. С. Сравнительный анализ деятельности органов прокуратуры РФ с деятельностью органов прокуратуры США и КНР // Юный ученый. — 2023. — № 4 (67). — С. 180-182.
- [4] Урманчеева А.А. Сравнительный анализ правового положения прокурора на досудебных стадиях по законодательству РФ и КНР // Молодой ученый. — 2025. — № 10 (561). — С. 133-137.

References:

- [1] Umerenkova A.A. Experience of Foreign Countries in Improving the Mechanisms of Human Rights Activities of the Prosecutor's Office // Young Scientist. - 2026. - No. 10 (613). - P. 325-327
- [2] Popov M.A. Comparative Legal Analysis of the Status of the Prosecutor's Office in Russia and Germany // Science through the Prism of Time. - 2022. - No. 7 (64).
- [3] Kryuchkov G.S. Comparative Analysis of the Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with the Activities of the Prosecutor's Offices of the USA and China // Young Scientist. - 2023. - No. 4 (67). - P. 180-182.
- [4] Urmancheeva A.A. Comparative Analysis of the Legal Status of the Prosecutor at the Pre-Trial Stages under the Legislation of the Russian Federation and China // Young Scientist. - 2025. - No. 10 (561). — pp. 133-137.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-60-64

КАЮМОВ Динар Дамирович,
магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
e-mail: akb_1777@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА: ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, РИСКИ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Аннотация. В статье исследуются пределы банковского усмотрения при применении мер финансового мониторинга к предпринимателям. Теоретическую основу образуют риск-ориентированный подход, концепция ограничения субъективных гражданских прав в публичном интересе и представление о сочетании частноправовых и публично-правовых начал в договоре банковского счета. На основе законодательства, судебной практики и данных Банка России за 2024–2025 гг. доказано, что риск-классификация является предварительным сигналом и требует индивидуальной проверки. Определены критерии правомерности ограничений: связь меры с конкретным риском, мотивированность, возможность представить альтернативные доказательства и соразмерность имущественных последствий. Предложены способы досудебной и судебной защиты предпринимателя.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, финансовый мониторинг, банковское усмотрение, риск-классификация, подозрительные операции, реабилитация клиента, судебная защита.

KAYUMOV Dinar Damirovich,
Master's student, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY UNDER FINANCIAL MONITORING: LEGAL RESTRICTIONS, RISKS AND PROTECTION MECHANISMS

Annotation. The article examines the limits of bank discretion when financial monitoring measures are applied to entrepreneurs. The theoretical framework combines the risk-based approach, the doctrine of restricting subjective civil rights in the public interest, and the interaction of private and public law principles within a bank account agreement. Legislation, judicial practice and Bank of Russia data for 2024–2025 show that risk classification is only a preliminary signal requiring an individual assessment. Lawful restrictions must be connected with a specific risk, properly reasoned, open to alternative evidence and proportionate in their property consequences. The article also identifies pre-trial and judicial remedies available to entrepreneurs.

Key words: entrepreneurial activity, financial monitoring, bank discretion, risk classification, suspicious transactions, customer rehabilitation, judicial protection.

Введение

Финансовый мониторинг влияет не только на исполнение отдельного платежного поручения, но и на возможность предпринимателя

сохранять расчетные связи. Ограничение дистанционного обслуживания, отказ в операции или повышенная комиссия способны вызвать кассовый разрыв раньше, чем клиент получит

результат обжалования. Научная проблема поэтому состоит не в признании права банка проверять операции, а в определении границы между необходимым контролем и несоразмерным вмешательством в договорную сферу.

Степень разработанности темы определяется исследованиями риск-ориентированного регулирования [1], ограничения субъективных гражданских прав в банковской сфере [2] и ответственности агентов первичного финансового мониторинга при одновременном осуществлении публичной функции и исполнении частного обязательства [3, с. 67–83]. Вместе с тем уточнения требует критерий, позволяющий перейти от статистического риск-сигнала к юридически значимому ограничению конкретного клиента.

Цель и методы исследования

Цель статьи — определить пределы банковского усмотрения при применении мер финансового мониторинга и сформулировать способы защиты предпринимателя. Для ее достижения решаются задачи по раскрытию правовой природы контроля, анализу динамики подозрительных операций, обобщению судебных критериев и оценке процедур реабилитации. Нормативную основу составили положения Федерального закона № 115-ФЗ и нормы о договоре банковского счета; эмпирическую — материалы Банка России за 2024–2025 гг. и акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Используются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и статистический методы.

Теоретическая основа и результаты исследования

Теоретическая конструкция исследования объединяет три положения. Во-первых, риск-ориентированный подход допускает различную интенсивность контроля в зависимости от вероятности и масштаба риска, но не превращает индикатор в доказательство незаконности. Во-вторых, ограничение субъективного права распоряжаться средствами допустимо при законной цели, необходимой процедуре и соразмерных последствиях. В-третьих, банк в одной связи остается стороной договора счета и одновременно исполняет функцию агента первичного финансового мониторинга. Такое сочетание объясняет

наличие профессионального усмотрения, но сохраняет возможность судебной проверки [2; 3].

Федеральный закон № 115-ФЗ обязывает кредитную организацию идентифицировать клиента, выявлять операции обязательного контроля и оценивать иные операции, вызывающие подозрения [4]. Однако полномочие запросить документы не оправдывает любое последствие для клиента. Правомерность меры зависит от ее связи с конкретной операцией, полноты исследования представленных материалов и возможности устранить противоречия. Отказ по отдельному платежу требует анализа данного распоряжения; ограничение всех расходных операций — целостной оценки бизнес-модели, источников средств и поведения клиента во времени.

Данные Банка России подтверждают необходимость адресного, а не механического контроля. В 2024–2025 гг. общий объем операций, квалифицированных как подозрительные, снизился с 90 до 72,6 млрд руб. (на 19,3 %), объем обналичивания — с 64,2 до 48,3 млрд руб. (на 24,8 %), а операций с признаками вывода средств за рубеж — с 25,6 до 24,3 млрд руб. (на 5,1 %) [5; 6]. Одновременно доля строительства в отраслевом спросе на теневые финансовые услуги выросла с 34 до 39 %, тогда как доля торговли снизилась с 26 до 23 %. Отраслевой профиль оправдывает дополнительную проверку, но не заменяет анализ экономического содержания сделки.

Риск-классификация поэтому должна пониматься как предварительный аналитический сигнал. Нетипичный аванс, возврат займа, платеж новому контрагенту или резкий рост оборота встречаются и в законной деятельности. Ошибка возникает, когда вероятность фактически превращается в презумпцию недобросовестности. Чем тяжелее последствие, тем выше требование к индивидуализации решения и мотивировке, достаточной для подготовки содержательного возражения без раскрытия банковского алгоритма.

Пределы банковского усмотрения

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 июня 2021 г. № 31-П признал обязанность по идентификации клиента конституционно оправданными, но потребовал

учитывать альтернативные способы подтверждения сведений, если стандартный документ отсутствует [7]. Процедурное значение позиции выходит за пределы конкретного спора: формальный недостаток не должен завершать оценку, когда клиент способен доказать юридически значимое обстоятельство иными материалами.

В Определении от 4 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-5195 Верховный Суд РФ указал, что исполнение банком публичной обязанности не создает самостоятельного основания для извлечения дохода в форме штрафа за непредставление документов [8]. В Определении от 26 декабря 2024 г. № 305-ЭС24-16889 Суд потребовал проверить экономическое обоснование комиссии свыше 2,1 млн руб., удержанной после ограничения интернет-банка при переводе средств в другую кредитную организацию [9]. Следовательно, проверке подлежат связь ограничения с риском, реальность процедуры пересмотра, соразмерность тарифа оказанной услуге и отсутствие самостоятельной прибыли от контрольной функции.

Механизмы защиты предпринимателя

Защита начинается до запроса банка. Комплаенс-досье должно связывать договор, фактическое исполнение, платеж и его налоговое отражение. В него включаются описание бизнес-модели, сведения о бенефициарах и ресурсах, договоры, первичные документы, отчетность и деловая переписка. Ответ на запрос целесообразно строить как доказательственный документ: по каждому вопросу указывать объяснение, приложение, роль участников, источник средств и коммерческую цель платежа. Документальная разрозненность повышает риск даже тогда, когда хозяйственная причина законна.

После отказа клиент представляет банку сведения, устраняющие основания решения; затем использует процедуры Банка России и

Межведомственной комиссии. Реабилитация должна обеспечивать новую оценку, а не формальное подтверждение первоначального вывода [10, с. 40–44]. В суде выбор требования зависит от нарушения: решение о сохранении высокого уровня риска оспаривается в административном порядке, действия банка и комиссии — посредством требований о возврате неосновательного обогащения, процентов и доказанных убытков. Для убытков необходимы документы о сроках платежа, претензиях контрагентов, отсутствии доступного альтернативного счета и причинной связи.

Заключение

Исследование позволяет сформулировать четыре вывода. 1. Финансовый мониторинг имеет смешанную правовую конструкцию: публичная обязанность банка реализуется внутри частноправового договора, поэтому ссылка на закон подтверждает полномочие проверить операцию, но не любое имущественное последствие. 2. Риск-классификация является предварительным сигналом, а правомерность ограничения зависит от индивидуальной оценки, мотивированности, альтернативных доказательств и соразмерности. 3. Динамика 2024–2025 гг. подтверждает необходимость адресного контроля: показатели сокращаются неравномерно, а отраслевой риск не доказывает незаконность конкретной сделки. 4. Судебная практика исключает превращение контрольной функции в источник самостоятельного дохода банка. Эффективная защита предполагает комплаенс-досье, доказательственный ответ, реабилитацию и требование, точно соответствующее характеру нарушения. Целесообразно нормативно закрепить минимальный стандарт мотивировки банковского решения: период проверки, вид операции, неустраненные противоречия и перечень материалов, способных повлиять на пересмотр.

Список литературы:

- [1] Трушанина А. Д. Трансформация применения риск-ориентированного подхода в сфере противодействия отмыванию доходов в России: аспекты нормативно-правового регулирования // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № 51.
- [2] Лысова-Бахарева Ю. В. Контроль агентов первичного финансового мониторинга за банковскими операциями своих клиентов как ограничение субъективных гражданских прав в банковской сфере // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 9. С. 73–88.

[3] Лысова-Бахарева Ю. В. Гражданско-правовая ответственность агентов первичного финансового мониторинга за нарушение обязательств в связи с осуществлением ими публично-правовых функций как основа баланса между частными и публичными интересами // *Хозяйство и право*. 2021. № 8. С. 67–83.

[4] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

[5] Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги. 2024 г. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 28.07.2026).

[6] Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги. 2025 г. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/ (дата обращения: 28.07.2026).

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2021 № 31-П // *Российская газета*. 2021. 16 июля. № 159.

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.09.2024 № 305-ЭС24-5195 по делу № А40-56514/2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2400354 (дата обращения: 28.07.2026).

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.12.2024 № 305-ЭС24-16889 по делу № А40-237747/2023. URL: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2433480 (дата обращения: 28.07.2026).

[10] Алексеева Д. Г. «Отказные решения» банков по ПОД/ФТ: вчера, сегодня, завтра // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 8. С. 34–44.

References:

[1] Trushanina A. D. Transformation of the Application of a Risk-Based Approach to Combating Money Laundering in Russia: Aspects of Normative-Legal Regulation // *Bulletin of Eurasian Science*. 2024. Vol. 16. No. S1.

[2] Lysova-Bakhareva Yu. V. Control of Primary Financial Monitoring Agents over the Banking Operations of Their Clients as a Limitation of Subjective Civil Rights in the Banking Sector // *Property Relations in the Russian Federation*. 2022. No. 9. pp. 73–88.

[3] Lysova-Bakhareva Yu. V. Civil Liability of Primary Financial Monitoring Agents for Breach of Obligations in Connection with the Exercise of Their Public Law Functions as the Basis for Balance between Private and Public Interests // *Business and Law*. 2021. No. 8. pp. 67–83.

[4] Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

[5] Bank of Russia. Structure of Suspicious Transactions and Sectors of the Economy That Formed the Demand for Shadow Financial Services. 2024 // Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (date accessed: July 28, 2026).

[6] Bank of Russia. Structure of Suspicious Transactions and Sectors of the Economy That Formed the Demand for Shadow Financial Services. 2025 // Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_2/ (accessed: July 28, 2026).

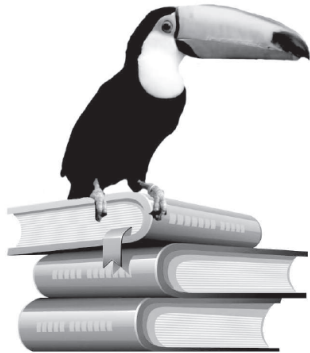
[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 31-P // *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. July 16. No. 159.

[8] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 4, 2024 No. 305-ES24-5195 in case No. А40-56514/2023. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2400354 (accessed: July 28, 2026).

[9] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.12.2024 No. 305-ES24-16889 in case No. А40-237747/2023. URL: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2433480

vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2433480 (accessed: 28.07.2026).

[10] Alekseeva D.G. "Refusal Decisions" of Banks on AML/CFT: Yesterday, Today, Tomorrow // *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020. No. 8. pp. 34–44.

An illustration of a toucan perched on a stack of three books. The books have spines with text, including "ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО" and "ЮРКОМПАНИ".

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-65-71

ХАЙМАНОВА Альбина Олеговна,
аспирант 1 курса,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: al.khaimanova@mail.ru

ПРАВО ЗАСТРОЙКИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье осуществлен анализ права застройки, актуальных аспектов соответствующей судебной практики. Цель настоящей статьи - отразить основные тенденции судебной практики, имеющие отношение к праву застройки. Вытекающие из цели основные задачи исследования сводятся к анализу основ правового регулирования права застройки, практики правоприменения и вытекающих из таковых проблем в судебной практике Российской Федерации. Основные применяемые научные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод толкования норм, иные методы. Автором исследуются причины судебных споров, касающиеся права застройки и оказывающие влияние на нарушение прав и законных интересов граждан. Обосновано: право застройки, возникнув в древнеримской юриспруденции, представляет собой ограниченное вещное право на чужую вещь (земельный участок), выступая одновременно основанием для его застройки. В отсутствии специального правового регулирования соответствующего института российского права, суды при рассмотрении споров руководствуются нормами земельного, жилищного, градостроительного, гражданского законодательства, в частности, - ст.263 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Изложенное способствует неоднозначной судебной практике, не решая проблем реализации Концепции развития национального гражданского законодательства РФ (2009 г.) и требуя принятия Федерального закона о внедрении в национальную цивилистику полноценного института права застройки. Обосновано: решению проблем права застройки и уменьшению количества судебных споров может способствовать формирование Верховным Судом РФ новой правовой позиции «О праве застройки», что обосновывается правовым статусом Верховного Суда РФ; отсутствием актуальной правовой позиции; несовершенством правового регулирования права застройки.

Ключевые слова: законодательство, право застройки, вещное право, ограниченное вещное право, правовая позиция Верховного Суда РФ, судебная практика, судебные споры.

KHAIMANOVA Albina Olegovna,
First-year PhD student,
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia

DEVELOPMENT RIGHTS IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The article analyzes development law and current aspects of relevant judicial practice. The purpose of this article is to reflect the main trends in judicial practice related to development law. The primary objectives of the study, arising from this goal, boil down to an analysis

of the foundations of legal regulation of development law, law enforcement practices, and the problems arising from them in the judicial practice of the Russian Federation. The main scientific methods used are comparative legal, formal legal, the method of interpretation of norms, and other methods. The author examines the causes of litigation concerning development law and their impact on the violation of the rights and legitimate interests of citizens. It is substantiated that the right of development, having arisen in ancient Roman jurisprudence, represents a limited property right to someone else's property (a land plot), simultaneously serving as the basis for its development. In the absence of specific legal regulation of the relevant Russian legal institution, courts rely on land, housing, urban planning, and civil legislation when resolving disputes, in particular Article 263 of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF). This contributes to ambiguous judicial practice, failing to address the implementation of the Concept for the Development of National Civil Legislation of the Russian Federation (2009) and requiring the adoption of a federal law on the introduction of a fully-fledged institution of development law into national civil law. It is substantiated that the development of a new legal position "On Development Law" by the Supreme Court of the Russian Federation could contribute to resolving development law issues and reducing the number of litigations. This position is justified by the legal status of the Supreme Court of the Russian Federation; the lack of a current legal position; and the imperfections of legal regulation of development law.

Key words: *legislation, development law, property law, limited property law, legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, litigation.*

Введение

Возникнув в древнеримской юриспруденции (конструкция «суперфиций») и по сущности, являясь целевым ограниченным вещным правом на вещь (чужую) в виде земельного участка, право застройки проникло в процессе эволюции права в различные правовые системы. Попытки внедрения в современную российскую правовую систему указанного права, нашедшего определенное отражение в дореволюционном законодательстве в качестве самостоятельного и, при этом, ограниченного вещного права, продемонстрированы в Концепции развития национального гражданского законодательства РФ (2009 г.). На основании п. 6.3 названного документа данное вещное право распространяется, когда участок используется, в целях строительства объектов недвижимости с последующей их эксплуатацией. Содержание права постройки, по смыслу Концепции, - пользование, владение, как участком, так и возведенным на нем объектом, при этом к признакам права застройки относятся: срочность, отчуждаемость, равно, как и возмездность. На основе Концепции были предприняты неоднократные попытки о внедрении исследуемого вещного права в национальное гражданско-правовое поле. Однако, необходимо отметить об отсутствии на настоящем этапе реализации инициатив законодателя в указанном направлении.

Признавая отсутствие специального правового регулирования исследуемого вещного права, как и тот факт, что право застройки - это право на чужую вещь (земельный участок) и одновременно - юридическое основание для его застройки, суды при рассмотрении споров руководствуются нормами земельного, жилищного, градостроительного, гражданского законодательства, в частности, - ст.263 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Указанная норма предусматривает: собственник участка вправе осуществлять возведение зданий, сооружений, реализовывать их снос, перестройку, равно, как и формировать разрешение на строительство иным лицам. Осуществление указанных полномочий не должно входить в противоречие с градостроительными и строительными нормативами, с целевым назначением участка. При этом, при факте признания постройки самовольной, наступают последствия (ст.222 ГК РФ).

Не раскрывая, между тем, понятие категорий «право застройки», как и «застройка земельного участка», законодатель в ст. 263 ГК РФ указывает только на полномочия собственника.

Принимая во внимание сказанное, как и отсутствие реализации соответствующих положений Концепции развития гражданского законодательства, указанные и иные коллизии детерминируют проблемы правоприменения,

демонстрируемые в судебной практике, подтверждая актуальность избранной темы.

Внимание к данной проблематике отмечено Верховным Судом РФ, который в 2025 г. отразил ряд важных правовых позиций в отношении права застройки (в части самовольного строительства, признания права собственности на объекты и пр.).

Данными актуальными вопросами и проблемами занимались многие ведущие ученые различных этапов развития отечественной науки - Е.В. Васьковский и В.В. Витрянский, О.С. Иоффе и Д.И. Мейер, И.А. Покровский и К.П. Победоносцев, В.И. Синайский и Г.Ф. Шершеневич. На современном этапе право застройки исследуется К.Е. Путря, А.М. Аббасовой, А.В. Демкиной, О.А. Полежаевым, другими представителями научного сообщества. Признавая значительный вклад данных и иных ученых в исследование права застройки и ввиду отсутствия в российском праве надлежащего правового регулирования и вытекающих из изложенного сложностей в правоприменительной практике, судебная практика демонстрирует многочисленные судебные разбирательства. Изложенное предопределяет недостаточный уровень разработанности данной проблематики и подчеркивает необходимость в дальнейших исследованиях.

Обсуждение

Право, как системная и комплексная общность исходящих от государственного образования и обладающих обязывающим характером социальных норм, является необходимым юридическим инструментарием [3, с. 328], регулирующим определенные правила общественной деятельности, поведение субъекта, в том числе, в сфере застройки. Не существуя в социокультурном контексте [4, с. 109], и не выступая в качестве важного юридического инструментария, обусловленного волей государства, право застройки, не предусмотренное как таковое в настоящее время в российском праве в качестве самостоятельного правового института, регулируется межотраслевыми нормами права (гражданского - в частности, нормы об аренде, земельного, градостроительного, пр.). Тем самым, представляется возможным признать, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует инсти-

тут «права застройки», в том понимании, в котором оно необходимо, что затрудняет эффективное правоприменение в сфере вещных прав, обуславливая проблемы на практике и судебные споры.

Современная строительная аренда, как справедливо и неоднократно отмечалось в доктрине, не относится напрямую к институту аренды, поскольку противоречит принципу единства судьбы участка земли и возведенных на ней строений (объектов недвижимости). При этом, по мнению М.П. Засецкого, наделение собственника участка юридическими полномочиями в отношении предоставления третьим лицам возможности возводить строительством объекты недвижимости на своем участке, в значительной степени напоминающего содержание права застройки (в древнеримской интерпретации), не может быть признано в полном объеме таковым, так как по смыслу позиции законодателя, подобная практическая ситуация выступает в качестве основания для заключения сделки аренды в отношении участка земли, на котором планируется возведение соответствующего объекта строительства [1, с. 89; 2, с.352].

Указанные практические ситуации детерминируют сложности правоприменения, обуславливая многочисленные споры, рассматриваемые в суде, связанные, в частности, со сроком действия отношений в сфере строительной аренды, особенно когда соответствующие земельные участки относятся к государственной форме собственности.

Споры в российском суде, касающиеся права застройки достаточно разнообразны и имеют отношение также к самовольному строительству и к вопросам государственной регистрации, и к требованиям о содержании соответствующего гражданско-правового договора, и в отношении сроков права застройки, оснований прекращения данного вещного права, пр.

Достаточное количество гражданских дел, рассматриваемых национальными судами, касается вопросов права застройки, фактически возникшего значительное время назад. Как демонстрирует практика судов, в подобных случаях суд принимает решение, в соответствии с нормами действующего в тот период законодательства. Так, в решении от 15 ян-

варя 2020 г. по делу № 2-21/2020 Солецкого районного суда Новгородской области отмечено: на основании действующего на момент предоставления земли на праве застройки Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (ст. 71) договоры, содержание которых отражает предоставление гражданам участков земли, принадлежащих муниципалитету, под застройку, заключаются на сроки: для деревянных объектов - до 50 лет, для железобетонных и кирпичных (каменных) - до 65 лет, для строений, являющихся смешанными, - до 60 лет. При предоставлении участка земли на праве застройки под строительство рабочих жилищ, а также, когда объект возводится вновь, договоры на право застройки должны совершаться на указанные выше сроки. Если по гражданско-правовому договору осуществляется восстановление, надстройка, достройка, пристройка, перестройка строения под рабочие жилища, такие договоры не подлежат заключению менее, чем на две трети отраженных в норме предельных сроков.

В свою очередь, как демонстрирует судебная практика, в настоящее время договоры строительной аренды заключаются в срок на 3-5 лет, а после строительства собственник недвижимого объекта либо выкупает соответствующий земельный участок, либо заключает гражданско-правовой договор аренды для эксплуатации построенного им объекта. Данная юридическая конструкция, между тем, довольно громоздка, в связи с чем, при практической реализации возникает множество проблем. В частности, в ситуациях, когда арендатор не успел достроить здание (сооружение), а срок аренды истек, либо, когда арендатор не уплачивает арендные платежи, а собственник обладает намерением расторгнуть гражданско-правовой договор аренды.

Судебная практика демонстрирует и многие другие проблемы. Интерес представляет Определение от 23 сентября 2025 г. Верховного Суда РФ (дело № 5-КГ25-81-К2), в котором указано: участок земли, предоставленный в 1925 г. на праве застройки для строительства объекта жилой недвижимости (до принятия Земельного кодекса РФ), признается предоставленным на праве собственности. Данный вывод основан, в частности, на соответствующих выписках из архивных нехозяйственных

книг, которые подлежат хранению в Мещерском поселковом совете, расположенном в Московской области (Кунцевский район).

В другом судебном акте - в решении Минераловодского городского суда Ставропольского края (дело № 2-191/2025 от 24.01.2025) отмечено: гражданин, который обладал участком земли, предоставленным, в целях индивидуального строительства до вступления в силу Земельного кодекса РФ, вправе зарегистрировать право собственности и на участок, и на дом (без необходимости принятия решения муниципальным органом).

Многочисленна практика судов в отношении права застройки и прецедентов, касающихся самовольной постройки.

Верховный Суд РФ, обобщая утвержденную Президиумом 16 ноября 2022 г. практику судов по указанной актуальной тематике, указал, в частности, нижеследующее:

- размещение одной из частей самовольной постройки на участке, который не предоставлен в установленном законном порядке для застройки, может выступить основанием для формирования отказа в признании на нее права собственности;
- к требованию в отношении сноса постройки, не создающей определенных угроз гражданам (их жизни, здоровью), однако возведенной на праве застройки на выделенном участке без разрешений, подлежит применению общий срок давности.

Как отметила Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда (Определение от 23 апреля 2025 г. по делу № 33-14666/2025), принимая во внимание п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 / 22 (2010 г.), разъясняющего вопросы судебной практики в отношении споров по защите отношений собственности, иных вещных прав, объект может быть признан самовольной постройкой и подлежать сносу в том числе, на участке, выделенном по праву застройки, при одновременном наличии следующих ее признаков: возведение на участке, который не отведен для строительства либо, когда отсутствуют соответствующие разрешения на право застройки, либо строительство осуществлено при существенном несоблюдении норм, правил градостроения и строительства.

В Обзоре Верховного Суда РФ по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства (Обзор судебной практики по делам, связанным с предоставлением и использованием публичных земельных участков для целей строительства, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19 ноября 2025 г.) отражены, в частности, следующие правовые позиции: 1) строительство здания, сооружения осуществляется либо собственником участка, в том числе, через участие третьих лиц либо лицом, не обладающим правом собственности на участок (на праве застройки), однако, с согласия уполномоченных лиц; 2) лицо, которое начало строительство объекта недвижимости до внесения корректив в градостроительную документацию, обладает правом завершить строительство и в последующем использовать данный объект, как и соответствующий участок земли на основании определенного ранее вида его разрешенного использования.

Обзор практики судов по делам, связанным с предоставлением, использованием публичных участков для целей строительства, демонстрирует также следующую правовую позицию Верховного Суда РФ, касающуюся права застройки:

- требование, сформированное уполномоченным органом, касающееся изъятия возведенного на земельном участке незавершенного объекта строительства и его продажи в рамках публичных торгов, подлежит удовлетворению при условии, когда: 1) иск был предъявлен при соблюдении требований ст. 2391 ГК РФ, подп. 2 п. 5 ст. 396 ЗК РФ, и 2) собственником объекта не представлены обоснования нарушения установленных сроков для строительства, ввиду действий (либо бездействия) органов публичной власти либо лиц, которые являются эксплуатирующими инженерно-технические сети, к которым необходимо подключение соответствующего объекта;

- ст. 622 ГК РФ, регулирующая сферу возврата арендованного имущества, не может являться основанием возложения на лицо, признанное арендатором публичного участка (предоставленного, в целях строительства объекта недвижимости) обязанности, касаю-

щейся освобождению такого участка от возведенной строительством недвижимости;

- когда уполномоченный государственный орган не осуществил изъятие объекта, которое признано незавершенным строительством, в срок, определенный законом, собственнику недвижимости не отказывается в совершении арендной сделки на новый срок, требуемый для окончания строительства.

Судебная практика демонстрирует, что право застройки в сравнении с правом аренды характеризуется определенными приоритетами, обеспечивая разумный баланс прав и законных интересов, как арендатора, так и собственника участка земли.

Принимая во внимание изложенное, и учитывая, что прямое законодательное регулирование на настоящем этапе отсутствует, национальная судебная практика должна сформировать единый подход к решению вопросов, связанных со строительной арендой путем использования «права застройки».

Представляется, что решить проблемы в исследуемой сфере

может внедрение в российскую правовую систему права застройки, что неоднократно подчеркивалось на уровне законодательных инициатив, равно, как и в научном сообществе. Так, по утверждению З.А. Ахметьяновой, отсутствие на современном этапе данных гражданско-правовых норм «не может не сказаться отрицательно на правовой регламентации и правоприменении в вещно-правовой сфере» [5, с. 39]. В качестве аргумента о необходимости включения в гражданско-правовые нормы положений о праве застройки в науке указывается, что данное вещное право характеризуется правом следования, то есть не прекращается при переходе права собственности от одного лица к другому, предоставляя фактическую возможность защиты от нарушений против любого (третьего) лица [6, с. 123].

Принимая во внимание значение для российской судебной практики правовых позиций Верховного Суда РФ, которые «являются важнейшим источником правовой информации, указывают на недочеты в законодательстве, на его несовершенство или отставание от темпов развития социальной действительности» [7, с. 55], мы убеждены, что решению проблем права застройки и уменьшению чис-

ла споров в суде может способствовать также формирование данной высшей инстанцией новой позиции «О праве застройки», что обосновывается:

- правовым статусом Верховного Суда РФ, позиции которого, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Верховном Суде Российской Федерации», обладают принципиальным правовым характером казуального толкования действующих норм права, выступая в качестве обязательной «юридической модели» в сфере правоприменения (ст. 2 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»);

- отсутствием соответствующей актуальной на современном этапе правовой позиции о данном праве и потребностью в таковой, учитывающей современные проблемы права застройки с учетом трансформации вещных прав;

- несовершенством правового регулирования права застройки.

Заключение

Судебная практика демонстрирует значительное количество судебных споров, обусловленных проблемами в сфере права застройки. Данные проблемы представляют особый интерес на протяжении веков, начиная со времен древнеримской юриспруденции, дореволюционного отечественного законодательства и актуализированы на современном этапе развития российского гражданского права. Попытки внедрения в современную отечественную правовую систему указанного вещного права, предпринимаемые в рамках Концепции развития гражданского законодательства РФ, отдельных законопроектов, не привели к решению проблем в сфере права застройки, что обуславливает возникновение новых судебных споров. Решение данных вопросов может быть детерминировано внедрением исследуемого права в национальное правовое поле и принятие Верховным Судом РФ соответствующей правовой позиции.

Список литературы:

- [1] Засецкий М. П. Право застройки: перспективы введения в российское гражданское законодательство / М. П. Засецкий // Молодой ученый. — 2025. — № 52 (603). — С. 189-191.
- [2] Аббасова А.М., Анисимов А.П. Право застройки в сфере реформы гражданского и земельного права / А.М. Аббасова, А.П. Анисимов // Известия ОГАУ. — 2015. — № 3. — С.350-353.
- [3] Лузанова Т.А. К вопросу о понятии «право» / Т.А. Лузанова // Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 325-329.
- [4] Капустина М.А. Правовое регулирование: системный подход: дис...док. юрид. наук / М.А. Капустина. 12.00.01. — М., 2017. — 519 с.
- [5] Ахметьянова З.А. О вещном праве и реформе российского законодательства / З.А. Ахметьянова // Актуальные проблемы современного права. — 2021. — № 2 (46). — С.38-47.
- [6] Евдокимова Е.А. Право застройки вместо права аренды / Е.А. Евдокимова // Закон. — 2013. — № 3. — С.126-133.
- [7] Степанова М.Н. Правовые позиции Верховного суда / М.Н. Степанова // Вестник экономики, управления и права. — 2023. — Т. 16. № 3. — С. 54 - 65.

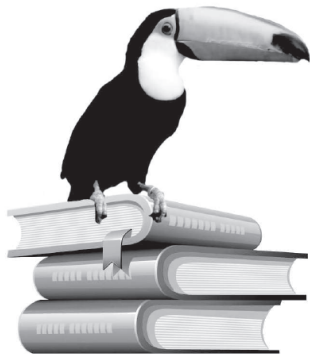
References:

- [1] Zasetsky M.P. Development law: prospects for introduction into Russian civil legislation / M.P. Zasetsky // Young scientist. - 2025. - No. 52 (603). - WITH. 189-191.
- [2] Abbasova A.M., Anisimov A.P. Development law in the sphere of civil and land law reform / A.M. Abbasova, A.P. Anisimov // News of OGAU. - 2015. - No. 3. - P.350-353.
- [3] Luzanova T.A. On the issue of the concept of "right" / T.A. Luzanova // Young scientist. — 2020. — No. 21 (311). — P. 325-329.
- [4] Kapustina M.A. Legal regulation: a systematic approach: dis...doc. legal Sciences / M.A. Kapustina. 12.00.01. - M., 2017. - 519 p.

[5] Akhmetyanova Z.A. *On property law and reform of Russian legislation* / Z.A. Akhmetyanova // *Current problems of modern law*. — 2021. — No. 2 (46). — P.38-47.

[6] Evdokimova E.A. *The right of development instead of the right of lease* / E.A. Evdokimova // *Law*. — 2013. — No. 3. — P. 126-133.

[7] Stepanova M.N. *Legal positions of the Supreme Court* / M.N. Stepanova // *Bulletin of Economics, Management and Law*. - 2023. - T. 16. No. 3. - P. 54 - 65.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЛИДЖИЕВ Тагир Баатрович,
e-mail: tagirvika@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье рассмотрено влияние процессов цифровизации на реализацию конституционного принципа доступности правосудия в Российской Федерации. В частности, выделены современные подходы к определению цифровизации правосудия, обобщены особенности развития цифровизации, а также обозначены проблемные аспекты внедрения цифровых технологий в судопроизводство. Особое внимание уделяется позициям высших судебных органов по вопросам цифровой трансформации правосудия и сохранения его доступности для всех категорий граждан. По результатам исследования определено, что цифровизация правосудия представляет собой объективный и необратимый процесс, однако ее реализация требует взвешенного подхода, учитывающего как технологические возможности, так и конституционно-правовые гарантии равного доступа к судебной защите.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, доступность правосудия, электронное правосудие, судебная защита, цифровое неравенство.

LIDZHIEV Tagir Baatrovich

DIGITAL TRANSFORMATION OF JUSTICE AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEM

Annotation. The article examines the impact of digitalization processes on the implementation of the constitutional principle of accessibility of justice in the Russian Federation. In particular, modern approaches to the definition of the digitalization of justice are highlighted, the features of the development of digitalization are summarized, and problematic aspects of the introduction of digital technologies into legal proceedings are outlined. Special attention is paid to the positions of the supreme judicial authorities on the digital transformation of justice and the preservation of its accessibility for all categories of citizens. Based on the results of the study, it was determined that the digitalization of justice is an objective and irreversible process, but its implementation requires a balanced approach that takes into account both technological capabilities and constitutional and legal guarantees of equal access to judicial protection.

Key words: digitalization of justice, accessibility of justice, electronic justice, judicial protection, digital inequality.

Процессы цифровой трансформации общественных отношений в XXI веке приобрели всеобъемлющий характер. Как справедливо отмечает Е.В. Катрин, «цифровизация – это процесс, включающий создание, внедрение и применение цифровых систем и технологий и (или) трансформацию инструментов (объектов, систем и технологий) взаимодействия государства, общества и человека» [5, с. 51].

Примечательно, что в действующем зако-

нодательстве Российской Федерации термин «цифровизация» не имеет легального закрепления. При этом в нормативных правовых актах с 2019 года исследуемое понятие приобретает достаточно активное использование, что на практике формирует терминологическую неопределенность, следовательно, значительно затрудняет формирование и единой правоприменительной практики в сфере цифровой трансформации судебной системы.

Судебная система как институт публичной власти оказалась в числе тех сфер, в которых цифровая трансформация проявилась наиболее интенсивно. Как отмечают А.Т. Карасев, А.В. Савоськин и В.А. Мещерягина, «сущность судопроизводства состоит в рассмотрении и разрешении дел в особой процедуре в соответствии с принципами и нормами права, содержащимися как в международных, так и внутринациональных нормативных правовых актах, для обеспечения защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо законных интересов участников процесса» [4, с. 73].

В свою очередь конституционное право на судебную защиту, как подчеркивает С.С. Вашурина, «по сути, выступает гарантией соблюдения, защиты и восстановления иных прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений» [1, с. 42]. Следовательно, можно подчеркнуть, что право на судебную защиту позволяет личности во взаимоотношениях с государством выступать в качестве равноправного субъекта, оно же является абсолютным, то есть не подлежащим ограничению, а также характеризуется как универсальное правовое средство государственной защиты любого нарушенного права.

Практическая реализация цифровой трансформации правосудия находит свое выражение в ряде конкретных инструментов. Прежде всего, это электронная подача процессуальных документов, на практике уже к 2020 г. была обеспечена возможность электронного обращения в суд и возможность участия в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи [3].

Несмотря на применение цифровых инструментов более пяти лет, сегодня недостаточно урегулированным остается вопрос правового обеспечения и нормативного регламентирования применения информационных сервисов, технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве. В указанном контексте следует более детально охарактеризовать такой инструмент, как видеоконференцсвязь, которая в период пандемии COVID-19 с учетом вводимых ограничений послужила способом урегулирования споров без необходимости непосредственного посещения судебных инстанций. Несмотря на кажущу-

юся простоту и удобство использования, суды нередко отказывают в проведении заседаний в таком формате из-за загруженности оборудованных залов, нехватки каналов связи или отсутствия специалистов по техническому сопровождению. Кроме того, качество связи также не обладает высоким уровнем, что фактически препятствует полноценному изложению позиций участниками процесса.

Актуальные проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий в правосудие, находят свое отражение и на уровне высших судебных органов. Председатель Верховного Суда Российской Федерации Игорь Краснов, выступая на семинаре-совещании по вопросам обеспечения деятельности мировых судей 20 мая 2026 года, констатировал, что цифровое правосудие как таковое не обладает однородным характером и не применяется в едином контексте повсеместно, так как на многих участках применяется и устаревшее оборудование, и присутствует нехватка серверного оборудования, следовательно, поддерживать в складывающихся условиях единую цифровую среду просто невозможно, даже несмотря на то, что идея общей среды в цифровом пространстве для мировых судей остается одним из векторов развития судопроизводства в близлежащей перспективе [2].

Нельзя не отметить и тот факт, что применение исключительно электронных, цифровых форм обращения граждан в органы правосудия прямо противоречит конституционным положениям, а также принципам организации судебной власти. Технологии, благодаря которым достигнуты прогрессивные результаты в рамках цифровой трансформации правосудия, не в полной мере находят свое практическое применение, так как зависят от уровня цифровой грамотности граждан, технической обеспеченности судебных органов, стабильности работы оборудования, используемого в рамках передачи информации.

О недопущении процесса полной автоматизации правосудия, используя такую популярную во многих сферах технологию, как искусственный интеллект, говорит председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин. В своем выступлении на конференции, посвященной 35-летию Конституционного Суда РФ, он подчеркнул: «Вправе ли Конституционный

суд терпеть так называемый «черный ящик» правосудия? Ответ – решительное «нет». При этом он допустил возможность использования искусственного интеллекта в качестве «умной подсказки для решения дел», однако с важной оговоркой: «никогда в решении дел о свободе, родительских и гражданских правах» [6].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на законодательном уровне осознается содержание цифровизации: она несет как очевидные блага, так и потенциальные угрозы для конституционных прав человека и гражданина. Следовательно, внедрение цифровых решений в судебную деятельность должно сопровождаться формированием адекватной нормативной базы, обеспечивающей как техническую безопасность, так и процессуальные гарантии прав участников судопроизводства. При этом цифровые технологии в правосудии выступают не самоцелью, а средством достижения конституционно значимых целей – доступности, открытости и эффективности судебной защиты. Отсутствие же проработанности вопроса о допустимости использования искусственного интеллекта фактически создает зону неопределенности, которая может быть использована в ущерб правам граждан.

Таким образом, цифровизация правосудия представляет собой объективный процесс, обусловленный общим технологическим развитием общества и направленный на повышение эффективности, открытости и доступности судебной защиты. Применение цифровых инструментов, к числу которых можно отне-

сти электронную подачу документов, видеоконференцсвязь, автоматизацию документооборота создает реальные возможности для упрощения доступа граждан к правосудию, при условии снижения затрат времени и ресурсов на решение имеющихся вопросов. В свою очередь использование современных решений в области цифровизации судопроизводства не должно ставить конституционное право на судебную защиту под угрозу ограничения, то есть цифровая трансформация не должна подменять собой сущностные характеристики правосудия, среди которых – его доступность для всех категорий граждан, независимо от их места жительства, уровня дохода, возраста, состояния здоровья и цифровой компетентности.

В настоящее время актуальным остается вопрос о том, каким образом достичь баланса между ускоряющимся технологическим прогрессом, влияющим в том числе на процесс судопроизводства, и конституционными гарантиями равного доступа к судебной защите для всех граждан. Нахождение указанного баланса, очевидно, требует не только технологических, но и организационных, правовых и социальных решений, учитывающих многообразие потребностей и возможностей всех участников судопроизводства. Только при эффективном подходе цифровая трансформация сможет служить укреплению, а не ослаблению принципа доступности правосудия, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

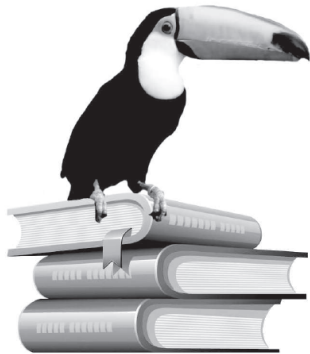
- [1] *Вашурина С.С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 10. С. 39-49.*
- [2] *Верховный суд создаст единую цифровую среду правосудия // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/05/21/1198792-verhovnii-sud-sozdast-edinuyu-tsifrovuyu-sredu-pravosudiya> (дата обращения: 16.05.2026).*
- [3] *Диева М.Г., Субочева В.А. Информационные технологии в правосудии: учебное пособие / М.Г. Диева, В.А. Субочева. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2023. 81 с.*
- [4] *Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мецерегина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 71-77.*
- [5] *Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 5. С. 49-54.*
- [6] *Председатель КС РФ Зорькин против полной автоматизации правосудия // Петербургский дневник. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2026-05-20/predsdatel-ks-rf-zorkin-protiv>*

polnoy-avtomatizatsii-pravosudiya. (дата обращения: 16.05.2026).

References:

- [1] Vashurina S.S. Digital transformation of justice in Russia: constitutional and legal aspects // *Current issues of Russian law*. 2025. Vol. 20. No. 10. Pp. 39-49.
- [2] The Supreme Court will create a unified digital justice environment // *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/05/21/1198792-verhovnii-sud-sozdast-edinuyu-tsifrovuyu-sredu-pravosudiya> (date of access: 16.05.2026).
- [3] Dieva M.G., Subocheva V.A. Information technologies in justice: a tutorial / M.G. Dieva, V.A. Subocheva. Tambov: Publishing Center of FGBOU VO "TSTU", 2023. 81 p.
- [4] Karasev A.T., Savoskin A.V., Meshcheryagina V.A. Digitalization of Justice in the Russian Federation // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 2. pp. 71-77.
- [5] Katrin E.V. "Digitalization": Scientific Approaches to Defining the Term // *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2022. Vol. 28. No. 5. pp. 49-54.
- [6] Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation Zorkin is against the full automation of justice // *St. Petersburg Diary*. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2026-05-20/predsedatel-ks-rf-zorkin-protiv-polnoy-avtomatizatsii-pravosudiya>. (Accessed: 16.05.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЧЕРНЯВСКАЯ София Кареновна,
аспирант, Московский государственный
лингвистический университет им. Мориса Тореза,
Москва, Россия,
e-mail: sofikaaaaa@mail.ru

ПЕРЕСМОТР ЗАОЧНЫХ ПРИГОВОРОВ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ: ЕДИНОЛИЧНОЕ РАССМОТРЕНИЕ И ГАРАНТИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы апелляционного и кассационного пересмотра заочных приговоров в уголовном процессе России в связи с законодательной инициативой Верховного Суда Российской Федерации о переходе к единоличному рассмотрению соответствующей категории дел в судах проверочных инстанций. Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом числа уголовных дел, рассматриваемых в отсутствие подсудимого по правилам части 5 статьи 247 УПК РФ, а также необходимостью оценить, насколько процессуальная оптимизация совместима с гарантиями права осужденного на защиту. Автор исходит из того, что заочный приговор является особым объектом судебной проверки, поскольку постановляется в ситуации, когда подсудимый не участвует в судебном разбирательстве лично, а его отношение к исследуемым доказательствам и отдельным обстоятельствам дела может выражаться лишь опосредованно — через защитника и процессуальные документы. В статье анализируются аргументы в пользу единоличного пересмотра, рассматриваются риски формализации апелляционной и кассационной проверки, а также раскрываются гарантии, позволяющие сохранить баланс между эффективностью уголовного судопроизводства и правами отсутствующего лица. Особое внимание уделяется обязательному участию защитника, надлежащему извещению осужденного, направлению процессуальных документов, праву на перевод и возможности последующей отмены заочного приговора при устранении обстоятельств, предусмотренных законом.

Ключевые слова: заочный приговор, заочное судебное разбирательство, апелляция, кассация, единоличное рассмотрение, право на защиту, статья 247 УПК РФ, проверочные инстанции, судебная защита, процессуальные гарантии.

CHERNIAVSKAIA Sofia Karenovna,
graduate student of Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

REVIEW OF SENTENCES IN ABSENTIA IN APPEAL AND CASSATION PROCEEDINGS: SINGLE-JUDGE CONSIDERATION AND GUARANTEES OF THE RIGHT TO DEFENCE

Annotation. The article examines the issues of appellate and cassation review of sentences in absentia in Russian criminal proceedings in connection with the legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation aimed at introducing single-judge consideration of this category of cases in review courts. The relevance of the research is determined by the steady increase in the number of criminal cases heard in the absence of the defendant under part 5 of Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as by the need to assess whether procedural optimization is compatible with the guarantees of the convicted person's right to defence. The author proceeds from the idea that a sentence in absentia is a special object of judicial review,

since it is delivered in a situation where the defendant does not personally participate in the trial, while his procedural attitude to the evidence and particular circumstances of the case can be expressed only indirectly, through defence counsel and procedural submissions. The article analyzes arguments in favour of single-judge review, considers the risks of formalizing appellate and cassation control, and identifies the guarantees necessary to maintain a balance between the efficiency of criminal proceedings and the rights of the absent person. Particular attention is paid to mandatory participation of defence counsel, proper notification of the convicted person, sending procedural documents, the right to translation and the possibility of subsequent annulment of a sentence in absentia when the circumstances provided by law cease to exist.

Key words: *sentence in absentia, trial in absentia, appeal, cassation, single-judge consideration, right to defence, Article 247 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, review courts, judicial protection, procedural guarantees.*

Заочный приговор воспринимается в уголовном процессе несколько иначе, чем решение, вынесенное по итогам обычного разбирательства. Формально он обладает теми же юридическими свойствами: разрешает вопрос о виновности, влечет уголовно-правовые последствия, может быть обжалован и исполнен. Но процессуальная ситуация, в которой он постановляется, существенно отличается от классической: подсудимый отсутствует; его позиция может быть представлена защитником, однако суд не воспринимает непосредственно объяснения самого подсудимого, его уточнения по фактическим обстоятельствам и отношение к отдельным доказательствам.

Именно поэтому пересмотр заочного приговора нельзя свести к обычной проверке законности, обоснованности и справедливости судебного решения. В таких делах апелляционная и кассационная инстанции по сути сталкиваются не только с итоговым актом суда первой инстанции, но и с более сложным вопросом: были ли процессуальные гарантии отсутствующего лица достаточными, чтобы признать состоявшееся разбирательство справедливым.

Актуальность проблемы возросла после того, как 16 июня 2026 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации одобрил проект федерального закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Законопроектом, в частности, предлагается изменить статью 30 УПК РФ и установить, что уголовные дела, рассмотренные судом первой инстанции в отсутствие подсудимого в соответствии с частью 5 статьи 247 УПК РФ, в судах апелляционной

и кассационной инстанций, за исключением Верховного Суда РФ, будут рассматриваться судьей единолично [3, с. 2–3, 8–9].

Идея единоличного пересмотра как таковая уголовному процессу не чужда. Законодательство уже знает различные модели единоличного рассмотрения, а состав суда сам по себе не предопределяет качества судебной защиты. Тем не менее применительно к заочным приговорам нужна особая осторожность: оптимизация судебной процедуры соприкасается здесь с институтом, который изначально строится на исключении из общего правила о личном участии подсудимого в судебном разбирательстве. Поэтому важно понять, не обернется ли переход от коллегиального пересмотра к единоличному ослаблением гарантий права на защиту — или же он допустим при сохранении достаточного набора процессуальных гарантий.

Цель настоящей статьи — проанализировать апелляционный и кассационный пересмотр заочных приговоров в контексте предлагаемого единоличного рассмотрения и определить условия, при которых такая модель не будет противоречить праву осужденного на защиту.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. Теоретическую базу образуют труды Н.В. Илютченко, Е.Г. Бендерской, А.А. Казакова, Л.М. Фатыховой, И.Л. Петрухина, Т.В. Трубниковой, Л.В. Головки, М.С. Строговича и других авторов, изучавших проблемы заочного производства, судебной проверки и гарантий прав личности в уголовном процессе.

Заочный приговор как особый объект судебной проверки

В российском уголовном процессе участие подсудимого в судебном разбирательстве является общим правилом. Оно закреплено не только как элемент процессуального порядка, но и как гарантия права на защиту. Конституция Российской Федерации допускает заочное разбирательство уголовных дел только в случаях, предусмотренных федеральным законом [1]. УПК РФ, развивая это положение, устанавливает обязательность участия подсудимого и одновременно предусматривает исключения, в том числе в части 5 статьи 247 [2]. Применение такого исключения требует самостоятельной судебной оценки уже на этапе подготовки дела к судебному разбирательству с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных подготовке уголовного дела к судебному разбирательству [6].

Особенность заочного приговора в том, что он завершает судебное разбирательство, проведенное при отсутствии подсудимого, но не при отсутствии защиты как таковой. Законодатель требует обязательного участия защитника, а также соблюдения иных процессуальных условий. Однако личное участие подсудимого и участие защитника не вполне взаимозаменяемы. Защитник профессионально представляет интересы стороны защиты, заявляет ходатайства, участвует в исследовании доказательств, выступает в прениях и не вправе произвольно отступать от позиции доверителя. Вместе с тем даже активная защита не устраняет того обстоятельства, что суд не получает непосредственно объяснений подсудимого, его уточнений по фактическим деталям, оценки отдельных эпизодов обвинения и сведений, которые могут быть известны только ему.

Н.В. Ильютченко справедливо обращает внимание на то, что заочный приговор нельзя понимать как любое решение, вынесенное при фактическом отсутствии подсудимого. Заочным приговор делает не сам факт отсутствия лица, а процессуальная природа этого отсутствия и тот режим, в рамках которого рассматривалось дело [9, с. 138–140]. Эта мысль важна и для проверочных стадий.

Апелляция или кассация должны оценивать не только итоговые выводы суда первой инстанции, но и то, была ли сама заочная форма применена обоснованно.

Е.Г. Бендерская, разграничивая рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого и заочное разбирательство, показывает, что первое понятие шире и охватывает разные ситуации фактического отсутствия лица в судебном заседании [10, с. 8–10]. Для пересмотра заочных приговоров это разграничение имеет практическое значение. Проверочная инстанция должна видеть, что заочный приговор по части 5 статьи 247 УПК РФ связан не с обычной процессуальной неявкой, а с особым исключительным порядком, который требует отдельной проверки условий его применения. Близкий акцент делает Л.М. Фатыхова, связывая допустимость рассмотрения дела в отсутствие подсудимого с исключительным характером ситуации, проверкой уклонения, обязательным участием защитника и отсутствием параллельного привлечения лица к ответственности за рубежом по тому же делу [12, с. 10–13].

А.А. Казаков подчеркивает, что заочное судебное разбирательство сопряжено с отступлениями от общих условий судебного разбирательства, прежде всего от непосредственности исследования доказательств и состязательной активности стороны защиты [11, с. 94–95]. В этом смысле заочный приговор объективно нуждается в повышенном внимании проверочных инстанций. Если суд первой инстанции уже рассмотрел дело без подсудимого, то апелляция и кассация не восполняют его личное участие — это в принципе невозможно, — а проверяют, были ли ограничения, связанные с отсутствием лица, правомерными и не лишили ли защиту реального содержания.

Пересмотр заочного приговора, таким образом, не может ограничиваться технической проверкой жалобы. Наряду с традиционными вопросами законности, обоснованности и справедливости проверочной инстанции приходится оценивать и то, насколько реальными были гарантии защиты при отсутствии подсудимого. Иначе возможность обжалования формально сохранится, но ее защитное значение окажется заметно сниженным.

Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации и ее процессуальный смысл

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 22 одобрен проект федерального закона о внесении изменений в УПК РФ. Одна из ключевых новелл — переход к единоличному рассмотрению в апелляционном и кассационном порядке уголовных дел, разрешенных судом первой инстанции в отсутствие подсудимого по части 5 статьи 247 УПК РФ. Исключение предполагается сохранить для Верховного Суда РФ [3, с. 2–3].

В пояснительной записке к законопроекту эта инициатива обосновывается необходимостью повысить эффективность уголовного судопроизводства, обеспечить доступность правосудия и оптимизировать служебную нагрузку судей и работников аппаратов судов [3, с. 8]. Дополнительным аргументом служит статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: по части 5 статьи 247 УПК РФ судами рассмотрено в 2023 г. 643 дела в отношении 659 лиц, в 2024 г. — 869 дел в отношении 902 лиц, в 2025 г. — 1233 дела в отношении 1305 лиц [3, с. 8]. Тенденция очевидна: в практическом смысле заочное производство перестает быть редким исключением, хотя по своей правовой природе оно должно оставаться исключительным.

Приведенная динамика сама по себе объясняет интерес Верховного Суда РФ именно к проверочным стадиям. Чем больше дел рассматривается в отсутствие подсудимых, тем выше нагрузка на апелляционные и кассационные инстанции. Однако статистический рост не снимает главного вопроса: можно ли добиться искомой эффективности без ущерба для процессуальных гарантий?

Верховный Суд РФ исходит из того, что переход к единоличному рассмотрению не предполагает отказа от судебного разбирательства, отвечающего всем необходимым требованиям. В пояснительной записке подчеркивается, что в апелляции сохраняются обязательное участие защитника, направление осужденному, оправданному или лицу, в отношении которого дело прекращено, извещения о месте, дате и времени заседания, копии судеб-

ного решения, жалобы или представления, а при необходимости — перевод документов на родной язык либо иной язык, которым лицо владеет [3, с. 9]. Кроме того, для осужденного сохраняется упрощенный порядок отмены заочного приговора в кассационной инстанции [3, с. 9].

Эти аргументы нельзя игнорировать. Действительно, состав суда — не единственная и не абсолютная гарантия справедливости судебной проверки. Коллегиальное рассмотрение может быть формальным, а единоличное — внимательным и содержательным. Однако в случае заочных приговоров важно другое: переход к единоличному пересмотру требует ясного понимания того, что судья проверочной инстанции имеет дело не с обычным приговором, а с решением, постановленным в отсутствие подсудимого. Следовательно, требования к мотивировке, проверке извещения, оценке участия защитника и анализу доводов жалобы должны быть особенно строгими.

Процессуальная экономия и пределы ее допустимости

Стремление к процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве само по себе упрека не заслуживает. Судебная система не может не считаться со сроками рассмотрения дел, загруженностью судей и доступностью правосудия. Более того, чрезмерная длительность процесса способна нарушать права не только обвиняемого, но и потерпевшего, а также подрывать доверие к суду. В этом смысле забота о рациональном распределении судебных ресурсов выглядит оправданной.

Тем не менее уголовный процесс отличается от иных видов судопроизводства тем, что экономия процедуры здесь всегда имеет предел. Этот предел проходит там, где ускорение начинает ослаблять способность лица защищаться от обвинения. Еще М.С. Строгович, исследуя гарантии прав личности в уголовном процессе, подчеркивал, что процессуальная форма имеет самостоятельное защитное значение и не может восприниматься как внешняя оболочка, безразличная к содержанию правосудия [18, с. 42–45]. Эта позиция сохраняет силу и сегодня: нельзя оценивать реформу только по удобству процедуры, не спрашивая, какие права и каким образом бу-

дут обеспечены.

Заочные приговоры делают вопрос о процессуальной экономии особенно чувствительным. В первой инстанции подсудимый уже отсутствовал. Если затем и проверка такого приговора становится компактнее по составу суда, возникает риск, что заочный характер разбирательства начнет восприниматься как рядовая процессуальная особенность, не требующая дополнительного внимания. Между тем именно здесь судебная проверка должна быть максимально содержательной.

Т.В. Трубникова, рассматривая производство в отсутствие подсудимого в ряду упрощенных уголовно-процессуальных производств, указывает на неоднозначность этого института и на необходимость осторожно определять его место в системе процессуальных форм [16, с. 127–133]. Этот подход помогает оценить и предлагаемую реформу. Единоличный пересмотр заочного приговора не должен превращать заочное производство в последовательность упрощений: сначала дело рассматривается без подсудимого, затем проверяется без коллегиального состава, а в дальнейшем воспринимается как массив дел для ускоренного контроля.

И.Л. Петрухин также критически подошел к проблеме заочного рассмотрения уголовных дел, обращая внимание на необходимость сохранения правовых гарантий даже тогда, когда законодатель допускает движение дела без подсудимого [15, с. 34–36]. В контексте обсуждаемого законопроекта эта мысль приобретает новый оттенок. Вопрос уже не только в том, можно ли рассмотреть дело без подсудимого, но и в том, каким должен быть последующий судебный контроль за приговором, вынесенным в таком порядке.

Представляется, что единоличное рассмотрение в апелляции и кассации допустимо лишь при одном принципиальном условии: оно не должно менять стандарт проверки заочного приговора. Судья проверочной инстанции обязан оценивать не одни лишь доводы жалобы или представления, но и процессуальную ситуацию отсутствующего лица. Проверке подлежат, в частности, надлежащее извещение, реальность участия защитника, наличие оснований для применения части 5 статьи 247 УПК РФ, соблюдение права на пе-

ревод и возможность лица получить информацию о вынесенном решении.

Гарантии права на защиту при единоличном пересмотре

Право на защиту в уголовном судопроизводстве не исчерпывается назначением защитника. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 неоднократно ориентировал суды на то, что обеспечение права на защиту должно быть реальным, а не формальным [5]. Этот подход соответствует и международно-правовым гарантиям справедливого судебного разбирательства: статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах связывают право обвиняемого на защиту с возможностью знать о процессе и защищаться лично либо посредством защитника [7; 8]. Для заочных приговоров это особенно важно: отсутствующий подсудимый объективно зависим и от качества работы защитника, и от того, насколько внимательно суд относится к процессуальным гарантиям.

Первая гарантия — обязательное участие защитника. Верховный Суд Российской Федерации в пояснительной записке специально подтверждает, что переход к единоличному пересмотру эту гарантию не отменяет [3, с. 9]. Однако само присутствие адвоката в заседании еще не означает полноценной защиты. Защитник должен иметь возможность ознакомиться с материалами, представить позицию, заявить ходатайства, указать суду на нарушения, связанные с применением заочного порядка, а также поставить вопрос о том, было ли отсутствие осужденного действительно результатом уклонения.

А.А. Казаков, анализируя, как осуществляется защита при заочном судебном разбирательстве, справедливо связывает ее эффективность с тем, насколько защитник в состоянии компенсировать отсутствие подсудимого — хотя бы в той мере, в какой это допускает процессуальная форма [14, с. 44–47]. Для апелляционной и кассационной стадий этот тезис означает, что суд не должен видеть в защитнике лишь обязательного участника «для соблюдения формы». Его доводы требуют самостоятельной оценки — особенно ког-

да они касаются извещения, уклонения, возможности участия лица или нарушения права на перевод.

Вторая гарантия — надлежащее извещение осужденного или оправданного о пересмотре дела. Законопроект и пояснительная записка предусматривают направление извещения о месте, дате и времени заседания, а также копий судебного решения, жалобы или представления [3, с. 9]. Однако смысл этой гарантии не сводится к механической отправке документов по последнему известному адресу. Если речь идет о лице, находящемся за пределами Российской Федерации или уклоняющемся от явки, суд должен располагать всей доступной информацией о способах связи с ним и адресах, об участии защитника, о вручении документов или невозможности их вручения.

Практика Европейского суда по правам человека также исходит из того, что рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого совместимо с требованиями справедливого судебного разбирательства лишь тогда, когда государство может показать, что лицо знало о процессе или сознательно отказалось от участия в нем. В российской процессуальной литературе эта связь между заочным производством и критериями Европейского суда по правам человека также рассматривается как один из ключевых ориентиров для правоприменения [13, с. 214–222; 19]. В деле «Колоцца против Италии» на первом плане стояла реальная возможность обвиняемого участвовать в судебном разбирательстве [20], в деле «Шомодьи против Италии» — достоверность уведомления лица о судебном производстве [21]. Эти подходы применимы и к проверочным стадиям: если извещение было ненадлежащим, последующий пересмотр не должен закрывать глаза на дефекты первой инстанции.

Третья гарантия — право на перевод. В пояснительной записке прямо указано, что в случаях, предусмотренных частью 3 статьи 18 УПК РФ, судебные документы переводятся на родной язык лица либо на другой язык, которым оно владеет [3, с. 9]. Пока подсудимый лично участвует в деле, это правило может казаться техническим. Но для заочного приговора перевод документов — часть реального доступа к судебной защите. Находясь за гра-

ницей, лицо может не понимать содержания приговора, жалобы или извещения, а значит, фактически лишается возможности своевременно реагировать на движение дела.

Четвертая гарантия — возможность отмены заочного приговора при устранении обстоятельств, указанных в части 5 статьи 247 УПК РФ. Часть 7 статьи 247 УПК РФ предусматривает, что приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его защитника отменяются, а судебное разбирательство проводится в обычном порядке [2]. О сохранении этого упрощенного порядка отмены говорится и в пояснительной записке [3, с. 9]. Именно на этой гарантии во многом держится допустимость заочного производства: лицо, которое прекратило уклонение или оказалось доступным для суда, получает право на новое рассмотрение дела с личным участием.

Эта гарантия, однако, ничего не дает, если осужденный не узнает о приговоре и не понимает, как добиться его отмены. Поэтому апелляционной и кассационной инстанциям мало констатировать, что такая возможность закреплена в УПК РФ, — необходимо выяснять, были ли созданы условия для ее практической реализации.

Апелляционный и кассационный пересмотр: различие задач

При обсуждении единоличного пересмотра важно не смешивать апелляцию и кассацию. Апелляционная инстанция в российском уголовном процессе обладает более широкими полномочиями по проверке приговора, включая исследование доказательств в предусмотренных законом пределах. Порядок применения норм УПК РФ о производстве в суде апелляционной инстанции детализирован в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 [4]. Для заочного приговора роль апелляции особенно велика: именно на этой стадии еще можно более полно проверить не только правовую, но и фактическую сторону дела.

Кассация имеет иную природу. Она направлена прежде всего на выявление существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела. Но по заочным приговорам у кас-

сационной стадии появляется еще одна задача — в силу части 7 статьи 247 УПК РФ, связывающей отмену заочного судебного решения с устранением обстоятельств, позволивших рассмотреть дело без подсудимого [2]. В этой части кассация выступает не только стадией проверки судебной ошибки, но и средством восстановления обычного порядка судебного разбирательства.

Поэтому к единоличному рассмотрению в апелляции и в кассации нельзя подходить с одной меркой. В апелляции главное — содержательная проверка доводов о фактических обстоятельствах, доказательствах, извещении, участии защитника и применении заочного порядка. В кассации — выявление существенных процессуальных нарушений, связанных с отсутствием подсудимого, и отмена заочного приговора при устранении обстоятельств, предусмотренных частью 5 статьи 247 УПК РФ.

Л.В. Головкин, характеризуя проверочные стадии уголовного процесса, отмечает, что каждая из них имеет собственное назначение, а не просто повторяет предыдущую в иной форме [17, с. 925–940]. К предлагаемой реформе это наблюдение относится напрямую. Если законодатель меняет состав суда в апелляции и кассации, различия между этими стадиями не должны стираться. Единоличный судья в каждой из них должен действовать в рамках своей процессуальной функции.

Проблема не в том, что один судья по определению не способен обеспечить надлежащую проверку. Проблема в том, что единоличная модель требует более высокой ответственности конкретного судьи за качество мотивировки и полноту анализа. При коллегиальном составе внутренняя дискуссия между судьями может служить дополнительным инструментом проверки. При единоличном рассмотрении этого элемента нет — и тем больший вес приобретают письменная мотивировка, открытость рассуждения суда и полнота ответа на доводы стороны защиты.

Отсюда практический вывод: если переход к единоличному пересмотру состоится, правоприменению придется выработать повышенный стандарт мотивировки по делам о заочных приговорах. Из решения проверочной инстанции должно быть видно, что судья

оценил, помимо доводов жалобы или представления, саму специфику заочного приговора — от причин отсутствия подсудимого и соблюдения условий части 5 статьи 247 УПК РФ до возможности его последующей отмены.

Заключение

Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации, предполагающая единоличный пересмотр в апелляции и кассации дел, рассмотренных без подсудимого по части 5 статьи 247 УПК РФ, отражает объективную тенденцию к оптимизации уголовного судопроизводства. Рост числа заочных дел делает вопрос нагрузки на проверочные инстанции практически значимым, и саму идею процессуальной рационализации нельзя отвергать лишь на том основании, что речь идет о заочных приговорах.

Вместе с тем заочный приговор остается особым объектом судебной проверки. Его отличает не меньшая юридическая сила, а процессуальная ситуация, в которой он постановлен. Отсутствие подсудимого в первой инстанции означает, что апелляционная и кассационная проверка должны не восполнять его личное участие, а дополнительно оценивать, были ли ограничения, связанные с отсутствием лица, правомерными и не лишили ли защиту реального содержания.

Единоличное рассмотрение не влечет автоматического снижения гарантий права на защиту. Однако его допустимость зависит от того, сохранится ли повышенный стандарт судебной проверки. По делам о заочных приговорах судья апелляционной или кассационной инстанции должен, наряду с законностью и обоснованностью приговора, оценивать и реальность процессуальных гарантий отсутствующего лица: надлежащее извещение, участие защитника, направление процессуальных документов, право на перевод, возможность отмены заочного приговора при устранении обстоятельств, предусмотренных законом.

Поэтому о реформе следует судить не по формуле «коллективно — значит надежно, единолично — значит рискованно», а по содержанию судебной проверки. Если единоличный пересмотр будет сопровождаться полноценной мотивировкой, серьезным разбором доводов защиты и специальной проверкой

условий заочного порядка, он может быть совместим с правом на защиту. Если же в нем увидят лишь способ ускоренного прохождения дел этой категории, возникнет риск формализации судебного контроля.

Таким образом, ключевое условие допу-

стимости единоличного пересмотра заочных приговоров — сохранение не только внешних, но и содержательных гарантий защиты. Уголовный процесс эффективен лишь тогда, когда процессуальная экономия не подменяет справедливость судебной процедуры.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // *Российская газета*. 1993. 25 декабря.
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 22 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». М., 2026. 13 с.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/ (дата обращения: 13.05.2026).
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 13.05.2026).
- [6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // *Российская газета*. 2010. № 3.
- [7] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 2. Ст. 163.
- [8] Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1976. № 17. Ст. 291.
- [9] Ильютченко Н.В. Заочный приговор: понятие и особенности // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2018. № 1. С. 138–143.
- [10] Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 211 с.
- [11] Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 281 с.
- [12] Фатыхова Л.М. Особенности рассмотрения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2010. 226 с.
- [13] Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: практика Европейского Суда по правам человека и проблемы правоприменения в Российской Федерации // *Российский юридический журнал*. 2009. № 2. С. 214–222.
- [14] Казаков А.А. Осуществление защиты подсудимых в рамках заочного судебного разбирательства уголовных дел // *Российская юстиция*. 2009. № 3. С. 44–47.
- [15] Петрухин И.Л. О заочном рассмотрении в судах уголовных дел // *Адвокат*. 2007. № 12. С. 34–36.
- [16] Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // *Вестник*

Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 127–133.

[17] Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. 1280 с.

[18] Строгович М.С. Гарантии прав личности в уголовном производстве. М.: Наука, 1992. 278 с.

[19] Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1072 с.

[20] Решение Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 1985 г. по делу «Коллоцци против Италии».

[21] Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 мая 2004 г. по делу «Шомоды против Италии», жалоба № 67972/01.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Article 4921.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 22 "On Submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." Moscow, 2026. 13 p.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 No. 26 "On the Application of the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Governing Proceedings in the Court of Appeal" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/ (date of access: May 13, 2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 29 "On the Practice of Applying Legislation by Courts Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (date of access: May 13, 2026).

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2009, No. 28 "On the Application by the Courts of the Norms of Criminal Procedure Legislation Governing the Preparation of a Criminal Case for Trial" // Rossiyskaya Gazeta. 2010. No. 3.

[7] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163.

[8] International Covenant on Civil and Political Rights: adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) of the UN General Assembly // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. No. 17. Art. 291.

[9] Ilyutchenko N.V. Sentence in absentia: concept and features // Judicial power and criminal procedure. 2018. No. 1. Pp. 138–143.

[10] Benderskaya E.G. Consideration of a criminal case in the absence of the defendant: Cand. Sci. (Law) diss. Moscow, 2010. 211 p.

[11] Kazakov A.A. Trial of criminal cases in absentia: Cand. Sci. (Law) diss. Yekaterinburg, 2009. 281 p.

[12] Fatykhova L.M. Features of the consideration of criminal cases on serious and especially serious crimes in the absence of the defendant: Cand. Sci. (Law) diss. Ufa, 2010. 226 p.

[13] Kazakov A.A. Trial of criminal cases in absentia: practice of the European Court of Human Rights and problems of law enforcement in the Russian Federation // Russian Law Journal. 2009. No. 2. Pp. 214–222.

[14] Kazakov A. A. Implementation of Defense of Defendants in Criminal Cases in Absentia

Trials // Russian Justice. 2009. No. 3. Pp. 44–47.

[15] Petruhin I. L. *On the Consideration of Criminal Cases in Absentia in Courts // Advocate. 2007. No. 12. Pp. 34–36.*

[16] Trubnikova T. V. *Consideration of a Case in the Absence of the Defendant (In Absentia Trial) in the System of Simplified Criminal Procedure Proceedings of the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 315. Pp. 127–133.*

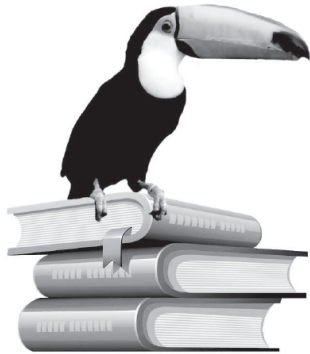
[17] Golovko L. V. *Course of Criminal Procedure. Moscow: Statut, 2016. 1280 p.*

[18] Strogovich, M.S. *Guarantees of Individual Rights in Criminal Proceedings. Moscow: Nauka, 1992. 278 p.*

[19] De Salvia, M. *Precedents of the European Court of Human Rights. Guidelines on the Judicial Practice relating to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Judicial Practice from 1960 to 2002. St. Petersburg: Judicial Center Press, 2004. 1072 p.*

[20] *Judgment of the European Court of Human Rights of 12 February 1985 in the case of Colozza v. Italy.*

[21] *Judgment of the European Court of Human Rights of 18 May 2004 in the case of Somogyi v. Italy, application no. 67972/01.*

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТОПАЛА Екатерина Олеговна,
*студентка, ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Краснодар, Россия,
e-mail: topkatya0407@gmail.com*

Научный руководитель:
ПШАВА Вероника Викторовна,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности,
ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал «Российский
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Краснодар, Россия,
e-mail: pshavavv.upp@mail.ru*

АНАЛИЗ ПРОЦЕДУР ПРИВЛЕЧЕНИЯ СУДЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В настоящем исследовании анализируется механизм привлечения представителей судебной власти к ответственности за правонарушения административного характера. В фокусе – процедура, закреплённая в ст.122 Конституции РФ, а также регламенты, вытекающие из положения статьи 16 федерального закона, регулирующего правовой статус судей. Положения КоАП РФ при этом конкретизируют процессуальные стороны привлечения и институциональные меры контроля. Анализ нормативных актов в сочетании с разъяснениями Верховного суда Российской Федерации выявил взаимозависимость между единым регламентом и отдельными процессуальными режимами; одновременно выделяется значение Генерального прокурора РФ, полномочий Судебной коллегии и деятельности квалификационных коллегий судей. Установлено, что многоступенчатый механизм согласований способствует пропуску предельных сроков давности и снижает практическую применимость норм по ряду составов. В практическую плоскость предлагается сократить временные лимиты, отводимые на согласовательные этапы, и внедрить поэтапный, дифференцированный порядок, соотносимый с уровнем серьёзности выявленных нарушений.

Ключевые слова: судьи, административная ответственность, судейский иммунитет, неприкосновенность, особый порядок привлечения, квалификационные коллегии судей, Закон о статусе судей.

TOPALA Ekaterina Olegovna,
*student of the North Caucasus Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia*

Scientific supervisor:
PSHAVA Veronika Viktorovna,
*Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Organization
of Judicial and Law Enforcement Activities, North Caucasus Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia*

ANALYSIS OF PROCEDURES FOR BRINGING JUDGES TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Annotation. *This study examines the mechanism for bringing members of the judiciary to administrative responsibility. The focus is on the procedure established by Article 122 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the regulations arising from Article 16 of the federal law governing the legal status of judges. The provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation further specify the procedural aspects of bringing to responsibility and institutional control measures. An analysis of normative acts combined with clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation has revealed the interdependence between the general regulatory framework and specific procedural regimes; at the same time, the role of the Prosecutor General of the Russian Federation, the powers of the Judicial Board, and the activities of the qualification boards of judges are highlighted. It has been established that the multi-stage approval mechanism contributes to the expiration of the statute of limitations and reduces the practical applicability of norms in relation to a number of offence categories. As a practical measure, it is proposed to shorten the time limits allocated to the approval stages and to introduce a phased, differentiated procedure proportionate to the severity of the violations detected.*

Key words: *judges, administrative responsibility, judicial immunity, inviolability, special procedure for involvement, qualification boards of judges, the Law on the Status of Judges.*

Юридическое положение судьи следует понимать как категорию, выстроенную на правовых нормах и обусловленную принципом равенства перед законом; в применении к практике рассмотрения дел административного характера и в рамках комплекса процессуальных гарантий, закреплённых Конституцией, этот принцип реализуется через обеспечение самостоятельности судебной ветви власти. При этом в общей регламентации провозглашается положение о равенстве лиц, совершивших правонарушения административного характера [2].

Согласно данным источника [1], на принципе единого правового стандарта базируется вся правовая система. В рамках Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, был установлен порядок привлечения к административной ответственности для некоторых должностных лиц, среди которых депутаты, представители судебного аппарата, а также сотрудники прокуратуры. Порядок их ответственности определяется рамками, сформированными Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. Особенности данного регулирования создают юридический фундамент, необходимый для особого статуса судьи и для применения автономного режима [2].

Судейский статус получает нормативную опору в первой части статей 120–122 Кон-

ституции Российской Федерации, указанный массив положений задает для судей особое правовое положение. Президиум ВС РФ исходит из того, что при исполнении полномочий, присущих носителям судебной власти, судья действует самостоятельно. Подотчетность судьи допускается лишь в пределах, очерченных Конституцией Российской Федерации и федеральными законодательными актами. Судьи защищены от произвольного смещения и наделены личной неприкосновенностью; в источнике указано, что из данных гарантий вытекают специальные требования к лицам, осуществляющим правосудие [6]. Отдельно в том же документе закреплён специальный порядок привлечения судей к юридической ответственности [6].

В научной литературе судью выделяют как особое лицо в системе административно-правовой ответственности, для которого характерна более сложная схема привлечения, нежели для обычных субъектов правового регулирования [4, с. 81–88]. Э. А. Стенюшкина причисляет судей к кругу лиц с юридическими льготами и описывает иммунитет в сфере административного права как систему гарантий, охватывающую и материально-правовые средства защиты, и процессуальные механизмы обеспечения [3]. Важно, что рассматриваемая форма иммунитета служит обеспечением независимости лица, осуществляющего

правосудие, а не представляет собой личную льготу; она поддерживает автономность судебной деятельности и не лишает носителя статуса обязанности подчиняться правовым нормам, причём такой функциональный взгляд принят в работе в качестве исходного положения [4].

Юридическое начало производства по административным делам фиксируют фактом составления протокола об административном правонарушении; этот документ представляет собой формальное основание для возбуждения дела [2]. В КоАП РФ регламентированная последовательность действий по таким делам выстроена в четыре взаимосвязанные стадии, инициирование (гл. 28), разбирательство (гл. 29), процедура пересмотра (гл. 30) и приведение решений в исполнение (разд. V) [2]. Если производство ведётся в месте совершения правонарушения, его следует довести до завершения в пределах пятнадцати суток; при рассмотрении в судебной инстанции установлен максимальный срок – до двух месяцев (ст. 28.1, ч. 4) [2].

Введение данной процедуры в отношении судьи сопряжено с наличием существенных процессуальных преград. Уполномоченные на составление протоколов по административным правонарушениям не могут начинать производство без согласия квалификационной коллегии судей [4]. Согласно Статье 16 Закона «О статусе судей», при рассмотрении дел, касающихся судей высших или региональных уровней, создание соответствующей судебной коллегии из троих судей Верховного Суда Российской Федерации и принятие решения основывается на представлении Генерального прокурора Российской Федерации [1]. Когда процесс передается из другого суда, его решение возлагается на группу из трех судей. Эти судьи выбираются из верховных судебных инстанций соответствующего региона федерации – например, Верховного Суда республики, регионального или областного суда, суда города федерального значения, а также судов автономной области и округа. Установлен срок на рассмотрение в десять календарных дней, который начинается с момента получения дела. Обязанность начинать процесс подачи необходимых представлений возлагается на генерального прокурора России, тогда как

формирование коллегий подтверждается ежегодным принятием решения Высшей квалификационной коллегии судей России [1].

Никонова и Стенюшкина, анализируя споры вокруг институтов ответственности, представляют выделенную модель как специфическую процедуру, посредством которой судей привлекают к административной ответственности, акцентируя внимание на её процессуальных параметрах и тонких деталях. В аналитической перспективе коллегия судей определяется как ключевая составная часть процедурного фильтра, через который осуществляется сопоставление обозначенного институционального механизма с практикой прокурорского реагирования и выявляется принципиальная близость процессуальных форм [5; 3]. В сравнительном ключе с работниками прокуратуры фиксируется сдвиг фокуса в пользу необходимости получения одобрения от вышестоящего прокурора, что ставится в оппозицию позиции квалификационной коллегии судей [4, с. 81-88].

Накопившаяся практика применения мер административной ответственности в отношении представителей судебной ветви власти выявляет наличие системных изъянов. Самый заметный из них – чрезмерная сложность процессуальных этапов, дальнейшие шаги зависят от одобрения квалификационной коллегии судей и от официальной инициативы Генерального прокурора Российской Федерации, что превращает реагирование на массовые «бытовые» правонарушения в тяжеловесный институциональный механизм, отмеченный в профильных исследованиях свыше десяти лет назад [5, с. 35–38]. Как прямое следствие этой процедурной перегруженности в практике формируется угроза истечения сроков давности, установленных ст. 4.5 КоАП РФ и действующих без каких-либо исключений; в ряде случаев растянутое согласование процедур становится причиной прекращения производства по основаниям, перечисленным в ст. 24.5 [2].

По мнению Стенюшкиной, указанная система функционирует как усложнённый механизм привлечения судей к административной ответственности; автор также приводит наблюдение, что отдельные бывшие судьи, пользуясь преимуществами своего правового

статуса, допускают не только проступки административного характера, но и преступления уголовного свойства [3]. Малое количество прецедентных решений объясняется во многом действием названного процессуального барьера. Этот факт следует рассматривать как основание для корректировки действующих процедур, а не как обоснование полного устранения иммунитета.

Вероятность неверной квалификации находит подтверждение в сопутствующей дисциплинарной практике, так, Президиум Верховного Суда Российской Федерации прямо указал на случаи, когда дисциплинарные коллегии квалифицировали как основание для дисциплинарной ответственности судебную ошибку, допущенную судьей, при отсутствии надлежащих оснований для такой оценки [6]. С позиций положений КоАП это наглядно демонстрирует потребность в строгом разграни-

чении поступков, находящихся в пределах допустимого судебного усмотрения, и деяний, которые следует признать непосредственно противоправными.

Достижение соответствия с положениями статьи 19 Конституции Российской Федерации осуществляется посредством интерпретации иммунитета в роли юридического инструмента, обеспечивающего независимость системы правосудия, а не как личную привилегию судьи [4, с. 81–88]. В результате данного подхода иницируются преобразовательные инициативы, включающие уменьшение временных рамок на координацию, замораживание периода давности на этапе анализа представления квалификационной коллегии судей, а также дифференциацию моделей процессов в зависимости от уровня серьезности предъявленных обвинений.

Список литературы:

[1] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024). Ст. 16. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/84d563afc1cb5a62111910d220e76716a20da473/ (дата обращения: 16.05.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 16.05.2026).

[3] Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017–2018 гг. и первом полугодии 2019 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352941/ (дата обращения: 16.05.2026).

[4] Никонова А. С. Об особых условиях привлечения судей к административной ответственности // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 35–38.

[5] Селиванов И. Я. Административная ответственность судей и прокурорских работников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 1 (126). С. 81–88.

[6] Стенюшкина Э. А. Административная ответственность судей как лиц, обладающих привилегиями в праве // Административное право и процесс. 2024. № 5. URL: <https://lawinfo.ru/en/articles/6433/administrativnaya-otvetstvennost-sudei-kak-lic-obladayushhix-privilegiyami-v-prave> (дата обращения: 16.05.2026).

References:

[1] Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-I "On the Status of Judges in the Russian Federation" (as amended on July 22, 2024). Art. 16. // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/84d563afc1cb5a62111910d220e76716a20da473/ (accessed on May 16, 2026).

[2] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 13, 2024). // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 16.05.2026).

[3] Review of judicial practice on the consideration by the Disciplinary Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of administrative cases on bringing judges to disciplinary responsibility in 2017–2018 and the first half of 2019 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 18.12.2019). // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352941/ (date of access: 16.05.2026).

[4] Nikonova A.S. On special conditions for bringing judges to administrative responsibility // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2014. No. 1 (22). P. 35–38.

[5] Selivanov I. Ya. Administrative liability of judges and prosecutors // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 1 (126). P. 81–88.

[6] Stenyushkina E. A. Administrative liability of judges as persons enjoying legal privileges // Administrative law and process. 2024. No. 5. URL: <https://lawinfo.ru/en/articles/6433/administrativnaya-otvetstvennost-sudei-kak-lic-obladayushhix-privilegiyami-v-prave> (date of access: 16.05.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЗИГАННУРОВА Эльвина Ридалевна,
Казанский филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
НУРИЕВ Анас Гаптрауфович,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В данной статье рассмотрим анализ судебной практики в России по приказному праву. Особенности решения проблем, которые существуют на данный момент.

Ключевые слова: Приказное производство, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации, исполнительный лист, мировое соглашение.

ZIGANNUROVA Elvina Ridalevna,
Kazan Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev"

Academic Supervisor:
NURIEV Anas Gaptraufovich,
Doctor of Law, Associate Professor

THE IMPORTANCE OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF SUMMARY PROCEEDINGS

Annotation. This article examines Russian judicial practice regarding writs of execution, and explores the specifics of addressing current challenges.

Key words: Writs of execution, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation, writ of execution, settlement agreement.

Судебная практика в России в отношении производства по исполнительным листам за 2022–2024 годы включает в себя решения судов по делам, связанным с выдачей исполнительных листов, а также законодательные изменения, касающиеся производства по исполнительным листам. Вот некоторые законодательные изменения, касающиеся производства по исполнительным листам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 (с изменениями от 5 апреля 2022

г.) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по исполнительным листам» [1]. В этом Постановлении уточняется, что требования, рассматриваемые в производстве по исполнительным листам, должны быть бесспорными: подкреплены письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, и признаны должником. Федеральный закон №

135-ФЗ от 12 июня 2024 г. внес изменения в Гражданский процессуальный кодекс, регулирующий производство по исполнительным листам. Например: Перед подачей заявления в суд о выдаче исполнительного листа истец направляет должнику копию заявления и любые приложения. Срок выдачи исполнительного листа увеличивается с 5 до 10 дней с даты получения заявления судом. С 9 сентября 2024 года государственная пошлина за подачу заявления о выдаче исполнительного листа в гражданском процессе составляет не менее 2000 рублей. Федеральный закон № 356-ФЗ от 26 октября 2024 года вносит изменения в статью 129 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, изменяя порядок отмены судебного решения и последствия такой отмены. Например, если суд отменил судебное решение о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних, то при удовлетворении этих требований в рамках процессуального производства взыскание алиментов производится за весь период, в течение которого они подлежали взысканию с должника по решению суда. Вот несколько примеров дел, рассмотренных в упрощенном порядке в 2022–2024 годах: Решение Курганского областного арбитражного суда от 16 августа 2022 года по делу № А34-8521/2022. Кредитор подал несколько идентичных исков против одного должника. Суд сослался на позицию Верховного суда: судебные решения могут использоваться для незаконных финансовых операций, и если у суда возникают сомнения в прозрачности исков, он имеет право не выносить такое решение.

В решении 3-го Арбитражного апелляционного суда от 16 января 2023 года по делу № А33-30882/2022 указывалось, что истец требовал 45 000 рублей, но документы свидетельствовали о том, что общая сумма долга в несколько раз превышала лимит для упрощенного производства. Суд отказался принять требование, а в своей апелляции истец прямо указал, что намеренно разделил требования, чтобы соответствовать критериям упрощенного производства. Суд счел это неприемлемым.

В решении 19-го Арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2024 года по делу № А08-7797/2024 указывалось, что истец подал несколько требований к одному и тому же

должнику по разным соглашениям, но тексты требований, отчеты о сделке и другие приложения были идентичны. Суд счел это подозрительным и отказался принять требования. Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации в рамках Сводной статистической информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год представил доклад о производстве исков и судебных приказов [2].

Одной из главных проблем российской судебной системы является рабочая нагрузка судей. Количество дел в судах настолько велико, что судьям, особенно в Московской области, крайне сложно эффективно и в разумные сроки их рассматривать. В ноябре 2022 года состоялся 10-й Всероссийский съезд судей, где вновь обсуждался вопрос оптимизации судебного процесса; однако существенных изменений пока не наблюдается.

Одна существующих проблем - это перегрузка судов. Для решения этих проблем необходимо должным образом заняться разработкой решения этих проблем.

В целом, поправки сведутся к отмене понятия договорной юрисдикции, продлению срока составления мотивированного судебного решения и введению требования о наличии высшего юридического образования у представителей в мировых и районных судах. Также необходимо увеличить сумму (стоимость иска), при которой дело должно рассматриваться в упрощенном порядке (т. е. без проведения судебных слушаний со сторонами), со 100 000 до 500 000 рублей.

Примечательно, что ни отмена договорной юрисдикции, ни требование о высшем юридическом образовании для представителей мировых судей и районных судов не были включены в окончательную редакцию закона. Лимит стоимости иска в упрощенном порядке был уменьшен вдвое, до 250 000 рублей.

Но даже реализация предложенных Верховным судом поправок вряд ли повлияла бы на количество дел в судах, поскольку ни одно из этих предложений не связано, даже косвенно, с количеством исков и заявлений о выдаче судебных приказов, поданных или рассмотренных судами. Отмена договорной юрисдикции означала бы, что такое же количество дел просто рассматривалось бы дру-

гими судами в рамках судебной системы: не судом, выбранным сторонами в договоре, а, в обязательном порядке, судом по месту нахождения ответчика [3].

Требование о наличии у представителя юридического образования для подачи иска мировому судье или в районный суд также, на взгляд, является чисто формальным требованием, не влияющим на количество дел, рассматриваемых судами. Таким образом, истец без юридического образования может подать иск мировому судье или в районный суд.

Предполагается, что увеличение числа дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, без проведения судебных слушаний со сторонами, может снизить нагрузку на судей за счет экономии времени, которое в противном случае тратится на судебные слушания. Однако

ясно, что эта мера не уменьшит общее количество дел, рассматриваемых судами. Кроме того, количество дел с иском до 250 000 рублей достаточно велико для мировых судей, но такие дела вряд ли будут преобладать в районных судах. Следовательно, нагрузка на судей районных судов вряд ли значительно снизится.

Предлагая увеличить количество дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, Верховный суд, к сожалению, не представил анализа ожидаемого снижения судебной нагрузки в результате этой меры. Неизвестно, сколько дел это затронет и сколько времени на сколько судебных заседаний можно будет «сэкономить» таким образом.

Результаты статистики показаны на рисунке 1.

Рисунок 1. Судебная нагрузка по количеству дел в судах

В результате статистика предсказуемо показывает, что судебная нагрузка на 2022-2024 годы осталась неизменной – количество дел в судах только растет: например, в 2024 году суды общей юрисдикции приняли к рассмотрению 28 274 863 иска и дела в порядке упрощенного производства. В 2023 году таких дел было 25 808 484 – снижение почти на 2,5 миллиона (8,7%); в 2022 году их было 23 476 133 [4].

Это означает, что количество исков и дел, рассматриваемых в упрощенном порядке в судах, неуклонно растет на 8-9% в год, уве-

личиваясь в абсолютном выражении почти на 2,5 миллиона дел в год. Следует отметить, что в статистике Департамента судов не выделяются отдельно дела, рассматриваемые в упрощенном порядке; вместо этого они составляют для категории «иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке».

В 2023 году большинство дел, поданных в суды (13 602 650), были классифицированы как «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке», что отражает рисунок 2.

Рисунок 2. Анализ количества дел по классификации «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке» [4]

Кроме того, дела о вынесении судебных решений традиционно составляют значительно больше половины (до трех четвертей) от общего числа дел. Эта тенденция сохранилась и в 2024 году: из общего числа 28 274 863 исков и дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, более половины — 15 885 789 — были классифицированы как «другие иски и дела, рассматриваемые в упрощенном порядке»

Меры, которые могли бы эффективно снизить нагрузку на судей, по какой-то причине не обсуждаются на уровне Верховного суда, несмотря на то, что они годами обсуждаются специалистами по процессуальному праву в научной литературе и на конференциях. Например, непонятно, почему миллионы дел, связанных с выдачей судебных приказов в Российской Федерации, рассматриваются судами. Судебный приказ выдается по бесспорному требованию, при отсутствии спора (статья 122 Гражданского процессуального кодекса). Иными словами, при выдаче судебного приказа суд не осуществляет правосудие и не разрешает спор, а действует исключительно как секретарь, просто подготавливая документ в соответствии с определенной формой и порядком. Очевидно, что нотариус также может выдавать судебные приказы, так же как он подготавливает исполнительный приказ (который также является исполнительным документом).

В своих предложениях по совершенствованию судебной системы Российской Федерации рабочая группа Фонда «Центр стратегических исследований», на мой взгляд, справедливо отмечает: «Упрощенное производство снижает рабочую нагрузку лишь до определенной степени. Суд все равно прини-

мает заявление, регистрирует его, проверяет его формальное обоснование, юрисдикцию и т. д. Само постановление составляется, ведется переписка по делу, само гражданское дело составляется и архивируется и т. д. все эти процедуры отнимают время и ресурсы».

Однако вместо того, чтобы исключить упрощенное производство из юрисдикции судов, Верховный суд, наоборот, расширяет число дел, рассматриваемых судами в рамках упрощенного производства. В 2019 году соответствующий лимит (сумма иска) для вынесения судебного постановления был увеличен со 100 000 до 500 000 рублей.

Одним из факторов, облегчающих подачу исков, в том числе заведомо необоснованных, является «низкая стоимость» обращения в суд для сторон; Понимание того, что в случае проигрыша «финансовые последствия» будут минимальными. Это в первую очередь связано с тем, что суды произвольно и зачастую безосновательно уменьшают сумму судебных издержек, подлежащих взысканию с проигравшей стороны. Однако Верховный суд до сих пор не дал указаний нижестоящим судам по обеспечению разумного возмещения судебных издержек. Из-за этого судьи уменьшают присужденные судебные издержки «на всякий случай», действуя осторожно.

Кроме того, в такой ситуации необходимо обсудить возможность введения объективных показателей разумного предела судебных издержек для определенных категорий споров. Например, в «Предложениях по совершенствованию судебной системы Российской Федерации» предлагается ввести (по крайней мере, в арбитражных судах) правило, согласно которому, если сумма заявленных судебных

издержек не превышает 10% от стоимости иска (или суммы, установленной решением суда), суд не может уменьшить сумму издержек. Такой подход, возлагающий существен-

ные судебные издержки на проигравшую сторону, мог бы, на мой взгляд, усилить стимул сторон к поиску мирного урегулирования, что анализ статистики дел показан на рисунке 3.

Рисунок 3. Анализ статистики дел, при урегулировании спора путем судебного примирения [4]

Примечательно, что в 2024 году 981 спор был урегулирован путем судебного примирения. Это не 981 000 дел, а 981 — из 28 193 481 дел, рассмотренных и разрешенных судами. Аналогичная ситуация наблюдалась в 2023 году: 897 дел из 25 710 742, рассмотренных судами, были урегулированы путем судебного примирения [5].

Таким образом, как показывают статистические данные, медиация и судебное примирение еще не стали широко распространенными методами разрешения споров. Это во многом объясняется тем, что обращение в суд и многочисленные последующие судебные слушания, которые могут длиться годами, относительно недороги для сторон. Понимая, что финансовые последствия проигрыша дела будут незначительными, у сторон практически нет стимула урегулировать спор мирным путем, кроме моральных. Учитывая относительно небольшой (часто фиксированный) размер государственной пошлины, правило о возврате истцу 70% уплаченной государственной пошлины в случае заключения мирового соглашения до вынесения решения (пункт 2, подпункт 3, статья 1, раздел 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации) не, на мой взгляд, создает подобный стимул [6].

Эти меры по снижению нагрузки на суды, конечно, не являются исчерпывающими. В юридических кругах обсуждаются многочисленные другие способы эффективного сокращения количества дел в суде, начиная от

дифференцированного увеличения размера государственных пошлин и заканчивая увеличением стоимости использования чужих денег путем внесения поправок в статью 395 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако следует отметить, что необходимо решить проблему высокой судебной нагрузки, в том числе путем упрощения судебных процедур, а также существующую необходимость разгрузки судов делами, которые могут быть рассмотрены вне суда. Кроме того, в Постановлении № 1 о судебной практике на 2024 год (утвержденном Президиумом Верховного суда 29 мая) Верховный суд коренным образом изменил существующую практику, фактически установив обязанность уплаты государственной пошлины в отдельных спорах о банкротстве, включая споры по требованиям о субсидиарной ответственности, а также требования о компенсации ущерба, причиненного контролирующими лицами или управляющими по делам о банкротстве. Тем не менее, эти принятые меры носят скорее паллиативный, «косметический» характер, и их влияние на количество дел в судах вряд ли будет значительным. Более того, эти меры применяются только к делам о банкротстве, рассматриваемым арбитражными судами, хотя подавляющее большинство исков и судебных разбирательств рассматривается судами общей юрисдикции. Статистика по искам и судебным разбирательствам за 2023 год показывает, что меры, принятые для снижения рабочей

нагрузки судей, пока неэффективны [7]; количество дел в судах увеличилось в 2021, 2022 и 2023 годах и, вероятно, продолжит расти, если не будут приняты эффективные меры. По состоянию на 2026 год сохраняются процессуальные проблемы, вытекающие из действующей нормативной базы для судебных

разбирательств. Например, судебные разбирательства не являются типичными для судебной деятельности, поскольку суд является органом, обладающим юрисдикцией в спорных вопросах, и в первую очередь призван разрешать спор, а не выносить судебное решение в пользу истца на основании его заявления.

Список литературы:

- [1] Рошин Д.Ю. Вопросы оптимизации приказного производства в гражданском процессе Российской Федерации // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. N 4. - С. 91.
- [2] Туманов Д.А., Приказное производство в настоящее время: процесс или фикция процесса? // *Журнал российского права*. 2018. N 7. С. 18-20.
- [3] Царегородцева Е.А. К вопросу о возможности передачи дел приказного производства нотариусам // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. N 3. - С. 34-37.
- [4] Шпак А.В., Бородин В.Д. Проблемы ускоренных процедур рассмотрения дел в гражданском процессе // *Юрист-правовед*. 2024. № 6. - С. 32-37.
- [5] Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 399 с.
- [6] Бахарева О.А. Приказное производство в современном гражданском процессуальном праве РФ: перспективы развития // *Мировой судья*. 2020. - N 9. С. 9-18.
- [7] Кузнецова Е.Х. Взыскание судебных расходов в рамках приказного производства // *Мировой судья*. 2018. N 6. С. 73-75.

References:

- [1] Roshchin D.Yu. Issues of Optimization of Writ Proceedings in Civil Procedure of the Russian Federation // *Arbitration and Civil Procedure*. 2017. No. 4. - P. 91.
- [2] Tumanov D.A., Writ Proceedings Currently: Process or Fiction of Process? // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 7. Pp. 18-20.
- [3] Tsaregorodtseva E.A. On the Possibility of Transferring Cases of Writ Proceedings to Notaries // *Arbitration and Civil Procedure*. 2020. No. 3. - Pp. 34-37.
- [4] Shpak A.V., Borodko V.D. Issues of Expedited Procedures for Considering Cases in Civil Procedure // *Jurist-Pravoved*. 2024. No. 6. - Pp. 32-37.
- [5] Lazarev S.V. Case Management in Civil Procedure Abroad: Monograph. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2018. 399 p.
- [6] Bakhareva O.A. Summary Proceedings in Modern Civil Procedural Law of the Russian Federation: Development Prospects // *Magistrate's Judge*. 2020. - No. 9. pp. 9-18.
- [7] Kuznetsova E.Kh. Recovery of Legal Costs in Summary Proceedings // *Magistrate's Judge*. 2018. No. 6. pp. 73-75.

ЖУРАВЛЁВА В.Г.,

Дальневосточный филиал
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
Россия, Хабаровск,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Аннотация. В статье исследуется институт наследования по завещанию — определяются его основные черты и содержание. Нормативной основой регулирования данного института выступают положения Гражданского кодекса РФ, которым в работе уделено приоритетное внимание. Рассмотрены ключевые этапы формирования завещательного распоряжения: требования к составлению документа, порядок нотариального удостоверения и гарантии исполнения воли завещателя. Особое место в исследовании занимает анализ споров, связанных с оспариванием завещаний. Систематизированы типичные конфликтные ситуации и рассмотрены варианты их правового разрешения на базе судебной практики. Выводы работы получены в результате системного толкования норм законодательства и анализа материалов правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: наследство, закон, право, доля, нотариус, наследование, завещание, наследник, Гражданский кодекс.

ZHURAVLEVA V.G.,

Far Eastern Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,"
Russia, Khabarovsk

TESTAMENTARY INHERITANCE IN RUSSIA: LEGAL FRAMEWORK

Annotation. The article examines the institution of inheritance by will and defines its main features and content. The normative basis for the regulation of this institution is the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, which are given priority attention in the work. The key stages of the formation of a testamentary disposition are considered: requirements for the preparation of a document, the procedure for notarization and guarantees of the fulfillment of the will of the testator. A special place in the study is occupied by the analysis of disputes related to the contesting of wills. Typical conflict situations are systematized and options for their legal resolution based on judicial practice are considered. The conclusions of the work are obtained as a result of a systematic interpretation of the norms of legislation and an analysis of materials of law enforcement activities.

Key words: inheritance, law, law, share, notary, inheritance, will, heir, Civil Code.

В системе гражданского права России предусмотрено два базовых способа перехода имущества по наследству — в соответствии с завещанием либо по закону. Наследование по завещанию представляет собой механизм посмертного перехода прав и обязанностей, который опирается на волеизъявление собственника имущества и регулируется нормами наследственного права. Юридическим фундаментом такого наследования служит завещание — специальный документ, фиксирующий распоряжения наследодателя и определяющий порядок распределения его активов после смерти.

Действительность завещания напрямую зависит от соблюдения закреплённых в законе формальных требований. При этом законодатель предоставляет завещателю значительную свободу в выборе наследников: ими могут стать не только родственники, но и любые иные лица по усмотрению владельца имущества. Вместе с тем правопорядок устанавливает защитные механизмы для отдельных категорий граждан, имеющих право на обязательную долю в наследстве. В их числе — несовершеннолетние дети, нетрудоспособные супруги и родители наследодателя: их имущественные интересы подлежат охране даже в том случае, если они не упомянуты в завещании.

Для принятия наследства необходимо обратиться к нотариусу в течение шести месяцев с даты открытия наследства. Нотариус проверяет юридическую корректность завещания и организует распределение наследственной массы согласно его условиям. Если при составлении документа были допущены нарушения, его можно оспорить в суде.

Завещание — это эффективный инструмент распоряжения имуществом после смерти, позволяющий реализовать индивидуальные имущественные предпочтения гражданина. Однако сложность конструкции данного института и его влияние на интересы третьих лиц нередко становятся причиной конфликтов. Снизить риск споров помогает заблаговременное правовое планирование и консультации квалифицированных юристов.

Согласно ст. 1118 ГК РФ, завещание квалифицируется как односторонняя сделка, правовые последствия которой возникают только

после открытия наследства. В рамках предоставленных полномочий завещатель вправе: определить круг наследников (ст. 1119 ГК РФ), лишить наследства лиц, которые могли бы претендовать на него по закону (ст. 1119 ГК РФ), назначить подназначенного наследника (ст. 1121 ГК РФ), а также включить в завещание специальные распоряжения, предусмотренные ст. 1137–1139 ГК РФ.

Обязательным условием действительности завещания является его письменная форма и нотариальное удостоверение (ст. 1124 ГК РФ). В то же время закон допускает отдельные исключения: в особых ситуациях документ может быть заверен иными уполномоченными лицами (ст. 1127 ГК РФ).

Свобода завещания, закреплённая в ст. 1119 ГК РФ, не носит абсолютного характера и ограничивается нормой об обязательной доле (ст. 1149 ГК РФ). Право на неё имеют социально уязвимые категории наследников — несовершеннолетние или нетрудоспособные дети, нетрудоспособные супруг и родители, а также иждивенцы, находившиеся на содержании наследодателя не менее года. Размер обязательной доли составляет не менее половины той части имущества, которая причиталась бы такому наследнику при наследовании по закону.

На практике применение норм о наследовании по завещанию сопряжено с рядом трудностей. К ним относятся неоднозначность толкования отдельных положений, риски злоупотреблений и пробелы в законодательстве — всё это нередко приводит к судебным разбирательствам, усложняет оформление наследственных прав и указывает на потребность в совершенствовании нормативной базы.

Одной из наиболее острых проблем остаётся соблюдение формы завещания. Требование о письменной форме и нотариальном удостоверении (ст. 1124 ГК РФ) призвано гарантировать достоверность волеизъявления и снизить риски неправомерных действий. При этом предусмотренные законом исключения для особых обстоятельств (ст. 1127 ГК РФ) зачастую становятся источником споров о действительности документа.

Особую категорию составляют завещания, составленные в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ). Они отличаются

высокой степенью оспариваемости, главным образом из-за отсутствия в законе чётких критериев, позволяющих однозначно установить факт наличия чрезвычайных обстоятельств на момент оформления документа. Таким образом, даже оправданные исключения из общего порядка порождают правоприменительные сложности и неоднозначную трактовку норм.

Применение ст. 1127 ГК РФ связано с рядом практических затруднений. В частности, в законе не закреплён исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных удостоверить завещания в исключительных ситуациях (например, сотрудников медучреждений или капитанов судов), а также не установлена единая процедура такой верификации. Кроме того, упрощённый порядок не обеспечивает тех гарантий, которые даёт нотариальное удостоверение, — в частности, полноценной проверки дееспособности завещателя и разъяснения ему правовых последствий его действий. Это повышает риск признания документа недействительным.

Не менее сложным представляется правовое регулирование завещаний в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ). Хотя упрощённый порядок оправдан при непосредственной угрозе жизни, отсутствие в законе чёткого определения понятия «чрезвычайные обстоятельства» оставляет его толкование на усмотрение правоприменителей. На практике это затрудняет оценку того, можно ли считать конкретную ситуацию чрезвычайной (например, тяжёлую болезнь, стихийное бедствие или военные действия). Дополнительную неопределённость создаёт требование о присутствии двух свидетелей: поскольку закон не устанавливает критериев их отбора и предъявляемых к ним требований, достоверность документа может быть поставлена под сомнение.

Важной особенностью завещаний, оформленных в чрезвычайных обстоятельствах, является их временный характер. По закону, после прекращения таких обстоятельств документ сохраняет силу только в течение месяца. На практике соблюдение этого срока нередко оказывается затруднительным: переживший кризис завещатель может не иметь возможности своевременно обратиться к нотариусу — например, из-за длительного лечения или

реабилитации. В результате выраженная им воля может утратить юридическую силу.

Судебное подтверждение действительности подобных завещаний также сопряжено с трудностями. Из-за спонтанного характера чрезвычайных обстоятельств документальные доказательства их наличия часто отсутствуют: могут не сохраниться медицинские справки, официальные акты о катастрофе и иные подтверждающие материалы. Это существенно осложняет установление факта чрезвычайных обстоятельств в судебном порядке.

Последствия нарушений формы завещания зависят от характера допущенных отклонений. Грубые нарушения (например, отсутствие подписи завещателя или ненадлежащее удостоверение) влекут признание документа ничтожным — то есть изначально не порождающим правовых последствий. Менее существенные отклонения могут стать основанием для оспаривания завещания в суде. При этом отсутствие единообразной судебной практики по таким делам создаёт дополнительные правовые риски для участников наследственных отношений.

В целях совершенствования правового регулирования наследственных отношений целесообразно системно урегулировать порядок удостоверения завещаний в экстраординарных ситуациях. В первую очередь требуется законодательно закрепить исчерпывающий перечень лиц, уполномоченных заверять такие документы, установить требования к их квалификации и определить единый алгоритм действий при удостоверении.

Также важно на уровне закона сформулировать чёткие критерии, позволяющие квалифицировать ситуацию как чрезвычайную. Это обеспечит правовую определённость при оформлении завещания без участия нотариуса. В качестве дополнительных гарантий достоверности волеизъявления можно предусмотреть видеофиксацию процедуры либо привлечение незаинтересованных свидетелей.

Без внедрения таких норм сохранится высокий риск судебных споров и вероятность искажения истинной воли завещателя, что противоречит основной цели наследственного права — обеспечить реализацию последнего волеизъявления гражданина относительно

судьбы своего имущества.

Конфликт между свободой завещания (ст. 1119 ГК РФ) и правом на обязательную долю (ст. 1149 ГК РФ) нередко становится причиной напряжённости в отношениях между наследниками. Существенную проблему создаёт отсутствие единообразной практики при определении размера имущества, выделяемого в счёт обязательной доли. В отдельных случаях это приводит к существенному сокращению долей наследников по завещанию, фактически ограничивая реализацию воли наследодателя.

Значительную часть судебных дел составляют споры об оспаривании завещаний по основаниям, предусмотренным ст. 1131 ГК РФ. Чаще всего истцы ссылаются на недееспособность завещателя (ст. 177 ГК РФ), совершение документа под влиянием насилия или угроз (ст. 179 ГК РФ), либо на нарушение установленной формы. Доказывание этих обстоятельств осложняется смертью наследодателя, поэтому суды вынуждены опираться на косвенные доказательства — медицинские документы и свидетельские показания.

Отдельную группу споров образуют дела, связанные с завещательными возложениями (ст. 1139 ГК РФ) и завещательными отказами (ст. 1137 ГК РФ). Причиной конфликтов зачастую становится неясность формулировок. Например, если наследнику поручено содержать домашнее животное, действующее законодательство не предусматривает надёжных механизмов контроля за исполнением такого распоряжения.

Сложности возникают и при толковании завещания (ст. 1132 ГК РФ). Если текст документа допускает неоднозначное прочтение, правоприменители вынуждены привлекать экспертов либо пытаться выявить общую направленность воли завещателя. Такие подходы не всегда позволяют достичь справедливого результата и могут негативно сказаться на реализации прав заинтересованных лиц.

Развитие цифровых технологий ставит вопрос о правовом статусе электронных завещаний. В настоящее время ГК РФ не предусматривает возможность составления завещания в электронной форме, из-за чего в этой сфере сохраняется правовая неопределённость. При

этом опыт зарубежных стран (в том числе США) демонстрирует наличие отработанных механизмов удостоверения цифровых распоряжений, которые могут быть использованы при модернизации российского законодательства.

Несмотря на подробную регламентацию наследования по завещанию в российском праве, практика выявляет ряд существенных проблем. Среди наиболее значимых — сложности с соблюдением формы завещания; противоречия между свободой завещания и обязательной долей; злоупотребления при оспаривании документов; неопределённость исполнения отдельных завещательных распоряжений; отсутствие регулирования электронных форм завещаний.

Для решения этих проблем необходим комплекс мер — как законодательных, так и правоприменительных. В их числе: уточнение критериев действительности завещаний, составленных в особых условиях; формирование единообразной судебной практики по вопросам обязательной доли; разработка механизмов контроля за исполнением завещательных возложений и отказов; проработка правовых основ для введения электронных завещаний с обеспечением гарантий подлинности волеизъявления. Реализация таких мер позволит сократить число наследственных споров и повысить степень реализации последней воли наследодателя.

Таким образом, институт наследования по завещанию предоставляет гражданам широкие возможности по распоряжению имуществом на случай смерти. При этом закон предусматривает ограничительные механизмы, направленные на защиту прав социально уязвимых наследников. Поэтому особое значение имеет строгое соблюдение процедурных требований к оформлению завещания — это снижает риск его оспаривания и способствует эффективной реализации воли завещателя.

В итоге наследование обеспечивает преемственность имущественных прав и обязанностей: имущество и связанные с ним юридические последствия переходят к наследникам, поддерживая тем самым преемственность между поколениями и укрепляя институт частной собственности.

Список литературы:

- [1] Абраменков М. С., Чугунов П. В. *Наследственное право: учебник для магистров*. М. : Юрайт, 2015. 421 с.
- [2] Болотская М.С. Анализ споров, возникающих при наследовании по закону и по завещанию // *Поколение будущего: Взгляд молодых ученых - 2024. сборник научных статей 13-й Международной молодежной научной конференции*. Курск, 2024. - С. 30-33.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ) // *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 09.06.2026).
- [4] Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ: часть третья / под ред. Л.П. Ануфриевой. М. : Волби, 2014. 380 с.
- [5] Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.06.2026).
- [6] О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 09.06.2026).
- [7] Федеральный закон от 29.07.2017 N 259-ФЗ (ред. от 23.05.2018) "О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4808.
- [8] Чиркаев С.А. Общая характеристика наследника по завещанию // *Вестник СГЮА*. 2017. №5 (118). С 140-148.
- [9] Шижганова А.В. Наследование по закону и по завещанию: теория и практика // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. - 2024. - № 10-5 (97). - С. 275-279.

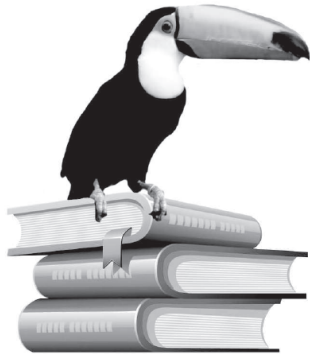
References:

- [1] Abramenzov M. S., Chugunov P. V. *Inheritance Law: a textbook for masters*. Moscow: Yurait, 2015. 421 p.
- [2] Bolotskaya M. S. Analysis of disputes arising in inheritance by law and by will // *Generation of the Future: The View of Young Scientists - 2024. Collection of scientific articles of the 13th International Youth Scientific Conference*. Kursk, 2024. - Pp. 30-33.
- [3] Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024 No. 237-FZ, as amended by the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation) // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (accessed: 09.06.2026).
- [4] Commentary on the Civil Code of the Russian Federation: Part Three / edited by L.P. Anufrieva. Moscow: Volbi, 2014. 380 p.
- [5] Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 09.06.2026).
- [6] On judicial practice in inheritance cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012, No. 9 (as amended on December 24, 2020) // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (accessed on June 9, 2026).
- [7] Federal Law of July 29, 2017, No. 259-FZ (as amended on May 23, 2018) "On Amendments to Parts One, Two, and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // "Collection of Legislation

of the Russian Federation", July 31, 2017, No. 31 (Part I), Article 4808.

[8] Chirkaev S.A. General characteristics of the heir under a will // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 5 (118). P. 140-148.

[9] Shizhganova A.V. Inheritance by law and by will: theory and practice // *International journal of humanitarian and natural sciences*. - 2024. - No. 10-5 (97). - P. 275-279.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КАПИТОНОВА Эльвира Вильусовна,
ведущий специалист, прокуратура Республики Татарстан,
Казань, Россия,
ORCID ID 0009-0001-1501-8591,
e-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

**ТРИ НОВЫХ ВИДА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ:
АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ, ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
И ФИНАНСОВО-ТРАССИРОВОЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптации уголовно-процессуального инструментария к цифровой трансформации коррупционных преступлений. На основе анализа зарубежного опыта Бразилии, Великобритании, Малайзии, Сингапура, Гонконга и стран Европейского Союза обосновывается необходимость внедрения в российское уголовное судопроизводство трёх новых видов судебных экспертиз – алгоритмической, психолого-лингвистической и финансово-трассировочной. Сформулированы конкретные предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, направленные на легализацию указанных экспертиз и создание организационных условий для их практического применения. В статье показано, что традиционные виды судебных экспертиз не приспособлены к исследованию нейросетевых алгоритмов, завуалированных речевых маркеров коррупционного сговора и обезличенных денежных потоков. Международный опыт демонстрирует эффективность новых экспертных инструментов при расследовании сложных коррупционных схем. Предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормами, регламентирующими назначение и производство указанных видов экспертиз, создать государственные реестры экспертов и разработать типовые методики. Реализация предложенных мер позволит повысить раскрываемость коррупционных преступлений с использованием цифровых технологий, сократить сроки расследования и создать условия для реальной конфискации криптовалютных активов. Предлагаемая модель может служить ориентиром для совершенствования законодательства в других странах.

Ключевые слова: алгоритмическая экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза, финансово-трассировочная экспертиза, коррупция, цифровые доказательства, искусственный интеллект, расследование.

KAPITONOVA Elvira Vilusovna,
Senior Specialist at the
Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia

**THREE NEW TYPES OF FORENSIC EXPERTISE
IN THE ANTI-CORRUPTION SYSTEM: ALGORITHMIC,
PSYCHOLINGUISTIC AND FINANCIAL TRACING EXPERTIS**

Annotation. The article is devoted to the problem of adapting criminal procedure instruments to the digital transformation of corruption offences. Based on an analysis of international experience in Brazil, the United Kingdom, Malaysia, Singapore, Hong Kong and the countries of the European Union, the article justifies the need to introduce three new types of forensic expertise into Russian criminal proceedings: algorithmic, psycholinguistic and financial tracing. Specific proposals

are put forward for amending criminal procedure legislation, aimed at legalising these forms of expert examination and creating the organisational conditions for their practical application. The article shows that traditional types of forensic expertise are not adapted to the study of neural network algorithms, veiled speech markers of corruption collusion and anonymised financial flows. International experience demonstrates the effectiveness of new expert tools in investigating complex corruption schemes. It is proposed to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with norms regulating the appointment and production of these types of expertise, to create state registers of experts and to develop standard methodologies. The implementation of the proposed measures will increase the detection rate of corruption offences using digital technologies, reduce investigation time and create conditions for the real confiscation of cryptocurrency assets. The proposed model can serve as a guide for improving legislation in other countries.

Key words: *algorithmic analysis, psycholinguistic analysis, financial and transaction tracing analysis, corruption, digital evidence, artificial intelligence, investigation.*

Введение

Современная коррупция трансформировалась: криптовалюты, смарт-контракты, алгоритмы искусственного интеллекта и зашифрованные каналы связи сделали её невидимой для классических экспертных инструментов. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2023 году 73% уголовных дел о взяточничестве с использованием цифровых активов прекращены за недостаточностью доказательств [1, с. 44–53]. Компьютерно-техническая и судебно-бухгалтерская экспертизы разрабатывались для работы с материальными объектами и не приспособлены к исследованию нейросетевых алгоритмов, завуалированных речевых маркеров и обезличенных финансовых потоков. Решение – внедрение трёх новых видов судебных экспертиз.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили материалы 450 уголовных дел о взяточничестве (2022–2025 гг.) и аналитические отчёты антикоррупционных ведомств. Использованы сравнительно-правовой, статистический, системно-структурный и формально-юридический методы.

Результаты

Предлагается к имплементации три вида экспертиз.

1. Алгоритмическая экспертиза – экспертиза проверки нейросетей и их обучающих данных на предмет скрытых манипуляций. Алгоритмическое фаворитирование – умышленное искажение работы автоматизированной системы в корыстных целях. Дело о манипуляции кредитным скорингом (Московская

область, 2024 г.) показало, что традиционная экспертиза бессильна против манипуляций на уровне обучающих выборок нейросетей [2, с. 281–286]. Бразильская система Alice анализирует 426 тендеров ежедневно с точностью 88%, позволив отменить две тендерные процедуры в штате Гояс и переделать документацию в штате Рорайма [5]. Применение Alice сократило финансовые потери на 30% [6, с. 26–28]. Британское SFO через AI-платформу RAVN ACE обработало 30 млн документов по делу Rolls-Royce (мировое соглашение на 671 млн фунтов) [6, с. 29–32]. Малайзийская МАСС и европейская ЕРРО активно используют ИИ в расследованиях [8; 7]. Сертифицированные AI-инструменты оспариваются в суде на 67,2% реже [11, с. 22–35].

В свою очередь, внедрение алгоритмической экспертизы в российское уголовное судопроизводство требует: (а) законодательного закрепления в УПК РФ нового вида экспертизы – судебной алгоритмической экспертизы, в предмет которой входит установление целостности и отсутствия умышленных искажений в обучающих выборках, выявление скрытых функций и «закладок» в алгоритмах, анализ причин получения алгоритмом аномальных выходных параметров; (б) разработки и утверждения на уровне Министерства юстиции РФ и Экспертно-криминалистического центра МВД России методик производства алгоритмической экспертизы; (в) создания государственного реестра экспертов-алгоритмистов с обязательной сертификацией и периодической переаттестацией. Это позволит выявлять факты алгоритмического фаворитирования, которые сегодня остаются латентными.

ми, и существенно повысить раскрываемость коррупционных преступлений с использованием цифровых технологий. Законодательно закрепить принцип «объяснимости» алгоритмов. К производству допускать лиц с высшим IT-образованием, прошедших сертификацию и включённых в госреестр. Введение алгоритмической экспертизы в систему уголовного судопроизводства является не просто технологическим новшеством, а объективной необходимостью, обусловленной фундаментальными изменениями в способах совершения коррупционных преступлений. Без данного вида экспертизы правовая система оказывается полностью бессильной перед феноменом «алгоритмического фаворитирования» – умышленного искажения работы автоматизированных систем, которое внешне может выглядеть как легитимное функционирование программного обеспечения [2, с. 281–286]. Для мировой правовой системы значение алгоритмической экспертизы заключается в формировании единых международных стандартов проверки алгоритмов на предмет отсутствия дискриминационных и коррупционных смещений. Опыт Бразилии с системой Alice и британское расследование дела Rolls-Royce убедительно демонстрируют, что без специальных экспертных знаний расследование подобных дел либо невозможно в принципе, либо занимает настолько продолжительное время, что теряет практический смысл [6, с. 29–32].

Вопросы, ставящиеся перед экспертом-алгоритмистом при производстве экспертизы:

1. Имеются ли в исходных кодах исследуемого программного обеспечения скрытые функции, программные закладки, триггеры или иные модификации, не предусмотренные технической документацией и не связанные с заявленным функциональным назначением алгоритма?

2. Подвергалась ли обучающая, тестовая или валидационная выборка данных умышленному искажению, и если да, то в чём конкретно выражались такие искажения (внесение ложных записей, удаление релевантных данных, изменение весовых коэффициентов, смещение распределения)?

3. Обусловлены ли выявленные аномальные выходные параметры алгоритма действиями конкретных лиц, имевших доступ к исходному коду, обучающим данным или параметрам модели, и каков вероятный механизм такого воздействия (непосредственное редактирование кода, внесение изменений через конфигурационные файлы, использование скрытых команд)?

4. Соответствует ли фактическая логика работы алгоритма заявленным функциональным характеристикам, указанным в технической документации, или имеются существенные отклонения, свидетельствующие о намеренной манипуляции результатами обработки данных?

5. Возможно ли полное воспроизведение полученных результатов (репликация) при повторном запуске алгоритма с теми же исходными данными и параметрами, и если нет, то каковы причины невоспроизводимости – технические ограничения, случайные ошибки или умышленные действия?

6. Имеются ли в архитектуре нейросети или иной алгоритмической модели элементы, которые могут быть квалифицированы как «закладки», предназначенные для активации при определённых условиях и изменения логики работы системы в корыстных целях?

Без получения достоверных ответов на эти вопросы уголовное преследование лиц, использующих алгоритмические манипуляции для получения незаконной выгоды, остаётся невозможным, а сама система уголовного правосудия оказывается неспособной реагировать на вызовы цифровой эпохи.

2. Психолого-лингвистическая экспертиза – это экспертиза, при которой эксперт изучает возможность возникновения договоренности о взятке посредством исследования намёков в разговорах. Введение психолого-лингвистической экспертизы в уголовное судопроизводство является прямым ответом на фундаментальную проблему доказывания субъективной стороны коррупционных преступлений. Как показал анализ 450 уголовных дел, в 67 процентах случаев стороны коррупционного сговора используют завуалированные фразы и иносказания, а в 42 процентах дел отсутствие явной, прямо выраженной договорённости приводит к оправданию [12, с.

293–295]. Без специальных лингвистических познаний суды не могут отличить коррупционный сговор от законного делового общения, когда обе стороны намеренно используют эвфемизмы и неопределённые формулировки. Американский лингвист Р. Шуй участвовал экспертом в 54 процессах в 26 штатах [13]. В Малайзии, Индонезии и Эфиопии судебные лингвисты успешно применяются для анализа коррупционных дел [15, с. 45–58; 17, с. 33–47]. Исследования Бирмингемского университета выявили приёмы манипуляции доверием (создание «кругов доверия», неопределённые формулировки) [18]. Лингвистическое доказательство имеет не меньшую ценность, чем косвенные улики [20, с. 189–205].

Вопросы, ставящиеся перед экспертом-лингвистом при производстве экспертизы:

1. Имеются ли в исследуемом речевом материале (устном или письменном) вербальные и невербальные маркеры, которые в совокупности с контекстом коммуникации могут быть квалифицированы как характерные для коррупционного сговора, и если да, то каков их перечень и частотность употребления?

2. Каковы ролевые модели коммуникации между участниками диалога – кто выступает в качестве инициатора противоправного предложения, кто занимает подчинённую позицию, кто выступает в качестве равноправного партнёра, и как эти роли распределены в динамике общения?

3. Имеются ли в речевом поведении участников лингвистические признаки, свидетельствующие о психологическом давлении, принуждении, манипуляции или иных формах воздействия на волю одной из сторон, и как эти признаки соотносятся с добровольностью участия в коррупционной сделке?

4. Свидетельствует ли содержание, стилистика, лексический состав и синтаксическая структура общения о наличии предварительной договорённости о совершении конкретных действий (бездействия) в обмен на незаконное вознаграждение, либо общение носит нейтральный, деловой или бытовой характер?

5. Использовались ли участниками коммуникации осознанные речевые стратегии, направленные на сокрытие противоправных

намерений – эвфемизация, иносказание, использование кодовых слов и выражений, создание «языка доверия», и какова степень осознанности таких стратегий?

6. Имеются ли в речевом материале признаки использования профессионального жаргона, сленга или иных языковых средств, характерных именно для коррупционного дискурса в конкретной сфере деятельности (государственные закупки, строительство, медицина, образование и т.д.)?

7. Каковы временные и содержательные паттерны общения – имеется ли корреляция между определёнными речевыми актами и последующими действиями (принятием решений, совершением транзакций), позволяющая установить причинно-следственную связь между словом и действием?

Без получения достоверных ответов на эти вопросы суды продолжают оправдывать коррупционеров под предлогом отсутствия «прямых доказательств» умысла, что подрывает принцип неотвратимости ответственности и дискредитирует саму идею правосудия. Для мировой правовой системы значение данного вида экспертизы состоит в признании лингвистического анализа полноценным и самостоятельным инструментом доказывания, а не второстепенным вспомогательным средством. Опыт США (работы Роджера Шуя), Малайзии, Индонезии и других стран убедительно показывает, что судебная лингвистика успешно применяется при расследовании коррупционных дел и даёт результаты, которые невозможно получить иными методами [15, с. 45–58]. Новейшие исследования Бирмингемского университета выявили конкретные лингвистические приёмы манипуляции доверием, что создаёт теоретическую базу для стандартизации экспертных методик на международном уровне [18]. Кроме того, внедрение психолого-лингвистической экспертизы позволяет формировать устойчивую судебную практику, в которой оценка речевого поведения перестаёт быть субъективным мнением судьи и становится научно обоснованным экспертным выводом. Внедрение психолого-лингвистической экспертизы в российское уголовное судопроизводство требует: (а) введения в УПК РФ нового вида экспертизы – специализированной судебной пси-

холого-лингвистической экспертизы, в задачи которой входит выявление вербальных маркеров коррупционного сговора, определение ролевых моделей коммуникации и установление лингвистических признаков психологического давления; (б) разработки методических рекомендаций по проведению такой экспертизы с использованием методов корпусной лингвистики и тематического моделирования; (в) подготовки кадров – привлечения лингвистов с дополнительной подготовкой по судебной психолого-лингвистике. Это позволит объективизировать оценку субъективной стороны коррупционных преступлений, снизить долю оправдательных приговоров из-за недоказанности умысла и обеспечить научно обоснованную интерпретацию завуалированных речевых маркеров.

3. Финансово-трассировочная экспертиза – это экспертиза, при которой эксперт восстанавливает цепочку обезличенных транзакций – прослеживания пути денег через любые счета и посредников. Согласно ст. 140 ГК РФ, деньги – родовые вещи, утрачивающие индивидуальные признаки. Финансово-трассировочная экспертиза восстанавливает полную цепочку движения средств. Подход «follow the money» – основа расследования коррупции и конфискации активов [21]. Гонконгская ICAC, сингапурское CIPB успешно отслеживают «бумажные следы» коррупционных платежей [23; 24, с. 46–48]. Интерпол внедрил Silver Notices (более 200 запросов в 80 странах на 2,2 млрд долларов) [26]. В Великобритании судебные бухгалтеры работают в междисциплинарных командах [27, с. 51–53].

Внедрение финансово-трассировочной экспертизы в российское уголовное судопроизводство требует: (а) введения в УПК РФ нового вида доказательства – заключения специалиста по результатам финансового анализа с обязательным приложением карты перемещения активов; (б) законодательного закрепления обязательности назначения такой экспертизы по делам о коррупции и легализации преступных доходов; (в) создания государственного реестра специалистов по финансовому анализу и трассировке денежных потоков с соответствующими квалификационными требованиями; (г) разработки межведомственного регламента взаимодей-

ствия следственных органов с Росфинмониторингом, налоговыми органами и банками для оперативного получения финансовой информации. Это позволит преодолеть свойство денег к обезличиванию, проследить цепочки транзакций через множество посредников и обеспечивать реальную конфискацию активов, полученных преступным путём.

Вопросы, ставящиеся перед экспертом-финансистом при производстве экспертизы:

1. Какова полная цепочка движения денежных средств или иных активов от предполагаемого источника (взяткодателя, его аффилированных лиц, подконтрольных структур) до конечного получателя (должностного лица, его родственников, номинальных владельцев), с указанием всех промежуточных звеньев, счетов, сумм и временных меток?

2. Имеют ли проведённые финансовые операции разумный экономический смысл с точки зрения обычной хозяйственной деятельности, или они носят притворный характер, направленный исключительно на сокрытие преступного происхождения средств (отсутствие реальных товаров, услуг, документального подтверждения, рыночной цены)?

3. Идентифицированы ли все участники финансовых операций и их взаимосвязи, включая аффилированность, родственные связи, корпоративные отношения, фактическую подконтрольность одних лиц другим, и каков характер этих взаимосвязей?

4. Имеются ли в цепочке движения средств признаки использования транзитных счетов, фирм-«однодневок», подставных юридических лиц, офшорных компаний, криптовалютных обменников или иных инструментов, предназначенных для обналичивания, легализации и запутывания следов преступных доходов?

5. Какова общая сумма средств, прошедших по выявленной цепочке транзакций, каковы источники их происхождения (установлены ли они документально), и какова стоимость активов, приобретённых на эти средства?

6. Имеются ли признаки конвертации денежных средств из одной формы в другую (например, из безналичных в наличные, из

рублей в криптовалюту, из криптовалюты в недвижимость) и какова экономическая целесообразность таких конвертаций?

7. Каков временной интервал между совершением коррупционного деяния и движением средств по цепочке, имеется ли корреляция между принятием должностным лицом решения в пользу взяткодателя и последующим поступлением средств на счета, контролируемые должностным лицом или его близкими?

Без получения достоверных ответов на эти вопросы уголовное преследование за легализацию преступных доходов остаётся крайне затруднительным, а конфискация активов – практически недостижимой, что делает борьбу с коррупцией в её финансовом измерении малоэффективной.

Обсуждение

Реализация предложенных изменений невозможна без создания соответствующих организационных и кадровых условий. Представляется необходимым: 1. Создание в структуре Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных государственных судебно-экспертных учреждений специализированных подразделений по производству алгоритмических, психолого-лингвистических и финансово-трассировочных экспертиз. 2. Разработка и утверждение на уровне Министерства юстиции Российской Федерации типовых методик производства каждого из указанных видов экспертиз. 3. Включение в программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации следователей, дознавателей, прокуроров и судей моду-

лей, посвящённых возможностям и порядку назначения новых видов экспертиз, а также оценке их результатов. 4. Создание межведомственного координационного совета по вопросам внедрения цифровых и лингвистических экспертных технологий в противодействие коррупции с участием представителей Следственного комитета РФ, МВД России, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства юстиции РФ и ведущих научных организаций.

Заключение

Предлагается дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьями 195.2 (судебная алгоритмическая экспертиза), 80.5 (психолого-лингвистическая экспертиза) и 80.3 (финансово-трассировочная экспертиза). Введение в уголовное судопроизводство рассматриваемых трех экспертиз являются принципиально новой парадигмой противодействия коррупции. Каждая преодолевает ограничения традиционных методов: алгоритмическая выявляет умышленные искажения в кодах; психолого-лингвистическая расшифровывает завуалированные маркеры сговора; финансово-трассировочная восстанавливает цепочки обезличенных денег. Международный опыт (Бразилия, Великобритания, Малайзия, Сингапур, Гонконг, ЕС) подтверждает эффективность этих инструментов. Реализация мер повысит раскрываемость коррупционных преступлений, сократит сроки расследования, снизит оправдательные приговоры, создаст условия для конфискации криптоактивов. Предлагаемая модель может служить ориентиром для совершенствования законодательства в других странах.

Список литературы:

- [1] Иванов С.И. Криптовалюта как предмет взяточничества: проблемы доказывания и пути их решения // *Российское право: образование, практика, наука*. 2024. № 1. С. 44–53.
- [2] Капитонова Э.В. Модель «Алгоритмического свидетеля»: процессуальные и технические основы использования данных искусственного интеллекта в уголовном доказывании // *Парадигма*. 2026. № 1-1. С. 281–286.
- [3] *Tecnologia e combate à corrupção: o emprego de soluções tecnológicas na detecção de crimes* // *Revista de Estudos Criminais*. 2024. С. 22–24.
- [4] Santos V.L.B.A., Carvalho Júnior J.G., Souza R.R., Oliveira A.B. *Technology and the fight against corruption: the use of technological solutions in crime detection* // *Revista de Estudos Criminais*. 2025. No. 1. P. 18–25.
- [5] Brasil. *Tribunal de Contas da União. Relatório de auditoria operacional: uso de inteligência*

artificial na fiscalização de licitações. Brasília: TCU, 2023.

[6] *Unlocking AI's potential in anti-corruption: Hype vs. reality // U4 Anti-Corruption Resource Centre. 2025. 7 January.*

[7] *European Public Prosecutor's Office. Annual Report 2024. Luxembourg: EPPO, 2025.*

[8] *MACC integrates AI, blockchain to combat sophisticated corruption // New Straits Times. 2025. 12 March.*

[9] *Malaysia tightens forensic defences as AI-made evidence muddies investigations // CIO SEA. 2026. 7 August.*

[10] *Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations Without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR // Harvard Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 841–887.*

[11] *Comparative Analysis of Certified vs. Non-Certified AI Tools in Criminal Proceedings // International Journal of Digital Evidence. 2026. Vol. 15. No. 1. P. 22–35.*

[12] *Капитонова Э.В. Аспекты доказывания коррупционных составов в условиях действия экономических санкций // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики: сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2025. Т. 2. С. 293–295.*

[13] *Shuy R.W. The Language of Bribery Cases. Oxford: Oxford University Press, 2013. 288 p.*

[14] *Shuy R.W. Linguistic Battles in Trademark Disputes. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 256 p.*

[15] *Razali I., Rajamanickam R., Dahlan N.K. What exactly do you mean? An analysis of the speech and written document in Malaysian Bribery Cases through the Lens of Forensic Linguistics // Pakistan Journal of Life and Social Sciences. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 20853–20864.*

[16] *Komisi Pemberantasan Korupsi Republik Indonesia. Laporan Tahunan 2024. Jakarta: KPK, 2025.*

[17] *Linguistic Features of Bribery Cases in Ethiopian Federal Courts // East African Journal of Law and Justice. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 33–47.*

[18] *Fuoli M. Trust, discourse, and corporate corruption: The case of Enron // Cambridge Elements Language and Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2026.*

[19] *Transparency International. Отчёт о транснациональных расследованиях коррупции в ЕС. Берлин: TI, 2025.*

[20] *Linguistic Evidence in Corruption Trials: A New Frontier // International Journal of Speech, Language and the Law. 2019. Vol. 26. No. 2. P. 189–205.*

[21] *Basel Institute on Governance. Following the Money: Quick Guide to Financial Investigations. Basel: Basel Institute on Governance, 2023. 40 p.*

[22] *The Position and Role of Follow the Money Methodology in Proving Corruption Cases // Garuda – Garba Rujukan Digital. 2025.*

[23] *Independent Commission Against Corruption of Hong Kong. Webinar on Digital and Accounting Forensics: Practical Application in Anti-Corruption Cases. Hong Kong: ICAC, 2025.*

[24] *Transparently.ai. AI-Driven Forensic Accounting: Case Studies. Singapore: Transparently.ai, 2025.*

[25] *The Sentry. Follow the Money: Case Studies in Asset Tracing. Washington: The Sentry, 2024.*

[26] *INTERPOL. Silver Notices: Tracking Criminal Assets Across Borders. Lyon: INTERPOL, 2026.*

[27] *Crown Office and Procurator Fiscal Service. Annual Report 2024–2025. Edinburgh: COPFS, 2025.*

[28] *Artificial Intelligence and Machine Learning in the Transformation of Forensic Accounting // MDPI. 2026. 10 July.*

[29] *Cybercheck Evidence Challenged in Multiple US Courts // Digital Evidence Journal. 2025. Vol. 14. No. 3. P. 13–22.*

References:

- [1] Ivanov S.I. *Cryptocurrency as a Subject of Bribery: Problems of Proof and Ways to Solve Them* // *Russian Law: Education, Practice, Science*. 2024. No. 1. pp. 44–53.
- [2] Kapitonova E.V. *The “Algorithmic Witness” Model: Procedural and Technical Foundations of Using Artificial Intelligence Data in Criminal Evidence* // *Paradigm*. 2026. No. 1-1. pp. 281–286.
- [3] *Tecnologia e combate à corrupção: o emprego de soluções tecnológicas na Detecção de Crimes* // *Revista de Estudos Criminais*. 2024. pp. 22–24.
- [4] Santos V.L.B.A., Carvalho Júnior J.G., Souza R.R., Oliveira A.B. *Technology and the fight against corruption: the use of technological solutions in crime detection* // *Revista de Estudos Criminais*. 2025. No. 1. P. 18–25.
- [5] Brazil. *Tribunal de Contas da União. Relatório de auditoria operacional: uso de inteligência artificial na fiscalização de licitações*. Brasília: TCU, 2023.
- [6] *Unlocking AI's potential in anti-corruption: Hype vs. reality* // U4 Anti-Corruption Resource Centre. 2025. 7 January.
- [7] *European Public Prosecutor's Office. Annual Report 2024*. Luxembourg: EPPO, 2025.
- [8] *MACC integrates AI, blockchain to combat sophisticated corruption* // *New Straits Times*. 2025. 12 March.
- [9] *Malaysia tightens forensic defenses as AI-made evidence muddies investigations* // *CIO SEA*. 2026. 7 August.
- [10] Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. *Counterfactual Explanations Without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR* // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2018. Vol. 31.No. 2. P. 841–887.
- [11] *Comparative Analysis of Certified vs. Non-Certified AI Tools in Criminal Proceedings* // *International Journal of Digital Evidence*. 2026. Vol. 15.No. 1. P. 22–35.
- [12] Kapitonova E.V. *Aspects of Proving Corruption Offenses under Economic Sanctions* // *Current Issues of Sustainable Development of the State, Society, and Economy: Coll. of Scientific Articles. 4th All-Russian Scientific and Practical Conf. Kursk, 2025*. Vol. 2. pp. 293–295.
- [13] Shuy R.W. *The Language of Bribery Cases*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 288 p.
- [14] Shuy R.W. *Linguistic Battles in Trademark Disputes*. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 256 p.
- [15] Razali I., Rajamanickam R., Dahlan N.K. *What Exactly Do You Mean? An analysis of the speech and written document in Malaysian Bribery Cases through the Lens of Forensic Linguistics* // *Pakistan Journal of Life and Social Sciences*. 2024. Vol. 22.No. 2. P. 20853–20864.
- [16] *Komisi Pemberantasan Korupsi Republik Indonesia. Laporan Tahunan 2024*. Jakarta: KPK, 2025.
- [17] *Linguistic Features of Bribery Cases in Ethiopian Federal Courts* // *East African Journal of Law and Justice*. 2023. Vol. 6.No. 1. P. 33–47.
- [18] Fuoli M. *Trust, discourse, and corporate corruption: The case of Enron* // *Cambridge Elements Language and Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2026.
- [19] *Transparency International. Report on transnational investigations into corruption in the EU*. Berlin: TI, 2025.
- [20] *Linguistic Evidence in Corruption Trials: A New Frontier* // *International Journal of Speech, Language and the Law*. 2019. Vol. 26.No. 2. P. 189–205.
- [21] *Basel Institute on Governance. Following the Money: Quick Guide to Financial Investigations*. Basel: Basel Institute on Governance, 2023. 40 p.
- [22] *The Position and Role of Following the Money Methodology in Proving Corruption Cases* // *Garuda – Garba Rujukan Digital*. 2025.
- [23] *Independent Commission Against Corruption of Hong Kong. Webinar on Digital and Accounting Forensics: Practical Application in Anti-Corruption Cases*. Hong Kong: ICAC, 2025.
- [24] *Transparently.ai. AI-Driven Forensic Accounting: Case Studies*. Singapore: Transparently.

ai, 2025.

[25] *The Sentry. Follow the Money: Case Studies in Asset Tracing*. Washington: The Sentry, 2024.

[26] INTERPOL. *Silver Notices: Tracking Criminal Assets Across Borders*. Lyon: INTERPOL, 2026.

[27] *Crown Office and Procurator Fiscal Service. Annual Report 2024–2025*. Edinburgh: COPFS, 2025.

[28] *Artificial Intelligence and Machine Learning in the Transformation of Forensic Accounting* // MDPI. 2026. 10 July.

[29] *Cybercheck Evidence Challenged in Multiple US Courts* // *Digital Evidence Journal*. 2025. Vol. 14.No. 3. P. 13–22.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БЫКОВСКИЙ Тимур Николаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии,
КрУ МВД России,
Краснодар, Россия,
e-mail: moyu771@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ)

Аннотация. В рамках данного исследования проведен анализ статистических данных, отражающих социально-демографические признаки личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота оружия. Исследование показателей отдельных периодов совместно с экстраполированием результатов представляет возможным рассмотреть возможные показатели преступности в указанной сфере в конце заданного исследуемого периода. Вместе с этим стоит отметить, что динамика изменения социально-демографических находятся в прямой зависимости от геополитических событий, изменений законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: оружие, преступность, признаки, незаконный оборот, боеприпасы, статистика, данные, осужденные, закон, ответственность.

BYKOVSKY Timur Nikolaevich,
adjunct professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia

SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF A PERSON COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL ARMS TRAFFICKING (BASED ON FORENSIC STATISTICS)

Annotation. This study analyzes statistical data reflecting the socio-demographic characteristics of criminals committing weapons trafficking crimes. By examining indicators for individual periods and extrapolating the results, it is possible to examine potential crime rates in this area at the end of the study period. It is also worth noting that the dynamics of socio-demographic changes are directly dependent on geopolitical events, legislative changes, and law enforcement practices.

Key words: weapons, crime, signs, illegal trafficking, ammunition, statistics, data, convicts, law, responsibility.

На всем протяжении существования человеческой цивилизации, оружие всегда оставалось инструментом демонстрации силы, власти и превосходства, вне зависимости от его типа и форм. Незаконный оборот оружия в современных реалиях остается одной из наиболее значимых угроз общественной безопасности и правопорядка, выступая не только самостоятельным видом преступ-

ности, но и фактором, который способствует росту насильственной и организованной преступности.

Преступление, будучи криминальным событием объективной действительности, не может существовать без своего инициатора, которым выступает субъект преступления. С точки зрения диалектико-материалистического понимания, личность всегда выступает как

конкретный человек, который характеризуется социально-психологическими и биологическими особенностями, выступающими в единстве и определяющими программу и содержательную сторону его поведения [1]. Понимание социально-демографических характеристик лиц, которые совершают преступления в сфере незаконного оборота оружия помогает выстраивать более эффективные стратегии профилактики, оптимизировать работу правоохранительных органов и адресно распределять ресурсы последних.

Специфика данной категории преступлений – от нелегального хранения и сбыта до контрабанды и изготовления оружия – предполагает наличие различных типов мотивации к совершению преступлений, что актуализирует вопрос о дифференцированном подходе к изучению личности преступника. Социально-экономические и геополитические условия способны влиять на трансформацию портрета преступника, обуславливая потребность в обновлении эмпирической базы и переосмыслении сложившихся криминологических стереотипов. В России ежегодно фиксируется значительное количество уголовных дел, связанных с хранением, перевозкой, сбытом и использованием оружия без соответствующих разрешений и лицензий. Учитывая политическую и экономическую значимость борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота оружия, а также транснациональный характер данной формы криминальной деятельности, исследование ее специфики, тенденций и факторов, способствующих ее распространению,

изучение данных вопросов является весьма актуальным [2].

Для того, чтобы провести анализ социально-демографических характеристик личности преступника, совершающим преступления в сфере незаконного оборота оружия, считаем целесообразным взять за основу три среднестатистических периода. В данном случае речь идет о тех геополитических событиях, которые существенно оказывают влияние на трансформацию личности преступников в сфере незаконного оборота оружия – вооруженные конфликты. Базу исследования составят статистические данные 2020, 2022 и 2024 годов [3]. Начальной точкой отсчета будет являться 2020 год, характеризующейся умеренной криминогенной обстановкой в области преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. 2022 год – начальный этап проведения Специальной военной операции (далее по тексту – СВО), который отражает максимальную динамику на линии фронта. Именно в этот период происходят наиболее масштабные действия и формируется основной театр военных действий. 2024 год – это период качественного скачка в применении разведывательных и ударных беспилотников, а также средств радиоэлектронной борьбы, а также фаза интенсивного минирования местности и перехода к позиционной борьбе.

Отправной точкой исследования будут выступать данные о количестве осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, за отчетные периоды исследования. Сведения представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Количество осужденных лиц в отчетных периодах за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186

В рамках исследуемых периодов отмечается постепенный рост числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Несмотря на рост, колебания показателей относительно

общего уровня (около 6100 осужденных) незначительны, что говорит о стабильности ситуации с точки зрения масштаба явления. За двухлетний период темпы прироста составили примерно 1,5%.

Таблица 2. Половая принадлежность лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186
Мужчин	5907	5975	6072
Женщин	188	139	114

Доля мужчин в структуре преступности, связанной с незаконным оборотом оружия стабильно превышает 96%, а в 2024 году составляет почти 98%, что говорит о типичной гендерной асимметрии в насильственной и «оружейной» преступности. По сравнению с 2020 годом доля женщин в 2024 году снизилась на 39%. Общее число осужденных выросло на 1,5% (с 6095 до 6186), а доля мужчин

на 1,26% (с 96,6% до 98,16%). Представленные данные говорят о том, что прирост осужденных почти полностью обеспечен мужчинами. Т.Л. Григорян отмечает, что при участии женщин в совершении незаконных действий с огнестрельным оружием и предметами вооружения их роль, как правило, сводится к сокрытию орудий и следов преступной деятельности, осуществляемой мужчинами [4].

Таблица 3. Возрастная принадлежность лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186
14-17	46	36	43
18-24	505	359	327
25-29	586	443	359
30-49	3262	3153	2915
50 лет и старше	1696	2123	2542

По результатам анализа представленных сведений наблюдается смещение возрастной структуры в сторону старших возрастов. Наибольшее значимое изменение затрагивает группу осужденных старше 50 лет: с 27,84% (2020 год) до 41,09% (2024 год), т.е. на 13,25%. Криминализация старшего возраста может быть связана с рядом факторов: наличие у

старшего поколения оружия, особенностями хранения и передачи, а также более высокой выявляемостью. Снижение доли молодежи отражает как реальное снижение вовлеченности в преступную деятельность. Структурный сдвиг указывает на изменение профиля преступника в этой сфере: от молодого и рискованного к старшему и осознанному.

Таблица 4. Гражданство лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Граждане государств СНГ (кроме РФ)	100	52	44
Иных государств (кроме РФ и СНГ)	23	3	3
Лица без гражданства	14	15	10

Совокупная доля иностранных граждан и лиц без гражданства упала с 2,25 % (2020 год) до 0,92 (2024 год), то есть более чем в 2 раза, что может быть обусловлено ужесточением миграционного контроля, изменением прак-

тики привлечения к уголовной ответственности. Наиболее выраженный спад наблюдается среди граждан СНГ. Число осужденных в этой группе сократилось с 1,64% до 0,71%.

Таблица 5. Место жительства лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Постоянные жители данной местности	5708	5855	5924
Беженцы и вынужденные переселенцы	6	4	3
Другие жители иной местности	329	225	241
Без определенного места жительства	52	30	18

Рост доли жителей говорит о том, что преступления в сфере незаконного оборота оружия в основном совершаются лицами, которые прочно связаны с территорией. Это отличает данную категорию преступлений от более «мобильных» видов криминала.

Сокращение доли лиц без определенно-

го места жительства может быть связано как с реальным снижением их вовлеченности в совершаемые преступления, так и с особенностями правоприменения (например, приоритет в выявлении «оседлых» владельцев оружия).

Таблица 6. Образование лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Высшее профессиональное	604	657	767
Среднее профессиональное	1958	2187	2175
Среднее общее	2453	2184	2248
Основное общее, начальное или нет образования	1080	1086	996

Преступность в сфере незаконного оборота оружия становится более образованной. Растет доля лиц с профессиональным образованием, снижается доля лиц с низким уровнем подготовки. Сокращение доли лиц с низким уровнем образования может говорить о снижении роли «уличной» и спонтанной преступности в этой сфере и росте доли

более «плановых» деяний. Важно учитывать, что уровень образования — это учётный признак, который может фиксироваться с разной степенью полноты в разные годы. Также возможны изменения в практике квалификации и распределения по категориям. В создании опорных сил определяется потенциальная склонность личности к совершению проти-

воправных преступных деяний. В частности, возросшую склонность к преступности личностей с высоким уровнем образования отме-

чают еще исследователи в начале прошлого века, в частности, Е.Н. Тарновский [5].

Таблица 7. Род занятий (социальное положение) лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Рабочие	1183	1344	1384
Работники с/х	41	59	46
Государственные и муниципальные служащие	16	15	27
Служащие коммерческой или иной организации	114	132	121
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в ней	96	85	101
Индивидуальные предприниматели	62	60	64
Учащиеся и студенты	42	40	45
Осужденные к лишению свободы, назначенному реально	16	8	8
Совершили преступление в период отбывания наказания в виде лишения свободы	14	8	6
Нетрудоспособные (неработающие)	667	726	846
Трудоспособные лица без постоянного источника дохода	3644	3262	2990
Безработные трудоспособные (зарегистрированы в службе занятости)	62	44	37
Военнослужащие по призыву и по контракту	37	73	97
Адвокаты, нотариусы, аудиторы	2	0	1
Судьи, работники суда	0	0	0
Прокуроры, следователи	2	0	0
Иные сотрудники правоохранительных органов, в том числе прокуратуры	7	20	17
Лица прочих занятий	228	350	503
Инвалиды I и II групп	105	119	119

Группа трудоспособных лиц без постоянного источника дохода сократилась с 59,77% (2020) до 48,34% (2024), то есть на 11,43 п.п. Это главный структурный сдвиг: ранее эта категория доминировала, теперь её доля существенно

Доля рабочих выросла с 19,41% до 22,37%, что отражает перераспределение структуры осуждённых в пользу лиц с формальной занятостью.

Рост доли «лиц прочих занятий с 3,74% до 8,13% (+4,39 п.п.) может указывать на расширение учёта нетипичных статусов либо на рост вовлечённости лиц с нестандартной занятостью.

Увеличение нетрудоспособных (неработающих) с 10,94% до 13,68% может быть связано как с демографией, так и с изменением практики выявления и квалификации деяний.

Заметный рост доли военнослужащих. С 0,61% до 1,57% — почти в 2,6 раза.

Государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты и т. д. остаются в пределах долей менее 1%, при этом динамика разнонаправленная и несистемная.

Абсолютное число безработных, зарегистрированных в службе занятости сократилось с 62 до 37, что согласуется с общим трендом на снижение доли маргинальных групп.

Резкое сокращение доли трудоспособных без постоянного дохода говорит о том, что незаконный оборот оружия всё меньше связан с классической «уличной» маргинализацией и всё больше — с иными социальными группами.

Рост доли рабочих, военнослужащих и «прочих занятий» может отражать вовлече-

ние в преступность лиц, имеющих доступ к оружию либо к специфическим каналам его оборота (охота, охрана, служба, коллекционирование).

На основе представленных данных и методом экстраполяции, может быть предложен следующий итог развития криминогенной обстановки относительно преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Итак, экстраполируя эту тенденцию можно ожидать дальнейший небольшой прирост. При сохранении темпа примерно 0,75% в год (средний темп прироста за 4 года), в конце 2026 года общее число осужденных может составить около 6280 человек.

Доля мужчин продолжит оставаться доминирующей (около 98%), а сам прирост осужденных полностью обеспечивается за счет этой категории. Тенденция смещений в сторону старших возрастов (от 30 и выше) будет сохраняться, что опять же обусловлено влиянием активных боевых действий.

Доля лиц без постоянного источника дохода будет сокращена, что свидетельствует об уходе преступности от «уличной» маргинализации. Скорее всего сохранится тенденция относительно роста доли военнослужащих, имеющих доступ к оружию или специфическим каналам его оборота.

Таким образом, 2026 год будет характеризоваться незначительным ростом общего числа осужденных, однако с углублением структурных изменений. Важно отметить, что подобный прогноз основан на экстраполяции, а реальная картина может быть скорректирована под влиянием законодательства и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 319-326.

[2] Пихов А. Х-А. Транснациональная преступность: система понятий // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 6.

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.08.2026)

[4] Григорян Т. Л. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2005. 147 с.

[5] Тарновский Е.Н. Распределение преступлений по профессиям // Журнал Министерства юстиции. Санкт-Петербург, 1907. - № 8 (октябрь). - С. 54-100; № 9 (ноябрь). - С. 54-83.

References:

[1] Ignatov A.N. Concept and General Characteristics of a Criminal's Personality // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2019. Vol. 5(71). No. 1. Pp. 319-326.

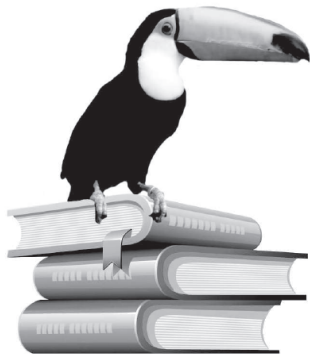
[2] Pikhov A. Kh-A. Transnational Crime: A System of Concepts // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 6.

[3] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data // [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (date accessed: 03.08.2026)

[4] Grigoryan T.L. Combating Illegal Arms Trafficking: Criminal-Law and Criminological Aspects: Dis. ... Cand. of Law. St. Petersburg. 2005. 147 p.

[5] Tarnovsky E.N. Distribution of crimes by profession // Journal of the Ministry of Justice. St. Petersburg, 1907. - No. 8 (October). - P. 54-100; No. 9 (November). - P. 54-83.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-119-125

ШЕПЕЛЕВ Игорь Валерьевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь,
e-mail: i.shepelev@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОМЕНТУ ОКОНЧАНИЯ: НЕЗАКОННАЯ ДОБЫЧА РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ (СТ.281 УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) И НЕЗАКОННАЯ ОХОТА (СТ. 282 УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты законодательного конструирования составов преступлений, содержащихся в главе 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК) – преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования (далее «экологические преступления»), предусмотренные ст. 281 УК «Незаконная добыча рыбы или других водных животных» и ст. 282 УК «Незаконная охота». Особое внимание уделено моменту окончания данных составов и спорным вопросам в его определении в контексте законодательных изменений уголовно-правовых норм о незаконной добыче рыбы или других водных животных и незаконной охоты. Цель работы – определение конструкции данных составов по признакам объективной стороны и уточнение момента юридического окончания таких преступлений для правильной квалификации.

Ключевые слова: уголовный кодекс Республики Беларусь; экологические преступления; момент окончания экологических преступлений; конструкция состава; формальные и материальные составы; незаконная добыча рыбы или других водных животных; незаконная охота; ст. 281 УК; ст. 282 УК.

SHEPELEV Igor Valerievich,
Senior lecturer at the Department of Criminal Law,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus

ON THE QUESTION OF THE CONSTRUCTION OF CRIMES AT THE MOMENT OF COMPLETION: ILLEGAL HARVESTING OF FISH OR OTHER AQUATIC ANIMALS (ARTICLE 281 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS) AND ILLEGAL HUNTING (ART. 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Annotation. The article examines the theoretical and applied aspects of the legislative construction of crimes contained in Chapter 26 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as the Criminal Code) - crimes against environmental safety, the environment and the management of natural resources (hereinafter referred to as “environmental crimes”), provided for in Art. 281 of the Criminal Code “Illegal harvesting of fish or other aquatic animals” and Art. 282 of the Criminal Code “Illegal hunting”. Particular attention is paid to the moment of termination of these compositions and controversial issues in its definition in the context of legislative

changes in criminal law on illegal fishing or other aquatic animals and illegal hunting. The purpose of the work is to determine the design of these compounds based on the characteristics of the objective side and clarify the moment of the legal termination of such crimes for correct qualification.

Key words: *criminal Code of the Republic of Belarus; environmental crimes; the moment of the end of environmental crimes; construction of the composition; formal and material elements; illegal harvesting of fish or other aquatic animals; illegal hunting; art. 281 Criminal Code; art. 282 of the Criminal Code.*

Экологические преступления представляют собой запрещённые уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на экологическую безопасность, природную среду и установленный порядок природопользования. Нормативную базу для их квалификации образует глава 26 УК Республики Беларусь «Преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» (статьи 263–284 УК). Существенное значение имеет также Закон «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 года № 1982-ХІІ, в котором раскрываются базовые понятия природных объектов, комплексов и особо охраняемых природных территорий [2]. В настоящий момент глава насчитывает 21 состав преступлений.

В соответствии с примечаниями к главе 26 УК, «преступлениями против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности» [3]. В науке уголовного права подчеркивается, что криминализация данных деяний отражает их высокую общественную опасность и необходимость применения запретительного уголовно-правового воздействия. Эффективность же предупредительной и охранительной функций права в этой сфере может быть обеспечена лишь сбалансированным сочетанием штрафных санкций и поощрительных механизмов.

Классификация составов преступлений по моменту окончания на материальные, формальные и усеченные имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение,

поскольку от правильного определения вида состава зависят квалификация содеянного и решение вопроса о наличии оснований для уголовной ответственности. Как отмечается в доктрине, момент окончания преступления определяется законодателем в конкретной норме Особенной части УК, а задача правоприменителя – уяснить этот момент исходя из законодательной конструкции состава.

Отнесение состава к материальному или формальному напрямую определяет, с какого момента преступление считается оконченным, что, в свою очередь, влияет на оценку возможности приготовления или покушения. Так составы преступлений, предусмотренных ст. 281 и ст. 282 УК сконструированы как формально-материальные (в объеме определенных признаков, описанных в диспозиции статьи), поэтому преступление может считаться оконченным как с момента начала совершения действий, направленных на выполнение части объективной стороны, независимо от фактического наступления последствий (формальная конструкция), так и с момента наступления последствий, указанных в данных статьях (материальная конструкция).

От конструкции состава зависит также объем обстоятельств, подлежащих доказыванию. По делам о преступлениях с материальным составом (связанных с причинением ущерба) сторона обвинения обязана доказать не только само деяние, но и факт наступления конкретных последствий, их размер, а также наличие прямой причинно-следственной связи между деянием и наступившим вредом. Для преступлений с формальным составом достаточно установить лишь факт совершения запрещенного уголовным законом деяния. Недостаточная разработанность методик стоимостной оценки экологического вреда дополнительно усугубляет ситуацию, допуская как необоснованное ужесточение квалификации, так и неоправданное освобождение от ответственности.

ности. И, наконец, дефицит нормативно закреплённых разграничительных признаков порождает коллизию уголовно-правовой и административно-правовой норм, поскольку объективная сторона соответствующего административного деликта также исчерпывается самим фактом совершения противоправного деяния. Указанное совпадение законодательных конструкций делегирует правоприменителю дискреционные полномочия, пределы которых не специфицированы на нормативном уровне, что вступает в противоречие с требованием правовой определённости и создаёт институциональные предпосылки для избирательного применения закона.

Анализ судебной практики и доктринальных источников свидетельствует о том, что в правоприменительной деятельности длительное время отсутствовал единый подход к определению момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 281 УК и ст. 282 УК. В одних случаях данные преступления расценивались как оконченные с момента начала добычи рыбы или охоты независимо от того, была ли фактически добыта рыба (дикое животное), в других – с момента фактического завладения добытым. Подобная противоречивая практика порождала правовую неопределённость и создавала риск как необоснованного привлечения к уголовной ответственности, так и неоправданного освобождения от нее.

Законодательная конструкция составов, закреплённых в ст. 281 и ст. 282 УК, сама по себе не даёт правоприменителю возможности однозначно определить момент юридического завершения преступления. Ключевой термин «добыча», употреблённый в диспозициях этих норм, семантически многозначен: он способен описывать и процедуру, процесс промысла (охоту, отслеживание, поиск, активное воздействие на среду обитания), и итоговый материальный результат (фактическое изъятие, переход предмета браконьерства во владение нарушителя). Именно отсутствие строгих легальных определений, устраняющих эту двусмысленность, породило дуализм в подходах судебных инстанций и сосуществование двух противоположных линий толкования. Поэтому Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своем Постановлении

№ 13 от 18.12.2003 (с изменениями и дополнениями на 23.07.2024) в п.13 пояснил: «Обратить внимание судов, что преступления, предусмотренные ст.ст. 281, 282 УК, считаются оконченными с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение предметом охоты, рыбой или другими водными животными. Это может выражаться в преследовании, установке капканов, сетей, приспособлении иных средств и орудий незаконной охоты, добычи рыбы или других водных животных независимо от того, были ли фактически добыты предметы охоты, рыба или другие водные животные» [1].

Принципиальное значение в данном случае приобретает тот факт, что для констатации юридического момента окончания посягательства реальная результативность действий виновного находится за рамками юридически значимых признаков. Отсутствие фактически добытого биоресурса – будь то нулевой улов при расставленных сетях или несработавший механизм капкана – не влечёт переквалификации деяния на стадию неоконченного преступления. Иными словами, безрезультатность браконьерских действий не образует состава покушения; содеянное в любом случае получает уголовно-правовую оценку как завершенное преступление, посягательство с формальным составом.

Тем самым данный акт высшей судебной инстанции устранил ранее наблюдавшуюся вариативность правоприменительных подходов и имплементировал унифицированную модель квалификации. Данное толкование усиливает уголовно-правовую репрессию в отношении преступлений, предусмотренных ст. 281 и ст. 282 УК, смещая точку юридической завершенности посягательства на стадию активных действий, непосредственно направленных на изъятие биоресурсов, а не на момент фактического завладения незаконной добычей.

В уголовно-правовой доктрине распространено суждение, означающее возможность отнести эти составы к усеченным, момент окончания которых перенесен на стадию приготовления или покушения. Подобный подход законодателем избирается, как правило, в отношении наиболее опасных посягательств. Однако, исходя из конструкции объективной

стороны рассматриваемых деяний и сложившейся судебной практики, более обоснованным представляется отнесение основных составов (ч.2 ст. 281 УК и ч.2 ст. 282 УК) к числу формальных-материальных, что в полной мере соответствует разъяснениям Верховного Суда Республики Беларусь [1].

Ключевыми элементами, определяющими конструкцию состава по моменту окончания, как уже обозначалось ранее, являются материальные и формальные составы. С момента принятия УК до настоящего времени нормы таких экологических преступлений, как незаконная добыча рыбы или других водных животных (ст. 281 УК) и незаконная охота (ст. 282 УК) претерпели значительные преобразования. С учетом блочных изменений (Б.И.Д) [5, с. 90] в данные статьи изменения и дополнения вносились: в ст. 281 УК – 15 раз (Законами Республики Беларусь от 24.06.2002, 04.01.2003, 03.12.2007, 28.12.2009, 27.12.2010, 24.10.2014, 26.05.2021, 17.02.2025); в ст. 282 УК – 14 раз (Законами Республики Беларусь от 03.12.2007, 28.12.2009, 27.12.2010, 24.10.2014, 05.01.2015, 06.01.2021, 26.05.2021, 17.02.2025).

Первоначальные значительные корректировки данные нормы претерпели внесёнными изменениями Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 г., когда из данных статей были исключены первые части, обязательным признаком которых была административная преюдиция.

«Исключение административной преюдиции из экологических статей УК на сегодняшний день привело к кардинальному обновлению доктринальных основ криминализации, гуманизации уголовной ответственности и созданию концептуального задела для новой, более справедливой и экологоориентированной политики в сфере противодействия преступным посягательствам на природную среду. Менее опасные и повторные деяния были переведены в разряд административных проступков, что позволило сфокусировать уголовную репрессию на действительно общественно опасных преступлениях, одновременно упростив правоприменение и сделав систему наказаний более справедливой» [4, с. 179].

Это было сделано в рамках масштабной

либерализации уголовного законодательства Республики Беларусь по который в санкции статей были включены альтернативные виды наказаний, декриминализированы составы с административной преюдицией, исключены во многих составах формальные конструкции, а также составы «поставления в опасность». В результате таких преобразований, часть деяний была декриминализирована и ответственность за их совершение наступала по административному законодательству. Также были реорганизованы конструкции составов по моменту окончания. Эти кардинальные изменения затронули и ст. 281 УК и ст. 282 УК.

Рассмотрим смешанные юридические конструкции состава преступления (когда в одной части статьи имеются и формальные, и материальные дифференциации составов по моменту юридической оконченности деяния) на примере ст. 281 и ст. 282 УК в объеме определенных признаков, описанных в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Статья 281 УК (незаконная добыча рыбы или других водных животных). Конструкция состава ч.2 ст. 281 УК (часть первая, которая предусматривала административную преюдицию, была исключена 26.05.2021 г.) в отношении добычи рыбы или других водных животных без надлежащего на то разрешения, либо в запретные время или сроки, либо в запрещенных местах, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами (незаконная добыча рыбы или других водных животных), повлекшая причинение ущерба в крупном размере является *материальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента причинения соответствующего ущерба (в сто и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления).

Конструкция состава ч.2 ст. 281 УК в отношении добычи рыбы или других водных животных с использованием орудий лова, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука, или путем взрыва, либо незаконная добыча рыбы или других водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь является *формальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента совер-

шения указанных действий.

Конструкция состава ч.3 ст. 281 УК является *формальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента совершения действий, описанных в диспозиции статьи.

Конструкция состава ч.4 ст. 281 УК является *материальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента причинения ущерба в особо крупном размере (в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления).

Статья 282 УК (незаконная охота). Конструкция состава ч.2 ст. 282 УК (часть первая, которая предусматривала административную преюдицию, была исключена 26.05.2021 г.) в отношении охоты без надлежащего на то разрешения, либо в запрещенных местах, либо в запретное время, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами, либо в запретные сроки (незаконная охота) на территории заповедника, национального парка, заказника, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим, либо незаконная добыча диких животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь является *формальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента совершения указанных действий.

Конструкция состава ч.2 ст. 281 УК в отношении деяний, указанных в диспозиции, повлекших причинение ущерба в крупном размере является *материальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента причинения соответствующего ущерба (в сто и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления).

Конструкция состава ч.3 ст. 282 УК является *формальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента совершения действий, описанных в диспозиции статьи.

Конструкция состава ч.4 ст. 282 УК в отношении незаконной охоты, совершенной с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства является *формальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента совершения указанных действий.

Конструкция состава ч.4 ст. 282 УК в отношении незаконной охоты, повлекшей причинение ущерба в особо крупном размере (в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления) является *материальной*. Преступление считается юридически оконченным с момента причинения соответствующего ущерба.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что точная квалификация деяния и его отграничение от неоконченного преступления или административного правонарушения напрямую зависят от установления момента его юридического окончания. Также этот момент влияет на действие уголовного закона во времени, для исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, а также на другие процессуальные и правовые последствия.

Таким образом, по результатам изучения конструкции состава преступления по моменту его завершения применительно к ст. 281 УК и ст. 282 УК можно выделить следующие принципиальные условия обеспечивающие:

- единообразную правовую оценку посягательств на объекты окружающей среды, включающую противоречивые квалификационные подходы;
- четкое разграничение оконченного преступного деяния и покушения на его совершение;
- безошибочное определение начального момента течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности;
- законность, обоснованность и надлежащую мотивированность итоговых судебных решений;
- единообразное применение уголовно-правовых норм об экологических преступлениях.

Установленные в ходе проведенного анализа специфические черты конструкции рассматриваемых составов диктуют необходимость их всестороннего учёта как в повседневной правоприменительной деятельности, так и в процессе дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, охраняющих экологический правопорядок (триаду объектов уголовно-правовой охраны, предусмотренных главой 26 УК).

Список литературы:

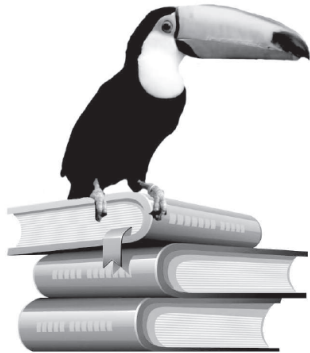
- [1] О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 18 дек. 2003 г., № 13 : в ред. от 27 июня 2024 г. // Эталон online / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S20300013> (дата обращения: 20.07.2026).
- [2] Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : в ред. от 17 июля 2023 г. // Эталон online / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19201982> (дата обращения: 20.07.2026).
- [3] Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk9900275> (дата обращения: 20.07.2026).
- [4] Шепелев И.В. Декриминализация уголовно-правовых норм об экологической безопасности, окружающей среде и порядке природопользования в части применения административной преюдиции в соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь // Экономика и право: современное состояние и перспективы развития : сборник статей Международной научно-практической конференции (28 мая 2026 г.). – Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. – 195 с. : ил., табл.
- [5] Шепелев И.В. Сравнительный анализ форм хищений имущества в Уголовных кодексах Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Наука. Технологии. Образование. Будущее - 2026 : сборник статей Международной научно-практической конференции (4 мая 2026 г.). – Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. – 169 с. : ил., табл.

References:

- [1] On the application by the courts of the legislation on liability for offenses against environmental safety, the environment and the order of nature management [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus, December 18, 2003, No. 13: as amended on June 27, 2024 // Etalon online / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S20300013> (date of access: July 20, 2026).
- [2] On environmental protection [Electronic resource]: Law of the Republic of Belarus, November 26, 1992, No. 1982-XII: as amended on July 17, 2023 // Etalon online / National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19201982> (date accessed: 20.07.2026).
- [3] Criminal Code of the Republic of Belarus [Electronic resource]: July 9, 1999, No. 275-Z: adopted by the House of Representatives on June 2, 1999: approved. by the Council of the Republic on June 24, 1999: as amended by the Law of the Republic of Belarus of October 20, 2025 No. 101-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legislation and Legal Research. Republic of Belarus. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk9900275> (date accessed: 20.07.2026).
- [4] Shepelev I.V. Decriminalization of criminal law norms on environmental safety, the environment and the procedure for nature management in terms of the application of administrative prejudice in accordance with the criminal legislation of the Republic of Belarus // Economy and Law: Current State and Development Prospects : Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference (May 28, 2026). – Petrozavodsk : MCNP "NEW SCIENCE", 2026. – 195

p. : ill., table.

[5] Shepelev I.V. *Comparative Analysis of Forms of Theft of Property in the Criminal Codes of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation* // *Science. Technologies. Education. Future - 2026 : Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference (May 4, 2026)*. – Petrozavodsk : MCNP "NEW SCIENCE", 2026. – 169 p. : ill., table.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МАМКИНА Милана Юрьевна,
студент 2 курса Гражданско-правового профиля, юриспруденция,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mamkina2006@mail.ru

ГАЙНУЛЛИНА София Алексеевна,
студент 2 курса Гражданско-правового профиля, юриспруденция,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: soteener@gmail.com

Научный руководитель:
ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна,
доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: chasovnikova-og@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовного судопроизводства по делам о коррупционных преступлениях. Подчеркивается необходимость специализированного подхода к расследованию и судебному разбирательству таких дел из-за сложности доказательной базы и специфики субъектов преступлений — лиц, обладающих служебным положением и доступом к государственным ресурсам. Анализируется нормативно-правовое регулирование уголовного судопроизводства, в т.ч. положения Уголовно-процессуального кодекса РФ и специальных законов. Особое внимание уделяется: мерам защиты прав потерпевших и свидетелей; способам противодействия давлению и угрозам в их адрес; эволюции подходов к рассмотрению дел о коррупции на основе судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Также исследуются проблемы привлечения к ответственности лиц с правовым иммунитетом и методы преодоления противодействия расследованию. Рассматривается роль международного сотрудничества в борьбе с транснациональной коррупцией, а также направления совершенствования уголовного судопроизводства для повышения оперативности, объективности и законности судебных решений.

Ключевые слова: коррупционные преступления; уголовное судопроизводство; доказательная база; защита потерпевших и свидетелей; противодействие расследованию; правовой иммунитет; судебная практика; Пленум Верховного Суда РФ; международное сотрудничество; противодействие коррупции; уголовно процессуальное регулирование.

MAMKINA Milana Yuryevna,
second-year student, Civil Law, Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education, Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

GAYNULLINA Sofia Alekseyevna,
second-year student, Civil Law, Law,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education, Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinicheva,
Saint Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
CHASOVNIKOVA Olga Georgievna,
Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure,
PhD in Law, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia"
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF CORRUPTION CRIMES

Annotation. The article examines the features of criminal proceedings in cases of corruption crimes. It emphasizes the need for a specialized approach to the investigation and trial of such cases due to the complexity of the evidence base and the specific nature of the perpetrators, who are individuals in positions of authority and have access to public resources. The article analyzes the legal regulation of criminal proceedings, including the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and special laws. Special attention is paid to: measures to protect the rights of victims and witnesses; ways to counteract pressure and threats against them; the evolution of approaches to handling corruption cases based on judicial practice and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The article also examines the challenges of prosecuting individuals with legal immunity and the methods of overcoming resistance to investigations. It also explores the role of international cooperation in combating transnational corruption.

Key words: corruption crimes; criminal proceedings; evidence base; protection of victims and witnesses; counteraction to investigation; legal immunity; judicial practice; Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; international cooperation; counteraction to corruption; criminal procedural regulation.

Роль международного сотрудничества в борьбе с коррупционными преступлениями

Международное сотрудничество — ключевой фактор в борьбе с транснациональной коррупцией, которая приобретает сложные формы: связана с отмыванием доходов и трансграничными финансовыми схемами. Ко-

операция государств на основе обмена информацией и взаимного юридического содействия необходима для противодействия глобальным коррупционным угрозам.

Россия активно участвует в международных инициативах, в первую очередь — в реализации Конвенции ООН против коррупции. Документ создал общую правовую платформу:

он обязывает государства оказывать взаимную правовую помощь, обмениваться результатами исследований и проводить совместные операции в уголовной, гражданской и административной сферах. Это помогает преодолевать национальные барьеры и эффективнее преследовать коррумпированных лиц [5; 2].

Важную роль играет сотрудничество правоохранительных органов: обмен оперативной информацией, координация следственных действий и применение единых стандартов доказывания. Взаимодействие с международными организациями позволяет совершенствовать национальные антикоррупционные институты и повышать прозрачность правоприменения.

Международные договоры также стимулируют внедрение стандартов честности для судей, работников судебных органов и частного сектора — это создаёт дополнительные барьеры для коррупции и укрепляет доверие к правосудию.

Вместе с тем есть и проблемы: среди стран СНГ отмечается недостаточная координация и отсутствие многосторонних конвенций, что снижает эффективность противодействия коррупции. Россия выступает за усиление роли ООН в координировании международных усилий.

Перспективы развития сотрудничества связаны с: углублением интеграции правоохранительных и судебных структур; расширением доступа к глобальным базам данных; повышением оперативности обмена информацией; внедрением современных технологий; увеличением числа двусторонних и многосторонних соглашений.

Координированные международные усилия формируют единую правовую и организационную основу для борьбы с коррупцией. Они позволяют эффективнее выявлять, преследовать и предотвращать коррупционные риски, способствуя устойчивому развитию правового порядка в глобальном масштабе [2; 5].

Судебная практика по делам о коррупционных преступлениях: опыт и специфика

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 стало поворотной точкой в развитии су-

дебной практики по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях. Документ систематизирует подходы к квалификации преступлений, разъясняет порядок оценки доказательств и формирует единые стандарты для судов на всех уровнях. Основной акцент сделан на сбалансированном применении норм, что способствует исключению противоречий и неоднозначных решений при рассмотрении дел данной категории. [3]

В постановлении подчёркивается необходимость учета международных антикоррупционных стандартов, таких как Конвенция ООН против коррупции и Конвенция Совета Европы, что влияет на более жёсткое толкование некоторых положений УК РФ, особенно в части преступлений, совершаемых в международной сфере. Это означает, что российские суды обязаны не только следовать отечественному законодательству, но и учитывать международно-правовые обязательства России, формируя тем самым эффективную антикоррупционную практику.

Практика применения постановления показывает, что суды стали уделять повышенное внимание механизму передачи взяток, включая использование электронных средств и иных форм сокрытия преступной деятельности. Судебные решения отмечают, что ответственность может наступать не только с момента фактической передачи ценностей должностному лицу, но и при зачислении средств на счета или электронные кошельки по согласованию с получателем, что расширяет возможности доказывания вины обвиняемых.

В качестве примера можно привести судебные решения, где оценка доказательств основана на совокупности косвенных и прямых доказательств взятки, включая аудио- и видеозаписи, показания свидетелей, финансовые документы. Постановление акцентирует внимание на недопустимости упрощённого подхода к доказательственной базе, требуя тщательно всестороннего анализа, что повышает эффективность судебного разбирательства.

Однако практика выявляет сложности в процессуальном обеспечении расследований в отношении лиц с правовым иммунитетом. Такие субъекты зачастую используют статус для затягивания производства, оказывая дав-

ление на правоохранительные органы и суды. Этот факт формирует одну из приоритетных задач, связанных с совершенствованием уголовного судопроизводства по коррупционным делам — разработку эффективных процедур преодоления иммунитета и обеспечения подотчетности должностных лиц высокого ранга. В последующих разделах будет рассмотрен накопленный опыт и законодательные инициативы по противодействию данным проблемам [3].

Проблема правового иммунитета и противодействие при расследовании коррупционных преступлений

Расследование коррупционных преступлений, совершенных лицами с правовым иммунитетом, сопровождается значительными трудностями, обусловленными специфическим характером противодействия этим процессам. Одним из основных вызовов является активное воздействие таких лиц на источники криминалистически значимой информации ещё до официального выявления преступления. Это создает дополнительные барьеры для следственных органов, препятствуя своевременному сбору и сохранению доказательств [6].

Вторая составляющая противодействия заключается в создании препятствий разного рода при ведении самого расследования — от попыток воздействия на свидетелей и потерпевших до манипулирования процессуальными действиями с целью затягивания уголовного производства или ухудшения его качества. Особо проблемным становится обеспечение всесторонности, полноты и объективности расследования в условиях давления и возможных злоупотреблений правовым иммунитетом, что значительно усложняет деятельность следователей и прокуроров.

Судебная практика, о которой шла речь в предыдущем разделе, влияет на формирование эффективных контрмер, указывая на необходимость разработки специальных методик нейтрализации такого рода противодействия. В частности, одним из наиболее действенных средств становится применение мер по неразглашению данных предварительного расследования, что позволяет исключить утечку оперативной информации и уменьшить

вероятность вмешательства лиц с иммунитетом в ход расследования [3].

С научной позиции, ключевой проблемой при расследовании коррупционных дел с участием лиц с иммунитетом является баланс между соблюдением принципов законности и эффективностью процессуальных действий. Правовой иммунитет призван обеспечивать независимость и защиту должностных лиц, однако он одновременно становится инструментом компрометации уголовного судопроизводства, если используется в целях препятствования расследованию. Это требует от правоохранительных органов разработки комплексных стратегий, которые включают координацию межведомственного взаимодействия, использование современных технологий для защиты информации и повышения устойчивости следственных действий к внешнему влиянию.

По данным следственных структур, значительная доля возбужденных уголовных дел связана с лицами, обладающими особым правовым статусом. Это требует систематического совершенствования организационно-технических механизмов противодействия давлению и скрытому влиянию, а также формирования специальных подразделений с высокой квалификацией в вопросах правоприменения и обеспечения безопасности расследований. Таким образом, проблема преодоления иммунитета и связанных с ним видов противодействия становится одной из центральных в обеспечении объективности и результативности борьбы с коррупцией [2; 1].

Координация усилий всех правоохранительных органов играет решающую роль в минимизации рисков срыва уголовного производства при участии лиц с иммунитетом. Научные исследования выделяют значимость интеграции криминалистических, процессуальных и организационных мер, направленных на защиту следственной информации, а также на предупреждение и нейтрализацию давления на участников уголовного судопроизводства. Такой комплексный подход обеспечивает системность и устойчивость в противостоянии с коррупционными проявлениями на высоком уровне государственной службы и управления [6].

Методы преодоления противодействия при расследовании коррупционных преступлений

Преодоление противодействия при расследовании коррупционных преступлений требует от следователей применения специализированных методов и процессуальных приемов, ориентированных на специфику каждого конкретного дела. Ключевым подходом в данной работе является ситуационный и комплексный анализ обстоятельств расследования с целью адаптации тактики к присутствующим формам воспрепятствования. Разработка индивидуальной стратегии позволяет своевременно выявлять и блокировать попытки сокрытия следов, манипуляции с доказательствами и иные виды противодействия, снижая риски срыва уголовного производства.

Одним из современных методов считается широкое использование технических средств контроля и фиксации информации, включая аудиовизуальные записи, систему скрытого видеонаблюдения, а также компьютерно-криминалистические инструменты. Эти средства позволяют не только зафиксировать факт преступления, но и выявить скрытые каналы передачи взяток или иных ценностей, применяемые коррумпированными лицами для обхода стандартных следственных мероприятий. Техническое оснащение расследований требует высокой квалификации следователей в области современных технологий, что способствует повышению эффективности работы.

При расследовании дел, связанных с лицами, обладающими правовым иммунитетом, применяется специальная методика сокрытия следственных мероприятий и информации для предотвращения утечки данных. Одним из таких приемов является организация неразглашения сведений, а также проведение тайных оперативных мероприятий, направленных на выявление схем коррупционной деятельности с минимальным вовлечением широкого круга лиц. Данный подход снижает риск давления на свидетелей и препятствует попыткам срыва уголовного производства.

Работа следователя также включает активное применение комплексных процессуальных приемов, таких как проведение перекрестных допросов, системный анализ финансовой до-

кументации, запросы информации из различных государственных и коммерческих источников. Особое внимание уделяется тщательно проработанным обвинительным актам, в которых обоснованно выстроена доказательная база. Это позволяет не только подтвердить факты преступной деятельности, но и нивелировать попытки адвокатов обвиняемых дискредитировать или ослабить позицию обвинения в судебном процессе.

Мониторинг новых случаев и методик противодействия позволяет следственным органам быстро реагировать на появление новых схем уклонения от ответственности и своевременно корректировать тактику работы. Важной практикой является проведение межведомственных консультаций и семинаров для обмена опытом, что способствует формированию системного, интегрированного подхода к расследованию коррупционных дел и преодолению противодействия.

Современные методы преодоления противодействия при расследовании преступлений коррупционной направленности заключаются в сочетании технологических новшеств, тщательной организационной работы, комплексного анализа материалов дела и постоянного профессионального роста следственных кадров. Такой междисциплинарный комплекс мероприятий обеспечивает повышение результативности уголовного судопроизводства и минимизацию рисков срыва расследования.

Обеспечение защиты потерпевших и свидетелей в делах о коррупции

Система защиты потерпевших и свидетелей выступает фундаментальным условием объективного и справедливого уголовного судопроизводства по коррупционным делам. Без надежных гарантий безопасности лица, участвующие в процессе, рискуют столкнуться с давлением, угрозами и физической расправой, что существенно снижает вероятность предоставления ими достоверных показаний. Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» создает правовую основу для эффективного обеспечения таких гарантий, что способствует укреплению доверия к судебной системе и повышению качества расследования [1].

Закон охватывает широкий круг лиц, включая потерпевших, свидетелей, частных обвинителей, а также подозреваемых, обвиняемых и их представителей, что особенно важно для комплексного подхода в делах о коррупции, где могут быть задействованы различные участники процесса. Помимо защиты жизни и здоровья, нормативный акт предусматривает меры по охране имущества, психологической и социальной поддержке, что обеспечивает комплексный комплекс мер безопасности для уязвимых участников уголовного производства [1].

Одним из ключевых механизмов является организация государственной защиты, которую обеспечивают уполномоченные органы. Она включает в себя не только физические меры безопасности, такие как охрана и обеспечение конфиденциальности местонахождения, но и правовые инструменты, позволяющие ограничить доступ к персональным данным и обеспечить анонимность при даче показаний. Это исключает возможность давления на свидетелей и потерпевших, что особенно актуально в коррупционных делах, где противодействие расследованию часто носит системный характер.

Значимой гарантией является право участников процесса обращаться за защитой в любое время, а также их включение в специальный реестр защищаемых лиц, что позволяет оперативно реагировать на угрозы. Закон предусматривает возможность комплексного сопровождения, включая правовое, медицинское, психологическое и социальное обеспечение, что минимизирует риски возникновения стрессовых ситуаций и повышает мотивацию к сотрудничеству со следствием и судом.

Дополнительно закон регламентирует порядок применения мер защиты, включая предварительное тестирование угроз, оценку реальности опасностей и определение соответствующих способов реагирования. Это системный подход обеспечивает индивидуализацию мер с учетом конкретных особенностей дела и статуса участника процесса. Так, например, в случаях раскрытия коррупционных схем, где задействованы высокопоставленные лица, защита свидетелей становится приоритетным направлением, требующим комплексного межведомственного взаимодействия.

Особенности доказательственной базы в делах о коррупционных преступлениях

Для успешного уголовного судопроизводства по делам о коррупционных преступлениях доказательная база имеет решающее значение, поскольку именно на ее основании выносится обвинительный вердикт либо оправдательное решение. В делах о взяточничестве и иных коррупционных деяниях требуется особая тщательность при сборе и оценке доказательств, так как эти преступления зачастую связаны с использованием служебного положения и способами скрытности, что осложняет выявление объективной истины.

Ключевая особенность доказательств в коррупционных делах — законность их получения. По общему правилу предмет взятки должен быть изъят законным способом, оптимально — в ходе личного обыска при задержании подозреваемого, что обеспечивает надлежащую фиксацию факта преступления и снижает риск оспаривания доказательств в суде. Недопустимыми признаются сведения, добытые с нарушением процессуальных норм, в том числе материалы оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), которые часто служат основой обвинения, но подлежат тщательной проверке на предмет соответствия закону [4].

Особое значение имеют цифровые и электронные доказательства, учитывая активное использование коррупционерами современных технологий для передачи и сокрытия взятки. Сбор такого рода информации требует соблюдения специальных процедур, включая защищенную фиксацию и хранение данных, что обеспечивает их непротиворечивость и юридическую значимость в ходе расследования и судебного разбора.

При оценке доказательственной базы в судах применяется комплексный критерий, сочетающий относимость, допустимость, достоверность и достаточность материалов в совокупности. Это означает, что даже при наличии отдельных убедительных доказательств, без их взаимного подтверждения суд не может вынести обвинительный приговор, поскольку стандарт доказывания предполагает полное устранение сомнений в виновности субъекта [7].

Признаки взяточничества, такие как иму-

публичный характер вознаграждения, получение его должностным лицом и связь передачи с исполнением служебных обязанностей, требуют подтверждения посредством согласованных доказательств. Значимость этих элементов отражается в судебной практике, где доказательства должны демонстрировать законность и целостность процедуры выявления факта взятки, а также конкретизацию роли каждого участника преступления [3].

Важным организационным моментом является разработка методик расследования, учитывающих специфику коррупции, наличие посредников и схем противодействия следствию. Следователям и оперативным сотрудникам необходимо взаимодействовать в тесном координированном режиме, чтобы обеспечить комплексный и всесторонний сбор доказательств, минимизируя возможности для их противоправного уничтожения или искажения. Несоблюдение требований уголовно-процессуального законодательства в части доказательств ведет к возврату дел на доследование или оправданию, что снижает эффективность борьбы с коррупцией.

Специфика доказательной базы по делам о коррупционных преступлениях заключается в строгом соблюдении процедур получения и оценки показаний, вещественных, цифровых и иных доказательств, что обеспечивает их полную юридическую значимость и способствует объективности судебного разбирательства. Без тщательной и законной фиксации фактов обвинения не приобретает необходимой силы, а значит, нельзя достичь целей уголовного преследования и справедливого возмездия.

Совершенствование уголовного судопроизводства по делам о коррупции: направления развития

Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о коррупции требует последовательного реформирования, направленного на устранение системных пробелов в правовом регулировании и практической реализации норм. Одним из приоритетных направлений является формирование единого и четкого определения коррупции, что обеспечит согласованность действий правоохранительных органов при квалификации преступлений и привлечении к ответственности. Это

позволит избежать неоднозначностей, способствующих процессуальным ошибкам и снижению оперативности расследований.

Не менее важным является совершенствование институтов, связанных с посредничеством и конфискацией имущества. Современные коррупционные схемы зачастую подразумевают использование сложных финансовых конструкций и обходных путей для сокрытия имущества, приобретённого преступным путём. Усовершенствование таких институтов позволит не только эффективнее выявлять и взыскивать незаконно нажитое имущество, но и станет действенным средством предупреждения коррупционных правонарушений, усиливая общий превентивный эффект.

В контексте судебной практики необходимо обеспечить постоянный мониторинг и анализ судебных решений, что позволит формировать единые правоприменительные стандарты, минимизируя противоречия и правовые пробелы. Разработка и внедрение систематизированных обзоров судебной практики способствует повышению качества судебных актов и формированию устойчивой правоприменительной позиции, особенно в вопросах урегулирования конфликтов интересов у судей, что является актуальной проблемой для антикоррупционного судопроизводства.

Особое значение имеет укрепление принципа неотвратимости наказания за коррупционные деяния и эффективное обеспечение возмещения причинённого ущерба. Это повысит юридическую ответственность и создаст объективные стимулы для добросовестного исполнения служебных обязанностей, что на практике способствует снижению уровня коррупции и формированию правового сознания в обществе.

Международное сотрудничество играет всё более значимую роль в борьбе с коррупцией, учитывая растущую глобализацию криминальных схем. Россия должна продолжать совершенствовать механизмы взаимодействия с зарубежными правоохранительными органами, расширять участие в международных договорах и адаптировать внутреннее законодательство в соответствии с международными стандартами. Это позволит оперативно пресекать транснациональные коррупционные

преступления и обеспечит эффективное возмещение имущества, выведенного за пределы юрисдикции страны.

Практическая сторона реформы включает внедрение современных технологий и методик, повышение квалификации специалистов всех звеньев уголовного судопроизводства, а также создание прозрачных и эффективных механизмов стратегического планирования. Такие меры способствуют ускорению расследований, улучшению качества подготовки уголовных дел и повышению доверия общества к системе правосудия.

В совокупности, обозначенные направления создадут условия для системной модернизации уголовного судопроизводства в сфере противодействия коррупции, обеспечат повышение эффективности правоприменения и укрепят институциональные механизмы борьбы с преступностью, связанной с коррупционными проявлениями. Это послужит основой для последующего формирования комплексных выводов и рекомендаций, предназначенных для повышения устойчивости антикоррупционной политики в Российской Федерации.

Уголовное судопроизводство по делам о коррупционных преступлениях в РФ обладает рядом специфических характеристик, обусловленных сложностью природы таких правонарушений и связанными с ними процессуальными особенностями. Законодательная база, включая УПК РФ и Федеральный закон о защите участников уголовного судопроизводства, создаёт необходимые условия для справедливого и эффективного рассмотрения подобных дел.

Важную роль играет международное сотрудничество: участие России в глобальных антикоррупционных инициативах позволяет

обмениваться информацией и координировать действия правоохранительных органов, что способствует своевременному выявлению и расследованию транснациональных коррупционных схем. Формирование единой методологии правоприменения, в том числе благодаря Постановлению Пленума Верховного Суда № 24, помогает минимизировать процессуальные ошибки и добиваться установления объективной истины. При этом на практике выявляются сложности в расследовании дел в отношении лиц с правовым иммунитетом — они нередко используют свой статус для противодействия следствию.

Существенное значение имеет система защиты потерпевших и свидетелей: механизмы государственной охраны, обеспечение конфиденциальности и социальная поддержка снижают риск давления на участников процесса и положительно влияют на качество сбора доказательств. Перспективы развития уголовного судопроизводства связаны с совершенствованием нормативной базы, внедрением современных методик расследования, усилением международного взаимодействия и повышением квалификации кадров. Реализация этих направлений позволит оперативно и эффективно преследовать коррупционные преступления, снижая возможности для их сокрытия. В итоге комплексный подход, объединяющий правовое регулирование, судебную практику, международное сотрудничество и организационные меры, выступает ключевым фактором улучшения качества уголовного судопроизводства по делам о коррупции. Его реализация повысит законность и объективность рассмотрения дел, укрепит доверие общества к правосудию и усилит эффективность государственной антикоррупционной политики.

Список литературы:

- [1] *Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" от 20.08.2004 N 119-ФЗ*
- [2] *Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "О противодействии коррупции"*
- [3] *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 09.12.2025) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях"*
- [4] *Александров Р. В. Особенности фиксации доказательств при расследовании коррупционных преступлений // StudNet. 2020. №12.*

- [5] Виноградов А. В. *Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией* // Наука. Общество. Государство. 2015. №4.
- [6] Кузьмин М. Н. *Методы преодоления противодействия при расследовании преступлений, совершенных лицами, по должности обладающими правовым иммунитетом* // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 21
- [7] Никонова Е.В., Часовникова О.Г. *Развитие законодательства об ответственности за мошенничество в сфере страхования* // Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург). — 2019. — С. 413-416.
- [8] Смирнов К. В. *Противодействие коррупции: национальные и международные аспекты* // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 9.
- [9] Фагманова Э. В., Фазульянова И. И. *Преодоление противодействия расследованию коррупционных преступлений* // E-Scio. 2023. №1 (76).

References:

- [1] *On the application by the courts of the legislation on liability for offenses against env[1] Federal Law "On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings" of August 20, 2004 No. 119-FZ*
- [2] *Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ (as amended on December 28, 2025) "On Combating Corruption"*
- [3] *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24 (as amended on December 9, 2025) "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes"*
- [4] *Aleksandrov R. V. Features of Recording Evidence in Investigating Corruption Crimes* // StudNet. 2020. No. 12.
- [5] *Vinogradov A. V. International Cooperation in the Fight against Corruption* // Science. Society. State. 2015. No. 4.
- [6] *Kuzmin M. N. Methods of Overcoming Resistance in the Investigation of Crimes Committed by Persons Exercising Legal Immunity by Their Position* // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. - No. 21
- [7] *Nikonova E. V., Chasovnikova O. G. Development of Legislation on Liability for Fraud in the Field of Insurance* // A. S. Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg). - 2019. - Pp. 413-416.
- [8] *Smirnov K. V. Anti-Corruption: National and International Aspects* // Issues of Russian Justice. - 2020. - No. 9.
- [9] *Fagmanova E. V., Fazulyanova I. I. Overcoming Resistance to the Investigation of Corruption Crimes* // E-Scio. 2023. No. 1 (76).

СТАВРОПОЛОВА Екатерина Алексеевна,
магистрант, юридический факультет,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: stavropolova.yekaterina@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор, доцент,
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА (СТ. 159 УК РФ)
И НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(СТ. 272 УК РФ) ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

Аннотация. В рамках данной научной статьи автор поднимает проблемы, связанные с проведением отграничений состава мошенничества от состава неправомерного доступа к компьютерной информации, предусмотренных Уголовным Кодексом Российской Федерации, в случаях, когда преступное посягательство совершается с применением информационно-телекоммуникационных технологий в сети «Интернет». По мере ее развития, внедрения во все сферы жизни и функционирования общества и государства, она все более и более становится востребованной как средство и методы совершения преступления, что обуславливает появление все большего числа смежных составов и новых проблем квалификации, в том числе и по статьям 159 и 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Также, данная тема является наиболее актуальной, по причине того, что зачастую, на практике возникают сложности при установлении фактических обстоятельств, а также, очевидно, постоянно развиваются цифровые технологии, которые также легко применяются преступниками, что на постоянной основе вызывает острую необходимость, как у законодателя совершенствовать нормативную основу, так и у правоприменителя находить и адаптировать новые методы и средства борьбы.

Ключевые слова: мошенничество, неправомерный доступ, компьютерная информация, Интернет, сеть Интернет, онлайн пространство, киберпространство.

STAVROPOLOVA Ekaterina Alekseevna,
Master's student, Faculty of Law,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Rostov Institute (branch) The Supreme Court
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia

MELNIKOV Viktor Yuryevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminalistics,
Doctor of Law, Professor, Associate Professor at the
Rostov Institute (branch) The Supreme Court
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

PROBLEMS OF DISTINGUISHING FRAUD (ART. 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION (ART. 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) IN COMMITTING CRIMES USING THE INTERNET

Annotation. *Within the framework of this scientific article, the author raises problems related to distinguishing the composition of fraud from the composition of unlawful access to computer information provided for by the Criminal Code of the Russian Federation in cases where criminal encroachment is committed using information and telecommunication technologies on the Internet. As it develops and is introduced into all spheres of life and functioning of society and the state, it is becoming more and more in demand as a means and methods of committing a crime, which leads to the emergence of an increasing number of related structures and new qualification problems, including those under Articles 159 and 272 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – CC Russian Federation) [1]. Also, this topic is the most relevant, due to the fact that it is often difficult in practice to establish factual circumstances, and also, obviously, digital technologies are constantly developing, which are also easily used by criminals, which constantly causes an urgent need for both the legislator to improve the regulatory framework and the law enforcement officer to find and adapt new methods and means of struggle.*

Key words: *fraud, unauthorized access, computer information, Internet, online space, cyberspace.*

Актуальность заявленной темы исследования обусловлена тем, что ежегодно мы говорим о развитии и расширении онлайн пространства, в связи с чем наблюдается постоянное увеличение пользователей сети Интернет. Однако по мере развития сети Интернет и онлайн пространства увеличивается и число преступлений, совершаемых с ее использованием, в том числе мошеннических действий и неправомерного доступа к компьютерной информации, что делает необходимым уделять повышенное внимание разграничению составов по статьям 159 и 272 УК РФ в случае совершения преступлений с применением сети Интернет.

Развитие и распространение сети Интернет является закономерным элементом или направлением качественного развития современного общества и его трансформации, что неизбежно оказывает непосредственное влияние и на криминогенную среду, состав преступности, рост отдельных ее видов, появление новых способов совершения преступлений, расширение трансграничности преступности, дистанционности и т.п. То есть мы можем сказать, что распространение как в России, так и в мире анализируемых видов преступлений становится лишь закономерным результатом развития общества, если можно так сказать, выступает «обратной стороной

медали» развития онлайн пространства и сети Интернет. Именно поэтому очень важно исследовать не только сами преступления, но и их факторы. В нашем случае ключевой аспект и главенствующий фактор – это развитие Интернета, расширение онлайн пространства и существенное и постоянное увеличение числа их пользователей. Соответственно, по мере расширения данных факторов увеличивается и степень актуальности темы исследования. Соответственно, возможно спрогнозировать, что в обозримом будущем актуальность темы будет лишь увеличиваться, как и число преступлений, преследуемых по статьям 159 и 272 УК РФ. Такой прогноз заставляет уделять повышенное внимание вопросам отграничения, выделения признаков смежности и обособления составов друг от друга в целях судебно-следственной практики, поскольку современная правоприменительная действительность сталкивается со многими трудностями применительно к обозначенным преступлениям, когда они совершаются с использованием сети «Интернет».

Д.Г. Щур [5] отмечает, что основным критерием разграничения выступает объект преступного посягательства. Применительно к составу мошенничества данный объект составляют отношения собственности, а по статье 272 УК РФ такой объект составляют об-

публичные отношения, связанные с охраной компьютерной информации. Даже если мы говорим о специальном виде мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), то тут также основным объектом является отношение собственности.

То есть при квалификации и разграничении обозначенных составов преступлений, по нашему мнению, акцентировать внимание необходимо на объекте преступного посягательства.

Схожая точка зрения отражена в научном изыскании В.А. Хегай [4].

А.В. Василенко [2] справедливо отмечает, что именно развитие сети Интернет, расширение возможностей онлайн пространства сделало мошенничество и неправомерный доступ к компьютерной информации смежными составами преступлений.

Соответственно, можно предположить, что по мере развития сети Интернет и дальнейшего расширения онлайн пространства и киберпространства не следует ожидать облегчения судебно-следственной практики, а наоборот, можно прогнозировать лишь увеличения числа смежных составов преступлений по отношению как к статье 272 УК РФ, так и статье 159 УК РФ.

Если мы говорим о проблемах отграничения составов по обозначенным статьям российского уголовного закона, то также необходимо поднять вопрос о смешении способов и квалификации совокупности. Зачастую изначально совершается неправомерный доступ к компьютерной информации, а затем полученные данные в результате неправомерного доступа применяются в целях совершения мошенничества.

То есть, не исключены ситуации, когда неправомерный доступ к компьютерной информации выступает как подготовительный этап к совершению мошеннических действий. В такого рода ситуациях важно проводить квалификацию по совокупности.

Ибатуллина Д.М. [3] отмечает, что в обозначенной выше ситуации очень важно правильно определить «объем» деяний и верно отнести их либо к статье 159 УК РФ, либо к статье 272 УК РФ. То есть необходимо произвести точную «границу», где закончился неправомерный доступ к компьютерной инфор-

мации, а где началось уже мошенничество.

Соответственно, в подобного рода ситуациях возникает сложность с определением момента окончания неправомерного доступа к компьютерной информации.

А.А. Южин [6] пишет, что при разграничении анализируемых составов преступлений важно установить не только сам факт преступных действий, но и их последствия, а также причинно-следственная связь, поскольку в силу разницы объектов преступлений мошенничество и неправомерный доступ к компьютерной информации обладают разными преступными последствиями. Приведем пример конкретной преступной схемы:

1. Мошенник создает фишинговый сайт, который по внешним признакам не отличим от настоящего.

2. Через сайт мошенник убеждает потенциальных жертв перевести денежные средства на так называемый «безопасный счет».

3. Мошенник получает денежные средства посредством применения денежного сайта.

В такой ситуации есть неправомерный доступ к компьютерной информации.

Данное разъяснение высшей судебной инстанции необходимо применять и при отграничении неправомерного доступа от общего состава мошенничества по статье 159 УК РФ, так как сам механизм совершения преступления, его содержания у анализируемых составов абсолютно различны, хоть в обоих механизмах и применяется сеть «Интернет».

Соответственно, мошенничество наносит вред праву собственности и собственническим отношениям, которые определяются на основе цивилистических начал, а неправомерный доступ к компьютерной информации наносит вред отношениям, связанных с нормальным оборотом и охраной такой информации.

Разграничение мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации при использовании сети «Интернет» должно производиться, в первую очередь, по следующим аспектам и элементам составов:

- объект преступления;
- предмет;
- наступившие последствия;
- причинно-следственная связь;
- по роли сети «Интернет» в механизме совершения преступления и достижения пре-

ступного последствия;

- по цели совершения преступлений;
- мотив;
- момент окончания преступления.

Подведем итоги.

Таким образом, можно заключить, что на современном этапе развития онлайн пространства и сети «Интернет» разграничение мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации зачастую становится непростой задачей, стоящей перед следственными органами. Ситуация может усложняться тем, что не редко неправомерный доступ к компьютерной информации применяется как подготовительный этап перед мошенническими действиями.

Именно поэтому очень важно в целях квалификации правильно определить момент

окончания как неправомерного доступа к компьютерной информации, так и мошенничества.

Необходимо также понимать, что применение сети «Интернет» обуславливает зачастую появления такого признака мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации, как трансграничный характер.

Именно применение сети «Интернет», как еще ее часто называют – «всемирной паутины» обуславливает несовпадение мест совершения преступления и наступления преступного последствия, что также является непростой задачей для следственного органа, что существенным образом усложняет деятельность, как по квалификации деяний, так и по разграничению анализируемых составов.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[2] Василенко А.В. Цифровое мошенничество как особая разновидность мошенничества: вопросы легализации и квалификации // Российский следователь. 2026. № 5. С. 40 - 44.

[3] Ибатуллина Д.М. Объективные признаки цифрового мошенничества и их значение для квалификации деяния / Д.М. Ибатуллина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 66 - 73.

[4] Хегай В. А. Мошенничество в сфере компьютерной информации: вопросы квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 11–2. — С. 136–139.

[5] Щур Д. Г. Мошенничество в сфере компьютерной информации как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения / Д. Г. Щур. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 25 (367). — С. 357-360.

[6] Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт / А.А. Южин // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 1. С. 141 - 145.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 10.06.2026, as amended on 29.06.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

[2] Vasilenko A.V. Digital Fraud as a Special Type of Fraud: Issues of Legalization and Qualification // Russian Investigator. 2026. No. 5. pp. 40-44.

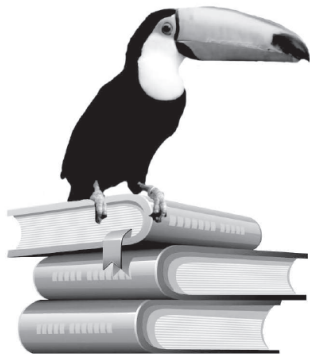
[3] Ibatullina D.M. Objective Features of Digital Fraud and Their Significance for Qualifying the Act / D.M. Ibatullina // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 16. No. 1 (59). P. 66 - 73.

[4] Khegay V. A. Computer Fraud: Qualification Issues // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - No. 11-2. - P. 136-139.

[5] Shchur D. G. Computer Fraud as a Crime: Qualification and Law Enforcement Issues / D.

G. Shchur. - *Direct Text // Young Scientist*. - 2021. - No. 25 (367). - P. 357-360.

[6] Yuzhin A. A. *Criminal-Law Characteristics and Qualification Issues of Fraud Using Payment Cards* / A. A. Yuzhin // *Socio-Economic Phenomena and Processes*. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 141-145.

A black and white illustration of a toucan perched on a stack of three books. The toucan is facing right, and the books are stacked horizontally.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛИДЖИЕВ Тагир Баатрович,
e-mail: tagirvika@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИК

Аннотация. Уголовное законодательство, как и иные отрасли права, находится в состоянии постоянного развития, отражая динамику общественных отношений, которые оно призвано регулировать. В сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, темпы технологического прогресса нередко опережают возможности правового реагирования, что формирует необходимость оперативного обновления уголовно-правовых позиций. В настоящей статье рассматриваются ключевые изменения уголовного законодательства Российской Федерации, в том числе в контексте новых составов преступлений, а также имеющихся правовых инициатив на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, пропаганда наркотических средств, сим-боксы, отягчающие обстоятельства, искусственный интеллект, VPN, квалификация преступлений, уголовная ответственность.

LIDZHIEV Tagir Baatrovich

CRIMINAL LAW ASPECTS OF COUNTERING CRIMES COMMITTED USING ICT

Annotation. Criminal law, like other branches of law, is in a state of constant development, reflecting the dynamics of public relations, which it is designed to regulate. In the field of countering crimes committed using information and communication technologies, the pace of technological progress often outstrips the possibilities of legal response, which creates the need for rapid updating of criminal law positions. This article examines key changes in the criminal legislation of the Russian Federation, including in the context of new crimes, as well as existing legal initiatives for the near future.

Key words: information and communication technologies, cybercrime, drug propaganda, sim boxes, aggravating circumstances, artificial intelligence, VPN, qualification of crimes, criminal liability.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и их внедрение во все сферы жизнедеятельности общества связано не только с положительными аспектами, но и появлением новых форм противоправного поведения. По данным Генеральной прокуратуры, «в современных условиях значительно трансформировались способы совершения преступлений, которые все чаще совершаются с использованием сети Интернет, средств мобильной связи и иных цифровых технологий» [6].

Уголовное законодательство, призванное

обеспечивать охрану наиболее значимых общественных отношений, должно оперативно реагировать на происходящие изменения, что находит выражение в регулярном обновлении уголовно-правовых норм. В период с 2024 года в российском уголовном праве принято ряд существенных шагов, связанных с введением новых составов преступлений и систематическим обсуждением качественных изменений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Одной из наиболее значимых новелл последнего времени является дополнение УК

РФ статьей 230.3 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» [2]. Федеральным законом от 08.08.2024 № 226-ФЗ с 1 сентября 2025 года вводится уголовная ответственность за пропаганду в сети «Интернет» незаконного оборота и потребления наркотических средств, психотропных веществ. Санкция статьи предусматривает наказание от штрафа в размере до 300 тысяч рублей до лишения свободы на срок до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. При этом норма распространяется на лиц, которые в течение года дважды привлекались к административной ответственности за аналогичные нарушения либо имеют судимость по такой статье [3].

Не менее значимые изменения затронули главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ указанная глава дополнена тремя новыми статьями – 274.3, 274.4 и 274.5. Как отмечает М.М. Лапунин, «за время своего существования гл. 28 УК РФ разрослась в три раза – до девяти статей. Показательно, что если первоначально доминировали нормы, направленные на защиту именно самой информации, то сегодня все больше норм устанавливается в части обеспечения надлежащего оборота аппаратных и программно-аппаратных средств» [4, с. 193]. Следовательно, можно отметить принципиальное изменение подходов законодателя к противодействию киберпреступности, смещение в сторону своевременного регулирования оборота средств, используемых непосредственно для совершения преступлений в цифровой среде.

Статья 274.3 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика (сим-бокса) или виртуальной телефонной станции, совершенное в целях совершения иного преступления либо повлекшее тяжкие последствия. Санкция части первой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а квалифицированные составы (совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) – до 5 и 6 лет лишения свободы соответственно.

Анализируя указанную новеллу, М.М. Лапунин обращает внимание на терминологические неточности и проблемы конструирования санкций. В частности, он отмечает не логичное различие всего в один год между деяниями, совершенными разными видами групп, а также указывает на проблему соотношения санкций уже имеющихся норм с появляющимися. Соглашаясь с мнением автора следует подчеркнуть, что дифференциация ответственности в зависимости от формы соучастия должна быть более последовательной и отражать действительную разницу в степени общественной опасности соответствующих форм совместной преступной деятельности [4].

Статья 274.4 УК РФ регулирует вопросы нелегальной продажи SIM-карт (включая eSIM), которые в дальнейшем используются мошенниками, террористами и иными преступниками. Статья 274.5 УК РФ устанавливает ответственность за организацию деятельности либо участие в деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса, иным лицам, если эти деяния совершены из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления. Значит, на практике осуществляется криминализация сбыта логинов и паролей от различных аккаунтов в сети «Интернет» [5].

Несмотря на происходящие изменения в правовых нормах, регламентирующих уголовную ответственность в рамках преступлений, совершаемых с использованием средств ИКТ, в настоящее время и в законодательстве, и в научной литературе отсутствует единый подход к определению понятия и содержания таких преступлений, а термин «киберпреступность», либо вовсе не упоминаются, либо упоминаются без должного раскрытия их содержания, что формирует множество различных трактовок. Учитывая вышесказанное, возникают фактические различия в понимании составов преступлений, затрудняя работу следователей и судей.

Развитие уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере ИКТ не ограничивается введением новых составов в УК РФ. В июле 2026 года Следственный комитет

Российской Федерации выступил с масштабной законодательной инициативой, предполагающей закрепление в Общей части УК РФ нормы, признающей применение ИКТ, а также искусственного интеллекта отягчающим наказанием обстоятельством. Как сообщил Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин, новые технологии сейчас применяются злоумышленниками даже при совершении убийств, террористических актов и экстремистской деятельности. При этом частичные правки отдельных статей неэффективны из-за стремительного развития цифровой среды, поэтому необходим такой подход, который охватит все виды уголовных деяний без исключения [7].

Важно подчеркнуть, что вышеуказанная инициатива не ограничивается только использованием искусственного интеллекта, в число отягчающих обстоятельств предлагается включить также применение VPN-сервисов и прокси-серверов. В настоящее время использование VPN-сервисов в России само по себе не является нарушением законодательства, однако универсального превентивного механизма в законе пока нет.

Обобщая результаты проведенного анализа, можно констатировать, что уголовное законодательство Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, находится в стадии активного развития. В период 2024-2025 гг. были введены новые составы преступлений, отражающие современные аспекты цифровой среды, в том числе: ст. 230.3 УК РФ, направленная на противодействие пропаганде наркотических средств в сети «Интернет», а также ст. 274.3, 274.4, 274.5 УК РФ, криминализиру-

ющие незаконный оборот средств, используемых для совершения преступлений в сфере компьютерной информации. В июле 2026 года Следственным комитетом Российской Федерации инициировано обсуждение изменений Общей части УК РФ, предполагающих признание использования ИКТ, искусственного интеллекта, VPN-сервисов и прокси-серверов отягчающим наказанием обстоятельством.

Однако в текущих реалиях перечень вводимых новелл имеет и объективные недостатки, касающиеся как несовершенства технической терминологии, применяемой в уголовном законодательстве, так и проблемы квалификации новых составов по совокупности с иными преступлениями, а также недостаточное единообразие применения на практике уголовно-правовых норм. При этом внесенные в последние годы изменения в содержание глав УК РФ имеют определенный потенциал, способный оказать влияние на противодействие посягательствам на общественную безопасность. Однако на практике реализация потенциала будет возможна лишь при охвате изменениями всех правовых норм, включая как приведение к единой трактовке ключевых терминов, так и пересмотра подходов к правилам квалификации, согласованности санкций, установленных статьями УК РФ.

Кроме того, требуется дальнейшее теоретическое осмысление проблем квалификации новых составов по совокупности с иными преступлениями, а также разработка соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Только при условии решения указанных задач уголовно-правовые нормы смогут в полной мере выполнять свою охранительную функцию в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. на 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4922.
- [3] Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 5123.
- [4] Лапунин М.М. Уголовно-правовые запреты относительно оборота средств, исполь-

зуемых для посягательств в сфере компьютерной информации: законодательные новеллы и их потенциал // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 5 (166). С. 191-198.

[5] Середа С.П. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий: научные подходы к определению и проблемы законодательного закрепления // *International Law Journal*. 2025. Т. 8. № 8. С. 207-214.

[6] Координационное совещание по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации // [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e468456/> (дата обращения: 16.05.2026).

[7] СК предложил считать использование ИИ и VPNотягчающим обстоятельством // [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/4051930> (дата обращения: 16.05.2026).

References:

[1] *Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 26.07.2026)* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

[2] *Federal Law of 08.08.2024 No. 226-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2024. No. 33 (Part I). Art. 4922.

[3] *Federal Law of 31.07.2025 No. 282-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2025. No. 31. Art. 5123.

[4] Lapunin M.M. Criminal-legal prohibitions regarding the circulation of funds used for encroachments in the field of computer information: legislative innovations and their potential // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2025. No. 5 (166). Pp. 191-198.

[5] Sereda S.P. The concept of crimes committed with the use of information, telecommunications and digital technologies: scientific approaches to definition and problems of legislative consolidation // *International Law Journal*. 2025. Vol. 8. No. 8. Pp. 207-214.

[6] Coordination meeting on issues of counteracting crimes committed with the use of information and telecommunications networks, digital currency and computer information // [Electronic resource]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e468456/> (accessed: 16.05.2026).

[7] The Investigative Committee proposed considering the use of AI and VPN as an aggravating circumstance // [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/4051930> (accessed: 16.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.08.2026

DOI: 10.24412/3034-4395-2026-3-144-153

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государства и права юридического факультета,
Абхазский государственный университет,
Сухум, Абхазия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО АБХАЗСКОГО НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ АБХАЗИИ (1992–1993 гг.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается историко-правовой аспект борьбы абхазского народа за право на самоопределение и восстановление суверенной государственности в период Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Автор прослеживает эволюцию абхазо-грузинских противоречий с XIX века, раскрывает механизмы подавления абхазской идентичности в советский период и анализирует правовые основания претензий Абхазии на самостоятельность. Особое внимание уделено вооружённому конфликту 1992–1993 гг.: его причинам, характеру, нарушениям международного гуманитарного права со стороны Грузии, а также международно-правовым аргументам в пользу легитимности стремления Абхазии к независимости. В работе сопоставляются позиции ключевых акторов (Абхазии, Грузии, России, международных организаций), приводятся экспертные оценки (С. В. Черниченко, Л. М. Карапетян и др.) и делается вывод о состоятельности Абхазии как государства и обоснованности права её народа на самоопределение.

Ключевые слова: право, самоопределение народа, Абхазия, Грузия, суверенитет, вооружённый конфликт 1992–1993 гг., международное право, историко-правовой анализ, национально-освободительное движение, территориальная целостность, Женевские конвенции.

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of State and Law, Faculty of Law,
Abkhazian State University,
Sukhum, Abkhazia

THE RIGHT OF THE ABKHAZIAN PEOPLE TO SELF-DETERMINATION AND THE RESTORATION OF THE SOVEREIGN STATEHOOD OF ABKHAZIA (1992-1993): HISTORICAL-THE LEGAL ASPECT

Annotation. The article examines the historical and legal aspects of the Abkhazian people's struggle for the right to self-determination and the restoration of sovereign statehood during the Patriotic War of the Abkhazian People in 1992-1993. The author traces the evolution of the Abkhazian-Georgian conflicts since the 19th century, reveals the mechanisms of suppressing Abkhazian identity during the Soviet period, and analyzes the legal grounds for Abkhazia's claims to independence. Special attention is paid to the armed conflict of 1992–1993: its causes, nature, violations of international humanitarian law by Georgia, and international legal arguments in favor of the legitimacy of Abkhazia's desire for independence. The paper compares the positions of key

actors (Abkhazia, Georgia, Russia, and international organizations), provides expert assessments (by S. V. Chernichenko, L. M. Karapetyan, and others), and concludes that Abkhazia is a viable state and that its people have a legitimate right to self-determination.

Key words: *law, self-determination of the people, Abkhazia, Georgia, sovereignty, armed conflict of 1992–1993, international law, historical and legal analysis, national liberation movement, territorial integrity, Geneva Conventions.*

Советский Союз на протяжении 70 лет своего существования сдерживал исторически сложившиеся противоречия и конфликты в «дружной семье» советских народов. Одним из таких узлов противоречий являлись взаимоотношения Абхазии и Грузии, в первую очередь, абхазов и грузин.

Этот конфликт имел глубокие корни, уходящие во вторую половину XIX века, когда опустевшие после Кавказской войны абхазские земли стали активно заселяться колонистами из Грузии.

В 1918 г. попытки самоопределения Абхазии были подавлены войсками Грузинской Демократической Республики, что также не способствовало укреплению взаимопонимания между двумя соседними народами.

31 марта 1921 г. была образована независимая ССР Абхазия, однако просуществовала она недолго и в начале 1922 г. под нажимом Сталина была вынуждена подписать Союзный договор с ССР Грузия.

В 1931 г. Абхазия была введена в состав Грузинской ССР на правах автономной республики.

Весь советский период был отмечен непрерывными усилиями Грузии, направленными на ассимиляцию абхазов и поэтапную ликвидацию абхазской государственности, и столь же упорной борьбой абхазов за сохранение своей этнической идентичности и повышение статуса Абхазии до уровня союзной республики. В таких условиях происходило формирование двух национальных проектов, вступавших в острое противоречие друг с другом [7, с. 29].

Однако, эта непрекращающаяся борьба, как правило, не выплескивалась за политические рамки, т. к. мощная машина подавления, существовавшая в СССР, сдерживала угрозу прямого столкновения между абхазами и грузинами.

В 1989-1991 гг. произошло правовое размежевание между Абхазией и Грузией. В результате этого Грузинская ССР прекратила

существование, а на ее месте возникло два независимых друг с другом государства - Грузия, заявившая о своей независимости, и Абхазия, которая в соответствии с советским законодательством того периода осталась субъектом Советского Союза.

Распад Советского Союза, в определенной степени выполнявшего функции гаранта сохранения малых народов и их государственности, породил у Грузии уверенность в том, что она путем силового давления окончательно решит проблему Абхазии.

Этому способствовало состояние грузинского общества, находившегося в состоянии националистического угара, порожденному многолетней пропагандой национальной исключительности, осуществлявшейся грузинском политической и интеллектуальной элитой.

Абхазский народ в Советском Союзе вел национально-освободительную войну и боролся за свое право на самоопределение в 1957, 1965, 1967, 1978, 1989 годах. В 1978 году в Абхазии был проведен референдум о выходе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. На площади Ленина в Сухуми состоялся двадцати пяти тысячный митинг. Выход Абхазии из состава Грузии, «абхазский вопрос», рассматривался представителями ЦК КПСС, которые были вынуждены приехать в Абхазию: И. В. Капитонов, В. И. Бровиков, А. С. Сенникова, В. В. Васильев, В. П. Рубен, В. Н. Кудрявцева, Э. А. Шеварнадзе, Г. Б. Колбин. В 1978 году абхазский народ мирным путём поставил вопрос о самоопределении [5, с. 42-43].

«Вопрос о вхождении Абхазии в состав Грузии раз и навсегда решён! У вас не спросят, кого заселить в Абхазию. Сочтено нецелесообразным в какой - либо форме решать вопрос выхода Абхазии из состава Грузии» [5, с.43] – принятое решение в корне противоречило ленинской национальной политике. Так было решено на бюро Абхазского обкома КП Грузии.

Но требование Абхазии о восстановлении

ее законных прав и государственности, утраченной по волеизъявлению одного человека до сих пор воспринимается руководством Грузии как национализм и сепаратизм и подавляется всем арсеналом средств государства вплоть до военных действий в 1992 году.

Пакт Бриана-Келлога, принятый в 1928 году, юридически запретил войну как способ разрешения конфликтов. Ст. 33 Устава ООН обязывает все государства разрешать споры только мирными средствами. Это требование содержится и в п. 3 ст. 2 Устава ООН: «Все члены ООН разрешают свои споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость». В ст. 38 Статута Международного Суда ООН говорится, что споры разрешаются на основе международного права, справедливости и доброй совести. У государства есть только право выбора мирных средств разрешения спора.

Вооружённое вторжение Грузии на территорию Абхазии является началом войны международного характера, хотя Республика Грузия представляет агрессию против Абхазии как внутреннее дело грузинского государства. Однако сам факт обращения Грузии за помощью в Совет Безопасности ООН, в ОБСЕ, к Генеральному Секретарю НАТО М. Вернеру, угроза передачи дела на рассмотрение Международного Суда ООН являются признанием самой Грузией международного характера конфликта [12, с. 90]. Своим обращением в международные органы руководство Грузии признаёт, что ситуация в Абхазии выходит за рамки внутренней компетенции Республики Грузия и носит межгосударственный характер, так как, «согласно п.7 ст.2 Устава ООН, Совет Безопасности дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства и внутренние конфликты не рассматривает».

У государства сейчас нет права на войну. Никакие поводы и причины не могут оправдать военные действия государства. Правомерное применение вооружённой силы и ведение войны оправданно только против колониального господства, иностранной оккупации, расистских режимов, осуществление нацией права на самоопределение – любые национально-освободительные войны. Данная норма закреплена в Дополнительном протоколе 1977 г. Следовательно, вооружённый конфликт в Абхазии но-

сит международный характер и расценивается как ведение войны, что в соответствии с п. 1 ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала является международным преступлением.

Грузинские войска использовали запрещённые средства и методы ведения войны, жестокое обращение с военнопленными, мирным населением, захват общественной, частной собственности, – данные преступления квалифицируются как военные в Римском Статуте Международного уголовного суда (1 июля 2002 г.).

Интересен тот факт, что Абхазия после распада СССР не объявила свою независимость, на что имела законное право, а предложила «проект договора, согласно которому Грузия стала бы федеративным государством, частью которого была бы Абхазская Республика». Парламент Абхазии в обращении к Госсовету Грузии от 12 августа 1992 года заявил о «своем желании сохранить связи с Грузией». «Мы, депутаты Верховного Совета Республики Абхазия, заявляем, что свою часть пути в направлении возрождения отношений между абхазским и грузинским народами пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая наша рука не повиснет в воздухе» [16, с.22].

Свержение первого Президента Грузии З. Гамсахурдиа и приход к власти Госсовета во главе с Э. Шеварднадзе раскололи грузинское общество по политическому признаку. В этих условиях новые Грузинские власти сочли, что единственным способом объединения грузинского народа может стать маленькая победоносная война. Уверенности в собственных силах придавало большое количество вооружений, полученных Госсоветом по Ташкентскому соглашению. Именно поэтому власти Грузии проигнорировали предложение Верховного Совета Абхазии о восстановлении отношений на новой равноправной федеративной основе.

По Ташкентскому Соглашению от 15 мая 1992 года Грузия получила 12 ударных вертолетов, более 350 единиц бронетанковой техники, более 3000 единиц автомобильной техники, 15 комплектов наземной техники и оборудования ПВО, более 400 орудий полевой артиллерии, 49 минометов, более 47 тысяч единиц стрелкового оружия и средств ближнего боя, более 230 вагонов боеприпасов. Здесь

есть два нарушения: 1. Оружие могло быть передано только членам СНГ. К моменту получения оружия Грузия не была участницей СНГ. Произошла неправомерная передача оружия. 2. Данное вооружение, по Ташкентскому Соглашению, не могло использоваться в военных целях [15, с.3].

14 августа 1992 г. Грузия начала вооруженную агрессию против Абхазии. Войска Грузии под предлогом обеспечения безопасности железнодорожного сообщения, а также освобождения заложников, якобы удерживаемых «звиадистами» (сторонниками З.К. Гамсахурдия – Президента Грузии, свергнутого в декабре 1991 г.) в Галском районе, вторглись на территорию Абхазии и начали стремительно продвигаться к столице республики Сухуму. В соответствии с планом военной операции под кодовым названием «Меч», войска должны были проследовать ночью по железной дороге и высадить свои подразделения во всех узловых пунктах, установив к утру контроль над всей территорией Абхазии. Это было началом войны, открытой агрессии со стороны Грузии [15, с.4].

Из резолюции III Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в Нидерландах, Гааге 24 января 1993 года «По положению в республике Абхазия»: «Ввод грузинских войск на территорию Республики Абхазия привёл к многочисленным жертвам среди мирного населения... Акты насилия над мирным населением, преследование людей по национальному признаку и политическим убеждениям со стороны грузинских войск приняли массовый характер. Грузинскими войсками используется оружие массового поражения, запрещённое международными соглашениями... Ассамблея выражает обеспокоенность, что решение проблем национальных отношений посредством насилия становится нормой для руководства Грузии, о чём свидетельствуют военные действия в Абхазии, Южной Осетии, так и внутри самой Грузии. Ассамблея вынуждена констатировать, что политика руководства Грузии направлена на подавление прав и свобод соседних народов и «призывает» к строгому соблюдению «права народа на самоопределение» [17].

Абхазы и грузины – неродственные народы. Они имеют разное генетическое происхождение, их языки принадлежат к разным

лингвистическим семьям, у них сложились разные обычаи, традиции, материальная и духовная культура, национальный менталитет. Ближайшие этнокультурные и языковые сородичи абхазов, автохтонного коренного населения Кавказа, проживают на Северном Кавказе. Это – абазыны, адыгейцы, кабардинцы и другие горские народы [1, с.53].

Необходимо отметить, что краткий обзор историко-правовых взаимоотношений Абхазии и Грузии, свидетельствуют об абсурдности тезиса «нарушение территориальной целостности» несуществующей Грузинской ССР. Между тем руководство Республики Грузия с помощью именно этого тезиса пыталась оправдать в глазах всего мира свою варварскую акцию в Абхазии, проводя политику не прикрытого государственного терроризма.

В этих условиях оказать существенное влияние на развитие событий в Абхазии не удалось и другим государствам.

Л. М. Карапетян считает, что «согласно международным нормам вопрос о самоопределении конкретного народа решается именно им и другими смешанно проживающими на этой территории народами, а не по согласованию со всеми остальными гражданами данного государства» [9, с.273].

«Признание права на самоопределение вплоть до отделения создает новое качество государства как добровольного союза» [10], – считает профессор международного права и сравнительного правоведения Сойли Нистен-Хаарала.

Право на отделение, как реализация права народов на самоопределение, допустимо, с нашей точки зрения, в крайнем случае: когда стремление к независимости глубоко и прочно; когда совместное пребывание в одном государстве не может быть приемлемым обеими сторонами в силу исторических событий и реалий настоящего времени.

Состоявшаяся 3 сентября 1992 г. в Москве встреча Президента России Б.Н. Ельцина, Председателя Госсовета Грузии Э.А. Шеварднадзе и Председателя Верховного Совета Абхазии В.Г. Ардзинба, а также руководителей северокавказских республик, краев и областей Российской Федерации завершилась подписанием Итогового документа, которым не предусматривалось главное условие достижения

мира – вывод грузинских войск из Абхазии. Хотя в Заявлении Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 7 сентября 1992 г. №9 3445-1 «В связи с итогами Московской встречи 3 сентября 1992 года» прямо указывалось, что «дальнейшей стабилизации обстановки в зоне конфликта должен послужить вывод из Абхазии вооруженных сил Республики Грузия, а также разоружение, расформирование и вывод с ее территории вооруженных добровольческих формирований и отдельных вооруженных лиц, прибывших из иных регионов» [13, с.134]. В этом же Заявлении для характеристики начавшихся событий были использованы понятия «агрессия» и «война».

Позиция России в этой ситуации носила противоречивый характер. Сохраняя политические и экономические отношения с Грузией и реализуя все договоренности, достигнутые ранее, она продолжала передачу Грузии военной техники, предоставляла кредиты, поставляла нефтепродукты и продукты. Такие действия получили оценку в Постановлении Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 30 апреля 1993 г. № 4913-1, в котором прямо указывалось, что не выполняются рекомендации Верховного Совета Российской Федерации Правительству Российской Федерации приостановить до урегулирования конфликта в Абхазии передачу Республике Грузия вооружений, прекратить поставки боевой техники и боеприпасов по ранее заключенным контрактам, воздержаться от заключения с ней экономических соглашений.

Следует отметить, что по отношению к начавшейся войне в России фактически сформировались две официальные позиции. Одна из них, связанная в основном с поддержкой руководства Грузии, осуществлялась Президентом Российской Федерации и ее Правительством. Вторая, во многом противоположная позиция, отражавшая нарастающий раскол в России между законодательной и исполнительной властью, проводилась ее парламентом. С решительным осуждением политики Грузии выступил Верховный Совет России, который в своем Заявлении от 25 сентября 1992 г. №9 3541-1 «В связи с событиями в Абхазии» [14, с.152] осудил действия руководство Грузии, предпринявшего попытку путем насилия решить сложные проблемы межнациональных

отношений, и потребовал немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительного выполнения международных пактов по правам человека.

Верховный Совет Российской Федерации, подтвердив свою твердую приверженность политическим методам решения межгосударственных и межнациональных проблем, отметил, что с удовлетворением воспринимает выраженное в Обращении Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации от 23 марта 1993 г. желание народов Абхазии войти в состав или под покровительство Российской Федерации. Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации было рекомендовано в соответствии с нормами международного права, прежде всего уважая права человека и права народов на самоопределение, активизировать переговоры с руководством Республики Грузия по этому вопросу для нормализации обстановки в Абхазии [4, с.64].

В этот самый трудный для Абхазии период войны помощь ее народу оказала Группировка российских войск в Абхазии, которая не подчинялась командованию Закавказского военного округа, а также лидеры многих субъектов Российской Федерации. Во многих субъектах Российской Федерации были созданы официальные представительства Республики Абхазия: первоначально – в республиках Северного Кавказа, затем – в Татарстане и Башкортостане [3, с.147].

На помощь Абхазии пришли народы Кавказа. Организующим центром добровольческого движения в защиту Абхазии стала Конфедерация народов Кавказа. В Кабардино-Балкарии и Чечне, Адыгее и Карачаево-Черкесии, Северной и Южной Осетии прошли организованные Конфедерацией многолюдные митинги, были созданы штабы по записи добровольцев. В числе добровольцев были казаки и потомки кавказских махаджиров из Турции и других стран Ближнего Востока. Поддержку Абхазии оказали и зарубежные страны. Новым экономическим партнером республики выступила Турция, из которой в Абхазию поставлялись продовольствие и топливо [14, с.199].

В январе 1993 г. в Гааге (Голландия) на Генеральной Ассамблее Организации непри-

знанных народов была принята резолюция по Абхазии, которая резко осудила позицию Грузии в этой войне. 26 января 1993 г. в Тирасполе Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики ратифицировал договор о дружбе и сотрудничестве с Республикой Абхазия. Такой же договор был заключен с Гагаузской Республикой. 7-8 октября 1992 г., в историческом центре Абхазии – селе Лыхны – состоялся I Всемирный конгресс абхазо-абазинского (абазы) народа, проведение которого планировалось еще до агрессии Грузии против Абхазии. На съезд приехали представители абхазо-абазинских диаспор Турции, Германии, Франции, Голландии, стран Ближнего Востока, Америки, СНГ, доказав решимость отстаивать независимость своей исторической родины [14, с.216].

В начале октября 1992 г. силы абхазского народного ополчения перейдя в наступление на гагрско-бзыбском направлении, освободили от грузинских вооруженных формирований город Гагру. 6 октября 1992 г. на границе с Россией у реки Псоу был поднят флаг Республики Абхазия. 11 октября 1992 г. постановлением Президиума Верховного Совета Республики Абхазия было образовано Министерство обороны Абхазии, которому было поручено в недельный срок сформировать на базе народного ополчения Вооруженные Силы Республики Абхазия. При Министерстве обороны Республики Абхазия был создан Генеральный штаб.

В условиях продолжавшейся войны, формируя военные структуры, руководство Абхазии продолжало предпринимать и политические действия. 23 марта 1993 г. был создан Государственный комитет Республики Абхазия по делам репатриации граждан, принято Постановление «О порядке приема в гражданство Республики Абхазия отдельных категорий граждан иностранных государств», которым обеспечивались упрощенные процедуры для возвращения на историческую родину потомков абхазских махаджиров XIX в. Одновременно было принято Обращение к Президенту и Верховному Совету Российской Федерации с просьбой в соответствующей международно-правовой форме вернуть Абхазию в состав России либо взять ее под свое покровительство.

Успешные военные действия народного

ополчения Абхазии, их поддержка со стороны других народов обусловили определенную коррекцию позиции Грузии, прежде всего, ее законодательного органа. Парламент Грузии принял 22 апреля 1993 г. обращение к абхазскому народу. Через день, 24 апреля, Верховный Совет Республики Абхазия сделал заявление, в котором, в частности, было сказано, что он приветствует это обращение, ибо «впервые за восемь месяцев парламент Грузии, наконец, призвал не «всеобщей мобилизации, а к прекращению войны». Верховный Совет Республики Абхазия выразил согласие обсудить вывод войск из Абхазии, если парламент Грузии действительно отказался от силового решения проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии и готов вывести войска с территории Абхазии.

14 мая 1993 г. руководством России и Грузии было заключено очередное соглашение о прекращении огня в Абхазии. И хотя такое соглашение было подписано без участия Абхазии, Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики Абхазия В.Г. Ардзинба, демонстрируя добрую волю издал приказ о прекращении боевых действий в означенное время. 27 июля 1993 г. в г. Сочи было подписано Соглашение о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением. В соответствии с ним предусматривалось до 5 августа 1993 г. сформировать объединенную комиссию по урегулированию конфликта в Абхазии с участием представителей и наблюдателей от ООН, ОБСЕ, а также приглашением и использованием в зоне конфликта международных наблюдателей и миротворческих сил. В течение 10-15 дней со дня прекращения огня с территории Абхазии должны были быть выведены вооруженные формирования республики Грузия, а вооруженные формирования абхазской стороны - переведены на казарменное положение. Стороны должны были создать условия для возобновления нормальной деятельности законных органов власти в Абхазии [18, с. 11].

Трехсторонний пресс-центр Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии неоднократно констатировал, что если Абхазия план и график разъединения и вывода войск из зоны конфликта выполняет неукоснительно, то Грузия постоянно его срывает. Более того, положения Соглашения о возобновлении дея-

тельности законных органов власти в столице Абхазии было подвергнуто грузинской стороной односторонней ревизии.

В этих условиях Верховный Совет Республики Абхазия в своем Обращении к Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии от 11 сентября 1993 г. заявил, что дальнейшее участие абхазской части в ее работе возможно лишь при условии получения гарантий выполнения грузинской стороной всех решений комиссии. Не получив их, Абхазия возобновила боевые действия.

Возобновление военных действий со стороны Абхазии позволило к вечеру 25 сентября 1993 г. освободить важнейшие районы столицы. Командование Вооруженными силами Республики Абхазии во избежание бессмысленного кровопролития обратилось к командованию грузинских войск с предложением покинуть город. Предложение не было принято. 27 сентября 1993 г. столица Абхазии была освобождена полностью. 30 сентября 1993 г. Вооруженные Силы Абхазии совместно с отрядами Конфедерации горских народов Кавказа и добровольцами из других стран вышли на границу Абхазии и Грузии по реке Ингур. 1 декабря 1993 г. во время начавшихся в Женеве мирных переговоров между представителями Абхазии и Грузии был подписан Меморандум о понимании [2, с.227].

В связи с вышеизложенным, становится очевидной несостоятельность претензий и ссылок Грузии на общепризнанные принципы территориальной целостности государства (Грузии), неприкосновенности границ, так как на протяжении всего времени Грузия и Абхазия имели определенные, зафиксированные тем или иным образом свои территории и границы.

Признание права на самоопределение вплоть до отделения создает новое «качество» государства как добровольного союза. В этом заключается ценность данного права. Политические кризисы, разрушение функционирования государства, сохранение в пределах государства недовольной нации могут быть значительно более разрушительными, чем предоставление отдельной нации (народу) возможности реализовать право на самоопределение. Государство, основанное на насилии и недовольстве входящих в него народов, не имеет

будущего, его гибель и распад неизбежны.

После распада СССР впервые за многие годы появилась возможность на основе норм международного права осуществить национально-государственное самоопределение всех народов бывшего Союза ССР [6, с.97].

Многие народы, приняв соответствующие Декларации и решения о своем суверенитете и независимости, выбрали этот цивилизованный путь самостоятельной государственности, соответствующий требованиям международного права [10, с.27]. Этот путь избрали себе Абхазия и ее народ.

Как было отмечено выше, Грузинские войска были изгнаны из Абхазии 30 сентября 1993 г. Абхазия выстояла и победила, но вышла из войны, понеся в ней тяжелые потери. За свободу и независимость своей родины сложили свои головы две тысячи сынов и дочерей Абхазии. Экономика была разрушена.

Однако, несмотря на все это, Абхазия в тяжелейших условиях послевоенного времени и, мягко говоря, в атмосфере недоброжелательного окружения, приступила к закреплению итогов войны – строительству независимого государства.

В этот тяжелый период для Абхазии абхазский народ показал свою решимость отстаивать независимость Абхазии и свое право на достойную жизнь. Трудно переоценить выдающуюся историческую роль и мужество Председателя Верховного Совета Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинба, который призвал народ Абхазии к сопротивлению и возглавил эту справедливую борьбу. Если бы не было консолидации народа и руководства, то нет никакого сомнения, в том, что абхазский народ был бы уничтожен. Безусловно, готовность абхазского народа и руководства бороться за свои неотъемлемые права явилась решающим фактором в достижении независимости Республики Абхазия.

Профессор СВ. Черниченко [15, с.16], считает, что право на самоопределение предполагает право на отделение в четырех случаях.

1. Когда народы находятся в колониальной зависимости, то есть речь идет об определенных территориях в Азии, Африке и Латинской Америке, которые когда-то были завоеваны государствами Европы. Генеральная Ассамблея ООН утвердила список территорий, под-

лежащих деколонизации, то есть попадающих под понятие колониальных народов. Вопрос о том какие народы были колониями, а какие нет, в ООН не получил однозначного ответа. «Некоторые страны на своей собственной территории имеют целые области с четко обозначенными границами, с гомогенным по составу населением, которое не совпадает по этническому, языковому и культурному признакам с остальным населением данной страны. Это население лишено избирательных прав, не принимает участие в политической жизни и не имеет ни каких прав на самоуправление или самоопределение ни в каком смысле этого слова». Положение внутри таких государств может быть сопоставимо с положением в колониально зависимых странах. Большинство коренных народов подверглись колонизации, и их положение в прошлом есть результат того самого колониализма, средством избавления от которого и служит право на самоопределение.

Принцип восстановления исторических прав здесь, по мнению С. В. Черниченко, также должен учитываться – на этом основании Великобритания вернула Китаю – Гонконг, а Португалии – Макао.

2. Когда территория, на которой проживал какой-то народ, подверглась фактической аннексии после 1945 года, то есть после принятия Устава ООН и утверждения в международном праве принципа равноправия и самоопределения народов. В экспертном заключении Института государства и права РАН «О государственно-правовых отношениях между Грузией и Абхазией в настоящее время» говорится: «с точки зрения законодательства Грузии, принятого в 1989 -1991 гг. и получившего развитие в позднейших актах, Абхазия не может рассматриваться в качестве субъекта определенных правоотношений в составе Грузии, и государственно-правовые отношения между Абхазией и Грузией прекратились» [18, с.79]. Следовательно, развязывание Грузией 14 августа 1992 года войны против Абхазии с юридической точки зрения необходимо рассматривать как акт агрессии против суверенного государства с целью ее последующей аннексии. Думается, что аналогичная ситуация была у Ирака с Кувейтом и мировое сообщество приняло все необходимые меры против государства агрес-

сора.

3. Когда Конституция какого-либо государства предусматривает возможность выхода территории, населенной определенным народом, из состава государства. И Грузия, и Абхазия вышла из состава СССР на основании одного и того же Закона СССР от 3 апреля 1993 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Закон разрешал выход из состава СССР союзным и автономным республикам. В соответствии со ст. 3 Закона СССР от 3 апреля 1990 года Абхазия приняла решение о проведении референдума и самостоятельно решила вопрос о своем государственном статусе. Легитимность референдума и данные по его проведению были подтверждены Центральной комиссией референдума СССР.

4. Если какое-либо государство не соблюдает в отношении живущих на его территории народов принцип равноправия и самоопределения народов и не обеспечивает без дискриминации представительство всех слоев населения в органах власти, то такой народ может ставить вопрос об отделении, а также о создании собственного государства, выхода из государства или о воссоединении с другим государством.

Все четыре упомянутых случая не взаимосвязаны друг с другом и любого из них достаточно для признания за народом права на самоопределение. Это мнение С. В. Черниченко, который в течение 10 лет был экспертом ООН по правам человека, и профессор А. Эйда (Норвегия), работника Подкомиссии ООН поощрению защиты прав человека. Эта точка зрения получила единодушное одобрение, и, по мнению С. В. Черниченко, «ни разу в ООН этих выводов никто не оспаривал» [16].

Для Абхазии, ведущей национально-освободительную войну и реализующей право на самоопределение, война является справедливой и правомерной. Независимо от характера войны соблюдение законов и обычаев войны, закреплённых в международном гуманитарном праве, является обязательным для воюющих сторон. Грузией были нарушены все четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. [12]: использовались запрещённые средства и методы ведения войны, бесмысленно разрушались и грабились города

и населённые пункты, уничтожались культурные ценности, жестокое обращение с военнопленными и ранеными. Из оккупированных территорий насильственно были депортированы 12 тысяч греков и практически все евреи. После войны многие из них вернулись на Родину.

В настоящее время, несмотря на то, что независимость Абхазии пока не получила широкого признания, международное сообщество не может не считаться с тем, что Республика Абхазии состоялась как государство. От положения в Абхазии зависит стабильность во всем кавказском регионе, этим и объясняется пристальное внимание к Абхазии международных организаций и великих государств, чьи интересы задействованы в регионе.

Несмотря на непростые политические и экономические условия абхазский народ не отказался от построения независимого государства, что отчетливо проявилось в ходе референдума 3 октября 1999 г., по результатам

которого 12 октября был принят Акт о государственной независимости Абхазии. Эта воля народа служит основой позиции руководства Абхазии на переговорах, именно поэтому они не намерены обсуждать проекта, предусматривающие включение Абхазии в состав Грузии.

26 ноября 1994 г., несмотря на противодействие, была принята Конституция Республики Абхазия. В тот же день, согласно новому Основному Закону, Верховный Совет избрал В. Ардзинба первым Президентом Республики Абхазия, инаугурация которого состоялась 6 декабря [17, с.26]. Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение.

На наш взгляд, Республика Абхазия имеет хорошие перспективы в достижении тех справедливых целей, к которым так долго стремился абхазский народ.

Список литературы:

- [1] Авидзба А. Ф. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.) Книга I. Сухум, 2013.
- [2] Авидзба А.Ф. О некоторых вопросах становления и укрепления абхазской государственности (1993-2010 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.
- [3] Авидзба А.Ю. О политической стратегии международного сообщества на начальном этапе грузино-абхазской войны (1992-1993 гг.). Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.
- [4] Авидзба А.Ю. Становление независимого абхазского государства и Российская Федерация (1993-2008 гг.). Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М.: ИВ РАН, 2013.
- [5] Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. - Сухум, 1996.
- [6] Ачугба Т.А. Этнополитическая ситуация в предвоенной Абхазии (конец 80-х - начало 90-х гг. XX века) Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005 г.
- [7] Ачугба Т.А. К обоснованию государственной независимости Абхазии / Т.А. Ачугба. - Сухум, 2002.
- [8] Грузины и абхазы. Путь к примирению/общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. - М., 1998.
- [9] Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. - М., 2001.
- [10] Кеца В.В. Международно-правовое признание суверенных государств. Курс лекций. Москва, 2012.
- [11] Нодия Г.А. Политическая смута и экстерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе. - М, 1996.
- [12] Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. - М., 1996.
- [13] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии (1992-1993 гг.). В

документах / под ред. В. Г. Ардзинба. Сухум, 2004.

[14] Ходжава Р.В. Хроники Отечественной войны народа Абхазии в воспоминаниях: книга в 2-х т. - Сухум.: Изд-во «Алашарбага», 2013.

[15] Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. - 1996. - №4.

[16] Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость//Национальные интересы. - М., 2000. - №1.

[17] Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования. Абхазия – Грузия. Препятствия на пути к миру. - Кн. 2. - Сухум, 2000.

[18] Шамба Т. М. Национальная политика и национально - государственное устройство Российской Федерации. - М., 2000.

References:

[1] Avidzba A. F. Problems of the Military-Political History of the Patriotic War in Abkhazia (1992-1993). Book I. Sukhum, 2013.

[2] Avidzba A. F. On Some Issues of the Formation and Strengthening of Abkhaz Statehood (1993-2010). Abkhaz Studies. Archaeology. History. Ethnology. Part VII. Sukhum, 2012.

[3] Avidzba A. Yu. On the Political Strategy of the International Community at the Initial Stage of the Georgian-Abkhaz War (1992-1993). Abkhaz Studies. Archaeology. History. Ethnology. Part VII. Sukhum, 2012.

[4] Avidzba A. Yu. Formation of the Independent Abkhaz State and the Russian Federation (1993-2008). Scientific Notes of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus, and the Ural-Volga Region, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Vol. 1. Abkhazia. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2013.

[5] Adzhinjal, E.K. From the History of Abkhaz Statehood. Sukhum, 1996.

[6] Achugba, T.A. Ethnopolitical Situation in Pre-War Abkhazia (Late 1980s – Early 1990s) Caucasian Studies: Research Experience. Proceedings of the International Scientific Conference. Vladikavkaz, 2005.

[7] Achugba, T.A. Toward a Justification of the State Independence of Abkhazia / T.A. Achugba. Sukhum, 2002.

[8] Georgians and Abkhazians. The Path to Reconciliation / general editors B. Koppieters, G. Nodia, Yu. - M., 1998.

[9] Karapetyan L. M. Federal structure of the Russian state. - M., 2001.

[10] Ketsba V. V. International legal recognition of sovereign states. Lecture course. Moscow, 2012.

[11] Nodia G. A. Political turmoil and extraterritorial conflicts in Georgia // Disputed borders in the Caucasus. - M., 1996.

[12] Basic provisions of the Geneva Conventions and additional protocols thereto. - M., 1996.

[13] Those harsh days. Chronicle of the Patriotic War of the people of Abkhazia (1992-1993). In documents / edited by V. G. Ardzinba. Sukhum, 2004.

[14] Khodjava R. V. Chronicles of the Patriotic War of the People of Abkhazia in Memories: a book in 2 volumes. - Sukhum.: Alasharbaga Publishing House, 2013.

[15] Chernichenko S. V. The Principle of Self-Determination of Peoples (Modern Interpretation) // Moscow Journal of International Law. - 1996. - No. 4.

[16] Shamba S. M. On the Issue of the Legal, Historical and Moral Justification of Abkhazia's Right to Independence // National Interests. - Moscow, 2000. - No. 1.

[17] Shamba S. M. The Negotiation Process: Hopes and Disappointments. Abkhazia - Georgia. Obstacles to Peace. - Book 2. - Sukhum, 2000.

[18] Shamba T. M. National Policy and the National and State Structure of the Russian Federation. - Moscow, 2000.

ЗАГАЙНОВ Антон Константинович,
*студент, Институт истории, права и общественных наук,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
Липецк, Россия,
e-mail: a17903319@gmail.com*

МАРКОВ Роман Станиславович,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»,
Липецк, Россия,
ORCID: 0000-0002-7257-6901,
e-mail: rsm-94@yandex.ru*

ПРАВОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В РЕФОРМАТОРСКОМ ПРОЕКТЕ С.Е. ДЕСНИЦКОГО

Аннотация. В статье рассматривается реформаторский проект С.Е. Десницкого как одна из первых в истории отечественной правовой мысли попыток юридического осмысления преобразования российской монархии. Обосновывается, что предложенная С.Е. Десницким модель разграничения законодательной, судительной, наказательной и гражданской власти была направлена на правовое упорядочение самодержавия. Особое внимание уделяется идее монарха как верховного арбитра в системе разграничения властей и ее значению для дальнейшего развития отечественной конституционной традиции.

Ключевые слова: Десницкий, история правовых учений, русское Просвещение, разделение властей, самодержавие, Сенат, судительная власть, наказательная власть.

ZAGAINOV Anton Konstantinovich,
*student of the Institute of History, Law and Social Sciences,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia*

MARKOV Roman Stanislavovich,
*PhD in Law, Associate Professor of Department of State and Legal Disciplines,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia*

LEGAL MODERNIZATION OF THE RUSSIAN MONARCHY IN THE REFORMIST PROJECT OF SEMYON DESNITSKY

Annotation. The article examines Semyon Desnitsky's reform project as one of the earliest attempts in the history of Russian legal thought to provide a juridical understanding of the transformation of the Russian monarchy. It is argued that Semyon Desnitsky's proposed model of distinguishing legislative, judicial, punitive, and civil authority was aimed not at rejecting autocracy, but at giving it a legally ordered form. Particular attention is paid to the idea of the monarch as the supreme arbiter within the system of differentiated powers and to the significance of this idea for the

subsequent development of the Russian constitutional tradition.

Key words: *Desnitsky, history of legal doctrines, Russian Enlightenment, separation of powers, autocracy, Senate, judicial power, punitive power.*

Введение

История отечественных правовых учений XVIII в. показывает, что российская юридическая мысль формировалась как восприятие европейских политико-правовых идей и одновременно как поиск собственных способов преобразования государства. В этом отношении творчество С.Е. Десницкого занимает особое место: в его трудах была предпринята попытка представить российскую монархию как государство, нуждающееся в правовом устройстве властей, судебной защите, упорядоченном принуждении и развитии законодательства.

Актуальность темы определяется тем, что в проекте С.Е. Десницкого впервые в русской юридической мысли была обозначена проблема соединения самодержавной власти с принципом разделения властей. Цель статьи состоит в историко-правовом анализе этого проекта и определении его места в развитии отечественной правовой мысли. Для достижения указанной цели раскрываются идейные предпосылки учения С.Е. Десницкого, содержание проекта законодательной, судительной, наказательной и гражданской власти, а также своеобразие модели монарха как верховного арбитра.

Правовые взгляды С.Е. Десницкого в контексте русского Просвещения

Правовед С.Е. Десницкий принадлежал к числу представителей русского Просвещения, стремившихся соединить европейскую правовую образованность с задачами преобразования российского государства. Обучение в Глазго, знакомство с английской и шотландской интеллектуальной традицией, восприятие идей естественного права, историко-сравнительного анализа и политической экономии повлияли на характер его рассуждений. Вместе с тем его программа не сводилась к заимствованию западных образцов: в современной литературе со ссылкой на Н.М. Коркунова подчеркивается, что речи С.Е. Десницкого не были простым пересказом услышанного в Глазговском университете, а выражали само-

стоятельную переработку полученных знаний [1, с. 181].

Творчество С.Е. Десницкого сформировалось в условиях, когда российское законодательство нуждалось в систематизации, а юридическое образование только приобретало отечественную научную форму. Уложенная комиссия 1767 г. открыла возможность для обсуждения вопросов кодификации, правосудия, наказаний, собственности и публичного управления. Именно в этом контексте было подготовлено «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи». Начальная формула сочинения имела принципиальное значение: «законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение» С.Е. Десницкий рассматривал как три должности, образующие законодательную, судительную и наказательную власть [2, с. 101].

Государственно-правовые взгляды С.Е. Десницкого нельзя свести к одному политическому постулату. В исследовании К.А. Соловьева они рассматриваются как концепция управления, в которой цель власти связывалась с внесением организационного начала в естественно складывающиеся отношения, прежде всего отношения собственности [3, с. 116–117]. Такой подход позволяет увидеть внутреннюю связь между рассуждениями С.Е. Десницкого о государстве, собственности, финансах, полиции, суде и юридическом образовании. Его реформизм имел комплексный характер: преобразование власти предполагало развитие правовой науки, судебной практики, публичного контроля и хозяйственного благоустройства.

С.Е. Десницкий мыслил в пределах монархического государственного порядка, признавал верховенство монарха, не предлагал народного суверенитета и исходил из сословной организации общества. При этом внутри данных пределов он пытался юридически ограничить произвол, установить порядок действия властей и поставить государственное принуждение в зависимость от суда и закона. Поэтому его учение следует рассматривать

как раннюю модель правового упорядочения самодержавной монархии.

Законодательная власть и преобразование Сената

Центральное место в реформаторской программе С.Е. Десницкого занимает вопрос о законодательной власти. Он исходил из того, что в Российской империи эта власть в полном значении принадлежит монарху. Однако такое признание не означало сохранения прежнего порядка управления: С.Е. Десницкий предлагал преобразовать Правительствующий Сенат в орган, который участвовал бы в законодательной деятельности, рассматривал государственные пошлины, вопросы войны и мира, надзирал за расхождением казны и являлся высшей апелляционной инстанцией.

Сенат у С.Е. Десницкого не становился парламентом в современном понимании и не мог издавать законы без монаршего утверждения. Вместе с тем он должен был выражать интересы различных частей империи, сословий, корпораций, городов, духовенства и училищ. Поэтому С.Е. Десницкий предлагал многочисленный состав Сената, включающий от шестисот до восьмисот лиц, избираемых из землевладельцев, купцов, ремесленных людей, духовных и учебных мест [2, с. 102–103]. В связи с этим А.А. Егоров обоснованно рассматривает данный проект как первую доктринальную попытку сформулировать концепцию реформирования государственного аппарата Российской империи [4, с. 98].

Система отбора сенаторов основывалась на имущественном цензе, личном содержании сенаторов без жалованья, срочности полномочий и недопущении чрезмерно длительного пребывания одного лица в сенаторском звании. В этих тезисах выразилось характерное для XVIII в. представление о связи собственности, общественной пользы и способности к участию в управлении. Автор не ставил вопрос о политическом равенстве всех жителей империи, но стремился расширить участие общественных сил в законодательной деятельности по сравнению с чисто бюрократическим управлением.

Важнейшим элементом проекта было правило о большинстве голосов в Сенате при последующем представлении решения монарху. Это позволяло соединить обсужде-

ние, представительство и окончательное верховное решение. Именно здесь проявляется своеобразный синтез самодержавия и разделения властей: монарх сохранял участие в законодательной деятельности, но вокруг него должна была возникнуть правовая процедура обсуждения. Так, С.Е. Десницкий стремился придать монархической власти юридически организованную форму без ее замены представительным правлением.

Судительная власть и гарантии правосудия

Второй частью проекта выступает судительная власть. В отличие от законодательной власти, сосредоточенной при монархе и Сенате, она должна была быть распределена по территории империи. Обширность государства, удаленность провинций от столицы и слабость местного правосудия делали необходимым создание устойчивой системы судов, действующих по правам, крепостям, свидетельствам, справедливости и истине.

Для С.Е. Десницкого правовая реформа означала не принятие одного нового закона (к чему в первую очередь стремились российские монархи), а изменение самого порядка осуществления правосудия. Он предлагал назначение образованных судей, требовал знания ими нравоучительной философии, натуральной юриспруденции, римского и отечественного права, а также практики адвокатской деятельности [2, с. 108–110]. Судья должен был обладать знанием законов и способностью к юридическому рассуждению. Эта мысль связывает качество суда с развитием университетского образования и профессиональной юридической подготовки.

Важными элементами судебной реформы являлись независимость судей, достойное жалованье, пожизненное пребывание в должности и невозможность произвольного устранения за строгое правосудие. Одновременно судебная власть не выводилась из-под ответственности: в случае явного нарушения закона допускалось обращение в Сенат, где виновный судья мог подвергнуться монаршему взысканию. Таким образом, независимость суда сочеталась с его юридической ответственностью.

Отдельного внимания заслуживает идея

публичности судопроизводства и участия посторонних лиц в исследовании дела. По английскому примеру С.Е. Десницкий предлагал выбирать пятнадцать человек для содействия судьям при рассмотрении уголовных и тяжёлых дел. Эти лица должны были наблюдать за исследованием дела и высказываться о виновности или невиновности. Такая конструкция не совпадала полностью с позднейшим судом присяжных, но предвосхищала гласность, участие общества и контроль за судебным решением.

По справедливому замечанию П.С. Грацианского, С.Е. Десницкий говорил не столько о разделении властей в строгом западноевропейском смысле, сколько об обособлении органов, осуществляющих законодательные, судебные и некоторые административные функции [5, с. 73]. Эта оценка позволяет избежать модернизации взглядов мыслителя XVIII в., поскольку С.Е. Десницкий не создавал завершённой теории правового государства, но предложил юридический способ ограничения произвола: выделение суда в самостоятельную власть, установление правил его действия и подчинение государственного принуждения судебному решению.

Наказательная и гражданская власть

Третьей властью в проекте С.Е. Десницкого является наказательная власть. Ее не следует понимать только как уголовно-карательную систему в современном смысле. Она охватывала исполнение судебных решений, содержание осужденных, поддержание общественного порядка, задержание преступников, управление тюрьмами, пожарную безопасность и отдельные фискальные функции. По сути, речь шла о сфере административно-полицейского принуждения, которая нуждалась в четких правовых пределах.

С.Е. Десницкий подчеркивал, что наказательная власть является последней и потому должна быть более зависима от высших властей, чем другие. Имеющие наказательную власть не должны предпринимать ничего важного без публичного судебного осуждения [2, с. 114]. Государственное принуждение должно следовать за судом, а не предшествовать ему. В этом проявляется одна из наиболее прогрессивных сторон проекта: С.Е. Десницкий

стремился отделить полицейское задержание и исполнение наказания от самостоятельного решения вопроса о виновности.

Наказательная власть поручалась воеводам, назначаемым монархом и зависимым от него. Это решение соответствовало самодержавной логике управления, но одновременно включало гарантии против злоупотреблений: воеводы должны были быть ответственны перед судьями, а жалобы на них подлежали передаче в Сенат. Даже назначенное монархом должностное лицо не должно было оставаться вне правовой оценки своих действий.

Четвертой частью проекта выступает гражданская власть, связанная с городским хозяйством, торговлей, благоустройством, мелкими спорами и местными нуждами. Она должна была принадлежать городским обывателям, главным образом купцам и художественным людям, при участии дворян; в столицах она мыслилась как орган, разделенный на департаменты, а в губернских городах – как более простая форма городского управления [2, с. 117–119].

В этой части проекта снова проявляется связь взглядов С.Е. Десницкого с идеей общественной пользы и хозяйственного развития. Государство не может быть прочным, если оно держится только на принуждении. Ему необходимы развитие городов, упорядочение имущественных отношений, защита от злоупотреблений и устойчивое хозяйственное управление. В исследованиях О.М. Барановой и О.Б. Шульчевой подчеркивается, что С.Е. Десницкий применял историко-сравнительный метод и связывал развитие права с изменением хозяйственного быта, собственности и семьи [6, с. 341].

При этом реформаторский проект С.Е. Десницкого нельзя сводить только к вопросу о разделении властей. Его рассуждения о собственности, финансах, семейных отношениях и юридическом образовании раскрывают более широкое понимание права как основы общественного развития. Собственность была для него условием общественного порядка, труда, ответственности и участия в государственных делах, поэтому именно она выступала основанием имущественных цензов в проекте Сената и гражданской власти. Финансовые рассуждения С.Е. Десницкого

также были связаны с правовым преобразованием государства: в приложении о финансах он рассматривал государственные расходы и доходы, подати, сборы, управление казной и необходимость ревизионного надзора [2, с. 122–128]. Значение юридического образования состояло в том, что судья, адвокат и законодательный деятель должны были быть подготовлены научно, а не только административно. Как справедливо подчеркивают Г.В. Цечоев и В.К. Цечоев, С.Е. Десницкий был автором научных трудов и реформаторских предложений, а его наследие требует источниковедческого и историко-правового анализа [7, с. 432–433].

Монарх как верховный арбитр в системе разграничения властей

Наиболее интересным элементом реформаторского проекта С.Е. Десницкого является его представление о роли монарха. В нём разграничение властей и требование не допускать выхода одной власти за пределы другой соединялись с сохранением за монархом верховного положения, окончательного утверждения законов, назначения судей и воевод, права помилования и возможности воздействия на высшие органы. Это сочетание раскрывает своеобразие ранней российской версии учения о разделении властей.

Автор проекта не переносил на российскую почву английскую или французскую модель в готовом виде. Он исходил из того, что российская монархия имеет собственную историческую форму, поэтому разделение властей должно быть приспособлено к самодержавному началу. В этом смысле С.Е. Десницкий одним из первых в отечественной юридической мысли предложил модель главы государства как арбитра над выделяемыми властями. Монарх у него не просто носитель одной из властей – он стоит над Сенатом, судом, наказательной и гражданской властью, обеспечивает их согласование, утверждает решения и сохраняет целостность отечества. На самобытность этой конструкции, связанной с возвышением монарха над разграниченными властями, обращает внимание и А.А. Егоров [4, с. 105]. Эта модель не совпадает с позднейшим принципом разделения властей, основанном на самостоятельности законодательной,

исполнительной и судебной власти. Однако она важна как начальный опыт синтеза самодержавия и правового разграничения государственных функций. Монарх должен был оставаться самодержцем, но уже не как источник произвольного решения, а как верховный хранитель порядка властей. Он не устранял закон, суд и представительство, а должен был обеспечивать их согласованное действие.

В этом отношении проект С.Е. Десницкого можно рассматривать как один из истоков той линии отечественной государственно-правовой мысли, где на главу государства возлагалась миссия по согласованию и разрешению противоречий властей, элит и социальных групп. В современном конституционно-правовом языке близкая функция описывается через представление о главе государства как символе единства, арбитра и примирителя в деятельности государственных органов [8, с. 7]. Между монархической доктриной XVIII в. и современным институтом главы государства нет прямого тождества, однако сама проблема согласованного функционирования властей имеет глубокие историко-правовые корни.

В дальнейшем эта линия получила развитие у М.М. Сперанского, который также пытался соединить самодержавие с разграничением законодательной, исполнительной и судебной деятельности. Исследователи отмечают, что у него разделение властей должно было усилить законность и ослабить деспотизм, но деятельность соответствующих учреждений соединялась в Государственном совете и через него восходила к престолу [9, с. 29–30]. В этом смысле между С.Е. Десницким и М.М. Сперанским просматривается важная связь: оба стремились ограничить произвол через создание порядка властей вокруг монарха, не отрицая самого монархического принципа.

Отдаленное продолжение данной линии можно обнаружить и в Основных государственных законах 1906 г. После учреждения Государственной думы и преобразования Государственного совета российский император уже действовал в условиях усложненного законодательного порядка. Еще позднее, в Конституции Российской Федерации 1993 г., идея главы государства как лица, обеспечивающего согласованное функционирование и взаи-

модействие органов публичной власти, получила современное конституционно-правовое выражение. Конечно, в данном случае речь идет о принципиально иной политико-правовой системе, но сама идея о главе государства как арбитре, стоящем над ветвями власти, была заложена именно С.Е. Десницким.

Содержательные пределы проекта С.Е. Десницкого определялись реалиями его времени. Он не предусматривал политического равенства, сохранял имущественные цензы, исходил из сословного устройства и не предлагал немедленной отмены крепостного права. Однако эта осторожность не отменяет реформаторского значения проекта: С.Е. Десницкий искал форму модернизации государственно-правовой системы, которая могла быть представлена монарху как средство укрепления империи, не становясь угрозой верховной власти. Его программа выступала против произвола, нестабильности суда и неограниченного административного принуждения, но при этом сохраняла монархическое и сословное основание государственной власти.

Заключение

Реформаторский проект С.Е. Десницкого занимает особое место в истории отечественных правовых учений. Его значение состоит как в раннем обращении к западноевропейской идее разделения властей, так и в попытке приспособить эту концепцию к условиям российской самодержавной монархии XVIII в. Мыслитель предложил правовую модель, в которой законодательная власть связывалась с монархом и Сенатом, судительная власть получала четкую территориальную организацию и профессиональные гарантии, наказательная власть подчинялась суду и закону, а гражданская власть обеспечивала городское благоустройство и местную самоорганизацию

подданных.

Внутренний смысл этого проекта заключался в стремлении заменить архаичное произвольное управление юридически оформленным порядком властвования. Автор не отрицал самодержавия, но пытался сделать его правовым, связав верховную власть с представительством, судом, публичностью, ответственностью должностных лиц и развитием отечественного законовещения. Именно поэтому его взгляды могут рассматриваться как один из ранних этапов формирования российской традиции правового ограничения власти.

Особую значимость имеет предложенная им модель монарха как верховного арбитра над властями. Эта идея, возникавшая как попытка соединить самодержавие и разделение властей, в дальнейшем получила развитие в отечественной конституционной мысли – от проектов М.М. Сперанского до усложненной монархической системы начала XX в. и современной конструкции главы государства. Между этими этапами нет прямого тождества, однако просматривается общая для российской традиции проблема: как обеспечить единство и эффективность публичной власти, не разрушая механизма сдержек и противовесов.

Реформаторский проект С.Е. Десницкого не был реализован в XVIII в. и не мог быть реализован в полном объеме в условиях крепостнической империи. Однако его научное значение определяется уровнем постановки проблемы: первый русский доктор права одним из первых в России перевел вопрос о преобразовании государства из сферы общих нравоучительных рассуждений в область юридического проектирования. В этом состоит его особое место в истории юридической мысли и в развитии отечественной правовой культуры.

Список литературы:

- [1] Стёпкин Е.Ю. Идеи реформирования полиции в работах С.Е. Десницкого // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 181–183.
- [2] Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века / под общ. ред. С.А. Покровского. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 99–142.
- [3] Соловьев К.А. Концепция государственного управления С.Е. Десницкого: опыт рекон-

струкции // *Исторический журнал: научные исследования*. 2022. № 4. С. 116–129.

[4] Егоров А.А. Проект государственных преобразований в трудах С.Е. Десницкого // *Труды Академии управления МВД России*. 2020. № 3. С. 98–105.

[5] Грацианский П.С. Десницкий: из истории политической и правовой мысли. М.: Юридическая литература, 1978. 111 с.

[6] Баранова О.М., Шульчева О.Б. Правоведческие и духовные особенности русского Просвещения в научном наследии С.Е. Десницкого // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2015. № 3. С. 340–342.

[7] Цечоев Г.В., Цечоев В.К. С.Е. Десницкий в русской либеральной правовой мысли и его законодательные предложения в историко-правовой тематике России XVIII столетия эпохи «просвещенного абсолютизма» // *Образование и право*. 2021. № 9. С. 432–434.

[8] Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2013. 558 с.

[9] Гладковская А.О., Иванова Н.М. Идеи М.М. Сперанского о системе разделения властей и современность // *Юридическая наука: история и современность*. 2022. № 8. С. 28–31.

References:

[1] Stepkin E. Yu. Ideas for Reforming the Police in the Works of S. Ye. Desnitsky // *Gaps in Russian Legislation*. 2015. No. 3. pp. 181–183.

[2] Desnitsky S. Ye. The Concept of the Establishment of Legislative, Judicial, and Punitive Powers in the Russian Empire // *Legal Works of Progressive Russian Thinkers. Second Half of the 18th Century* / edited by S. A. Pokrovsky. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1959. pp. 99–142.

[3] Soloviev K. A. The Concept of Public Administration by S. Ye. Desnitsky: A Reconstruction Experience // *Historical Journal: Scientific Research*. 2022. No. 4. pp. 116–129.

[4] Egorov A. A. The Project of State Reforms in the Works of S. Ye. Desnitsky // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3. pp. 98–105.

[5] Gratsiansky P.S. Desnitsky: From the History of Political and Legal Thought. Moscow: Legal Literature, 1978. 111 p.

[6] Baranova O.M., Shulcheva O.B. Legal and Spiritual Features of the Russian Enlightenment in the Scientific Heritage of S.E. Desnitsky // *Bulletin of the Orenburg State Agrarian University*. 2015. No. 3. pp. 340–342.

[7] Tsechoev G.V., Tsechoev V.K. S.E. Desnitsky in Russian Liberal Legal Thought and His Legislative Proposals in the Historical and Legal Themes of 18th-Century Russia in the Era of “Enlightened Absolutism” // *Education and Law*. 2021. No. 9. Pp. 432–434.

[8] Kutafin O.E. Head of State: Monograph. Moscow: Prospect, 2013. 558 p.

[9] Gladkovskaya A.O., Ivanova N.M. M.M. Speransky’s Ideas on the System of Separation of Powers and Modernity // *Legal Science: History and Modernity*. 2022. No. 8. Pp. 28–31.

